

СМОЛКА

СВИТКИ ПАМЯТИ

Автор: Смолка (Smolka*).
Соавтор идеи: Ira66.
Беты: Ira66, ReNne.
Арт: Coca_in, Некто А.

Год от основания Отца городов Риер-Де 879
Десятый год союза Лонги

Вилла Клеза

Хвоя осыпала пергамент, и Брен, улыбаясь, смахнул острые сухие колючки. Райн сейчас заставит его уйти в дом – ветер, мол, поднялся, заболеешь, – а не послушаешься, станет ворчать: «Упрям, как Астигат! Никакого сладу с тобой!» Все равно ведь затащит под крышу, а на улице так хорошо... осень выдалась красивая, будто первая осень мира – золотая, яркая, теплая. А здесь, в уединенном местечке Клеза в двухстах риерах от Трефолы, погода всегда хороша. И что с того, что ветер? Когда нежарко, думается лучше. «Да-да, – скажет Райн, – твой покойный отец вот так же сделал – отказался полушубок надеть, простыл, подхватил лихорадку и помер. Астигатово семя!» И ведь прав: упрямством в семье Астигатов разве что Лисса не страдала. Брен всегда говорил, что переписет Клезу на племянницу, раз брат подарил ему виллу в полное владение. Девочке может прийтись несладко – вдруг ее муж будет груб или умрет, а его родня начнет притеснять вдову? Брат керла возражал против того, чтобы Лиссу выдавали замуж так скоро, последний оставшийся свободным вождь Заречной Лонги и без брака прибьется под защиту Севера. Но судьбой племянников Брен не распоряжался, хоть и звался теперь Брендон-старший. Он много чем не распоряжался и не стремился к власти, пусть и жалел иногда о том, что ему не дано беспредельное могущество. Будь он всевластен, приказал бы зиме не наступать, войне закончиться навсегда, Райну – не ворчать, а племянникам – не болеть и радовать родителей. Лисса, Брендон, Стефан – белокурое, упрямое астигатово семя, дети керла Заречной. Брен скучал по ним, особенно по младшему, так, как в детстве скучал по Северу. Ему и сейчас хотелось видеть старшего брата – всегда хотелось, но со Стефом не нужно спорить и обсуждать дела, можно просто взять маленькую ладошку в свою руку и вести по дороге... Уже решено: Стеф станет воевать, а Брендон-младший – править, Лиссе же вести семью мужа. Брен считал, что детей нужно воспитывать одинаково, по его настоянию племянницу учили грамоте, но теперь он нередко думал: только навредил девочке. Зачем ей грамота в землях ее мужа – вождя нойров? Сам вождь молод и хорош собой, но дремуче безграмотен... нужно добиваться, чтобы Лиссе позволили чаще приезжать домой, в Трефолу. Неужели брату не жаль дочь? И Ари не жаль. Может, Иллариий?.. Брен решительно отодвинул недописанное письмо и потянулся за чистым пергаментом. Пока он корпит над налогами и сметой постройки новой дороги, девочка мается там одна. А Иллариий сможет уговорить Севера – хотя бы попробовать уговорить... если захочет. Брен обвел взглядом большой двор Клезы, усаженный вековыми елями. Райна поблизости не было – не прогонит пока в дом, значит, можно успеть написать. Брен никогда не был в Риер-Де, но подозревал, что в окрестностях Отца городов владельцы загородных имений не любят чащобу прямо из атриума... Райн наверняка ушел в лес. Восемь лет назад Брен вот так же отчаялся и растерялся и писал Илларию Касту, не ведая, застанет ли его послание адресата в живых.

«Иллариий! Прошу тебя о великой милости...»

Год от основания Отца городов Риер-Де 870 Второй год союза Лонги

Торнбладан

«Илларию! Прошу тебя о великой милости...»

Ледяной пронзительный ветер рвал пергамент из рук, даже стены шатра не спасали. Брен писал о налогах, о ценах, о голоде. И о бунте! Бунте в Трефоле. Пробежав глазами первые строки письма, Илларию едва не забыл о нем, о самом существовании чего-либо иного, кроме безбрежных снегов, отчаянного холода, в кровь рассеченных пальцев и лютой боли внутри. Не воины взбунтовались в столице лонгов, а все остальное – ждет. Протектор Лонги сжал зубы, заставляя себя прогнать самую страшную на свете одурь – кровавую, бешеную. Ярость всего лишь лекарство от боли, от страха. Илларию давно знал это и не собирался попадаться на удочку. Он напишет Брену, заставит себя вникнуть в смысл ровных строк – но прежде ответит гонцам Ульрика Рыжего. А до того... нет, нельзя! Он не пойдет к Северу. Не сейчас. Иначе не совладает с собой, и случится непоправимое. На войне не может быть ничего непоправимей и отвратительней ошибочного решения стратега. Илларию поправил медвежью доху, стянул на груди мех, надетый поверх доспеха, и вышел из шатра.

Отчего он решил, что Торнбладан – город или хотя бы деревня? Впервые попав в лагерь армии союза в келлитских лесах, аристократ Каст понял: раньше он не знал ни дикости, ни варваров! Он задержался в Гестии с отъездом в армию и всю дорогу находился в том приподнятом настроении, при котором все кажется маловажным и легким – даже война с полчищами людоедов. В дороге он читал в уме стихи и думал о Севере. Нить, живущая в их телах, не заснула, не погасла, напротив – сводила с ума ночами жарким узлом в животе, и кровь будто становилась пламенным ручьем – точно тем, что тек по сгоревшим улицам Трефолы в день конца войны с Инсаар. Они оба были так самонадеянны – союзники, победившие в самой страшной войне! И, увидев Торнбладан, Илларию не встревожился, отнюдь. А чего тревожиться? Море шатров и палаток, порядок, готовность воевать. Он долго не мог найти Севера, предвкушал встречу, но, разговаривая с верховным стратегом Крейдоном и другими командирами, пропускал половину услышанного мимо ушей. Одна только мысль веселила его: протектор не мог отличить имперцев от лонгов и других лесных жителей – все как на подбор носили меховые одежды, не брились и не стриглись. Держался лишь бывший командир его охраны Цесар – бритое лицо, короткие волосы, – но и на нем были штаны, варварские штаны, так памятные Илларию. Что поделаешь, в Торнбладане стояли морозы, снег в нерасчищенных местах лежал выше пояса, и ходить с голыми ногами становилось смертельно опасно. Но побриться и постричься же можно? Он шутливо выговаривал за это и имперцам, и Крейдону, они отшучивались в ответ. Несмотря на сдачу границы, впрочем, условленную по плану, воины были полны той же удали победителей. Трезены уже с месяц не предпринимали вылазок – с тех пор, как противник отошел в глубь своей территории и армия союза закрепилась в келлитских лесах. Устав сдерживаться, Илларию наконец спросил: скоро ли вернется его карвир? Север уехал на встречу с тестем, вождем келлитов – выбивать шкуры и мясо, пояснил протектору Крейдон. Это рассмешило Илларию. Ничего, у императора тоже приходилось выбивать снаряжение и продовольствие для армии, но теперь он ничем не обязан дядюшке Кладю. И убить бывшего консула еще ни разу не попытались, хоть он ждал мести за протекторат. Но дождался лишь вежливого письма от принцепса¹ Сената и совершенно глупого поздравления от императора. Кладий

¹ Принцепс Сената – первый среди сенаторов, играет роль, примерно соответствующую спикеру современного парламента.

поздравлял Илларию с двадцатилетием – по древним поверьям Риер-Де, возрастом, когда мужчина вступает в полную силу. Позже пришли письма от Данета Ристана и Луциана Валера, их переслал оставшийся в Трефоле Брендон. Оба «друга» умоляли Илларию не объявлять полный суверенитет, иначе его судьба будет незавидной, несмотря на трудности Риер-Де в других провинциях. Кладий боится его так, что «утерся», по милому выражению Севера, и проглотил протекторат, не жуя. «Друзья» писали также, что если союз в связи с новшествами не прекратит поставки в империю и «выгодное сотрудничество», то они помогут представить протекторат Лонги при императорском дворе в более лояльном свете. Брендон добавлял от себя: торговля со скупщиками Ристана идет успешно, оснований для недовольства нет. Отлично! Илларию не терпелось рассказать об этом Северу, именно от него, не от кого-нибудь еще, услышать о положении их собственной и трезенской армий и... просто увидеть белобрысое чудовище. Мать-Природа! Он высоко ставил полководческие таланты Астигата, хотя редко говорил об этом вслух, но в этот зимний день думал: его чувство не стало б менее острым, будь Север последним бездарем, вроде бывших соратников-квесторов Максима!

Астигат долго не возвращался от тестя, и Илларию удалось обойти весь лагерь, но о трезенах и опасности наступления думал в последнюю очередь. Проклятье! Когда же он перестанет быть мальчишкой?

Север вернулся к ночи, а с наступлением темноты Торнбладан превратился в утопающую в снегах сказочную поляну вей.² Лесные девы точно водили хоровод по синющим в сумерках сугробам, и у каждой в руке был огонек... Красиво! Илларию так и стоял на пороге шатра, в котором Север прожил уже месяц, и любовался на лагерь, когда услышал нужный – до крика, до слез – нужный ему голос.

– Ты!.. – этот возглас, и холодные губы на губах, и растерянно подрагивающие пальцы – уже позже, на жарких шкурах... Будто в первый раз, будто нет ни войны, ни усталости. Они не успели ни о чем поговорить, ведь нельзя же назвать разговором торопливый шепот и собственный стон. Без всякого стыда и сомнений он разделся перед Севером, обоим не было холодно. Так и стоял, обнаженный, посреди шатра, и пламя жаровни ласкало кожу, а нить звенела и пела, тянула силу к себе. Астигат прижался к нему, сорванно зашептал куда-то в волосы: – Думал, подохну без тебя... Слушай... никогда... давай больше никогда...

Илларию не спросил – что «никогда»? – и так сообразил. Два месяца врозь – это слишком, он и сам не понимал, как сумел выдержать. Без карвира рядом жизнь теряла остроту и яркость, теряла смысл... да, временами так и бывало. Илларию просыпался на шелковых простынях в своем гестийском дворце и в первый миг не мог уразуметь, почему он один. Горечь и страх стискивали сердце, а после отступали – Север в Торнбладане! Все хорошо, скоро они встретятся. И вот – встретились. Ладони скользнули по его телу, сжали плечи и отчего-то не легли на бедра. Ясно! Илларию требовательно сдернул с плеч Севера меховую доху, потянул шнуровку туники – ему хотелось быть снизу самому, но, если карвир желает... в конце концов, ночь только началась! Он взял Севера так, как им обоим хотелось – быстро, сильно, дважды, а тот лишь просил еще... И нить, казалось, дала их телам такую мощь, перед которой ничто человеческая усталость – они были неутомимы. Может быть, верно писали некоторые философы: Инсаар дают мужчинам ту силу на ложе, коя требуется для служения им? Они с Севером знали, что служат не нелюдям, а себе и миру, но это ничего не меняло! Илларию смотрел в запрокинутое лицо карвира, в распахнутые, невидящие глаза, толчок за толчком подчиняя себе непокорное тело –

² Вей – духи легенд, обычно изображаемые в виде стройной, красивой девушки.

никому, кроме него, не покорившееся... Ласкал белокурые пряди, обматывал ими горло, а союзник лишь подавался навстречу требовательно, и жесткие пальцы сжимались на плечах, на ягодицах, вдавливая в тесное нутро. Они так и не поговорили о войне – а зря, ведь на утро было назначено наступление! – но Иллариий успел сказать то, что считал важным. Сказал, несмотря на то, что опасался недовольства Севера, его гнева, а о возможной ссоре даже думать не хотелось! Не сейчас, когда так хорошо вместе! Они никогда еще не были так близки – словно рухнули все преграды, и ушла вся ненависть – и протектор решил: лучшего мига не представится. Иллариий посмотрел на собственное семя на бедрах Севера, на яркие отметины на шее и, сжав в ладони нетерпеливо подрагивающую плоть, сообщил карвиру:

– Я сделаю тебя своим вновь... но при одном условии! – увидел, как затрепетали удивленно черные ресницы над темно-серой искрящейся глубиной, и засмеялся сведенными желанием губами: – Я переписал завещание, союзник! Не смей спорить, я сейчас твой хозяин, – Иллариий вошел в раскрытое ему навстречу тело плавно, но сильно и до конца, услышал громкий стон – наслаждения и счастья близости, – почувствовал, как впились пальцы в его ягодицы, и прижался лицом к напряженному плечу. – После моей смерти... ты и Брен получите все... все мое состояние. И не смей спорить!

Север не спорил. Только так и нужно сообщать союзнику подобные новости! Когда он беспомощен, хочет тебя так же, как ты его, и тянется нить от одного к другому...

Астигат после смеялся растерянно, потрясенно, но они не поругались, как Иллариий и мечтал. А назавтра началась война, войско союза перешло в наступление, оставив в Торнбладане резерв. Когда им с Севером подвели двух тяжеловозов, способных выдержать многочасовой поход и битву, Иллариий, рассматривая с седла лагерь, задал себе вопрос: какая по счету эта война для него? Выходило, что пятая или шестая, а может, и седьмая. Вся жизнь сливалась в череду сражений и сама была бесконечной битвой. Он улыбнулся союзнику, тот ответил смехом – и начался отсчет Первой Трезенской. Сами лонги и даже местные келлиты, коих протектор вначале отличал по длинным гривам, заплетенным в косы, и упрямому нежеланию или неумению говорить по-имперски, называли трезенов варварами или «скотами рогатыми». По прошлым столкновениям с племенем людоедов Иллариий хорошо запомнил рогатые шлемы на головах врагов, и вскоре эти самые шлемы начали вызывать у него лютую ненависть. Трезены словно бы подчеркивали: мы звери, бойтесь! Бессмысленная жестокость – то, что Иллариий больше всего ненавидел в людях. Скудость собственной земли и постоянный голод гнали трезенов на юг. Это и еще огромное количество народа, населяющее неплодородные земли. Воины шутили: у «рогатых» даже мужики от любовников рожают, ибо бабы столько народу народить не могут! И верно, что врагам делать в своих снегах долгими ночами? Только совокупляться и плодиться. Врываясь в становища, трезены вырезали всех сопротивляющихся, поджигали шатры и поля и непременно уводили с собой несколько десятков пленных для мерзких трапез – а если было время, сжирали пленников тут же, на месте битвы. Торговать врагам было не с кем, рабы им не требовались, а жестокость обращения с захваченными воинами привела к тому, что союзники строго приказали: за оставленного на поле боя раненого виновному полагались плети. Если не можешь спасти товарища – добей!

Через несколько дней регулярная армия встретила в условленном месте с ополчением келлитов, и тут Иллариий окончательно понял, как Великому Брендону удалось сплотить лесные племена. Вождь келлитов, уже седой, но невероятно крепкий мужчина, и его старшие сыновья – все как на подбор рослые, сильные – терпеть не могли зятя, его племя и его союзников и нисколько этого не скрывали. Больше всего келлиты

ценили вековой уклад жизни, доставшийся им от предков, и всякий покусившийся на право полгода охотиться, полгода проедать в шатрах добычу записывался во враги. Не будь на свете трезенов, Брендону Астигату ни за что не удалось бы привлечь на свою сторону многочисленное племя. Но теперь келлиты строго соблюдали свои обязательства, отменно воевали, привозили нужное количество снаряжения и припасов, давали приют больным и раненым. Правда, драки между местными и легионерами вспыхивали постоянно. Сам Север на второй день совместной войны разбил старшему сыну келлитского вождя лицо, что, впрочем, не особо отразилось на внешности избитого. Естигий – здоровенный мужик, на полголовы выше и бывшего мужа сестры, и самого протектора – красотой не страдал, зато был силен, как бык, просто Север двигался быстрее. Драка едва не перешла во всеобщее побоище, которое союзники с трудом предотвратили, а после Север плевался и ругался, уверяя Илларию, что они с Естигием всю жизнь друг друга ненавидели. Еще с того времени, как отцы впервые зачислили их в дружину – в битве все с теми же трезенами, где будущим родичам вменялось в обязанность подносить взрослым воинам дротики, стрелы и воду. Протектор находил обычай заставлять воевать двенадцатилетних детей варварским, но Север вспоминал о том времени с удовольствием, смеясь, рассказывал, как Естигий после боя пообещал, что на первом же Ка-Инсаар отымеет наглого сынка Великого. Мол, так вставлю – до следующей луны не сядешь. «Ну-ну, – хохотал Север, – через два года я его отымел!» – «Ясно, – процедил Илларий. – Может, надо было лучше стараться?» Похоже, любовный опыт не прибавил Естигию обожания к сыну вождя лонгов. Протектору было неприятно думать, что Север когда-то, пусть без малейшей симпатии, но касался этого... лохматого варвара! Карвир, предотвращая ссору, сгреб Илларию в охапку и между поцелуями сказал, будто припечатал: «Я никогда ни с кем не старался – до тебя. И не стану».

Чтобы примириться с келлитами, они устроили общий Ка-Инсаар, и аристократ Каст с каким-то подспудным ужасом взирал на первобытную мощь развернувшегося перед ним действия. Тысячи небритых, пьяных мужчин в накинутах на голое тело шкурах, танам рекой, снег, шатры... и дикие вопли. Под крики одобрения с обеих сторон на середину расчищенной поляны вышел огромный келлит и призвал любого из пришлых сразиться с ним. «Имперцы называют нас варварами, а лонги простили голоногим все обиды! Мы чтим союз Дара, волю Инсаар Быстроразящих, но хотим показать, что келлиты – свободное племя! Мы не склонимся ни перед кем! Никогда! И потому я призываю на обрядовый поединок лонга или имперца – пусть все видят, что кровь в наших лесах горяча!» Келлит скинул с себя шубу, оставшись голым в свете костров – сильное, закаленное в боях тело, густые волосы на плечах, налитое естество... Карвиры сидели рядом на шкурах, и Север вцепился в руку Иллария, хотя протектор и не собирался принимать вызов – такие забавы не для него. Рядом шевельнулся было Крейдон, но Астигат так рывкнул, что стратег обиженно передернул плечами. «Ничего, пусть варвар келлитский вопит, – пробормотал Север. – Только и умеют, что удаль показывать, воевали б лучше... если никто не вызовется, сам пойду, уделаю скотину». Илларий положил руку на рукоять меча и совершенно спокойно сказал: «Встанешь – и умрешь тут же, карвир, пусть меня потом Инсаар на месте покарают». Минуты шли, и тут в десяти шагах от Иллария встал Цесар, ныне командир Первого имперского легиона. Протектор даже прижал ладонь ко рту. Цесара было жаль, понятно же, что шансов у парня нет, ни единого. Светловолосый, стройный, красивый, легкий и быстрый, точно олень, илгу Цесар был любимцем и Заречной, и Предречной армий. Немало парней сходило по нему с ума, но Цесар любил свою жену и кроме обрядов мужчин не касался. Что его дернуло?!

«Вот дурак», – пробормотали хором союзники и Крейдон. Илларий еще и добавил: «Нужно запретить командирам участвовать в таких драках, так воевать некому станет. Сейчас же келлит отымеет Цесара так, что тот и впрямь месяц не сядет и ходить не

сможет». Но вызов был принят, оставалось лишь молча ждать развязки. Келлит и имперец дрались настолько красиво, что протектор залюбовался невольно и вдруг почувствовал... ну да, верно! Илгу все сволочи! Келлит был раф и, конечно же, понятия не имел ни о том, как защититься от отъема силы, ни даже о самой способности илгу пить все живое. А Цесар пил. Не из баловства – расчетливо, понимая, что иначе на победу нечего и надеяться. Пил понемногу, замирая в схватке на миг и вновь сходясь в рукопашной... и победил. Не мог не победить. Что ему какой-то раф – ему, пившему бессмертные жизни нелюдей? Но келлит сопротивлялся стойко, хотя у него наверняка кружилась голова и ломило в висках. Цесар ткнул противника лицом в землю, оседлал могучие гладкие бедра... кто-то крикнул на лонге: «Здесь, пусть все видят!» Командир легиона поймал взгляд Илларию, улыбнулся шалыми глазами и вдруг наклонился – поцеловать обнаженную шею поверженного. Потом сказал громко: «Я победил, и пусть знают келлиты, что сила союза Дара велика!» Дружный крик товарищей был ему ответом, келлиты же угрюмо молчали, и тут Цесар потряс всех. Быстро соскользнул на землю, подтянул к себе ближайшую шкуру и засмеялся: «Давно не принимал мужчину в себя, доставь мне такое удовольствие, келлит! Как тебя зовут? Должен я знать имя любовника, с кем обряд меня повяжет!» Келлит от неожиданности рыкнул нечто невразумительное, но кто-то подсказал с места:

– Конрадом его звать!

Цесар встал на колени, взял келлита за руку, положил себе на ягодицы большую ладонь и выдохнул громко:

– Возьми меня, Конрад. Ка-Инсаар!

Это было немыслимо, невероятно, но так... красиво и хорошо! Справедливо. Север шепотом хвалил имперца за ум. «Теперь келлиты поймут, что союзники и их воины многократно сильнее, но не желают им зла. Лар, Цесар заслужил награду!» Протектор был согласен. Все вокруг, замерев, смотрели, как в рыжем свете костров изогнулось гибкое тело имперского воина, как грубые, смоченные слюной пальцы Конрада ласкали подставленный вход, касались промежности, как сошлись кольцом на напряженной плоти, как сжали с нежностью... И вдруг Конрад приподнял Цесара, прижал к себе спиной и принялся целовать – долго, с силой проводя ладонью по естеству. Имперец застонал протяжно. В тишине это было как удар грома, и напряжение на поляне стало невыносимым. Илларию, не сознавая разумом, весь содрогался от жара в самом себе, от жгучих резких рывков сокровенной нити, и тут Север просто прижал его ладонь к своему паху, точно так же обхватывая член любовника под распахнутой шубой... В середине поляны рывками двигался Цесар, насаженный на плоть келлита, и кричал от наслаждения, запрокинув голову, а отросшие волосы вились на спине кольцами... и под стоны воинов Илларию спустил семя в ладонь карвира, до боли сжимая зубы, чтобы самому не заорать. Север кончил тоже, на миг ткнулся лицом Илларию в плечо, поцеловал быстро и как ни в чем не бывало поднялся на ноги. «Да живет союз Лонги вечно, – рявкнул Астигат. – Ка-Инсаар! Быстроразящие примирились с нами и благословили нашу войну и нашу дружбу! И ныне едины народы, населяющие Лонгу, нет здесь больше врагов и соперников – келлиты, лонги, имперцы вместе выйдут на битву. И подохнут рогатые трезенские собаки! Барра!»

Ответом был такой дружный вопль, что Илларию вновь поразил, даже позавидовал по-доброму. Его карвир, белокрысый змей, наследник самого большого хитреца этого века умел извлекать выгоду из любых обстоятельств! Обрядовые любовники поднялись на поляне, шатаясь и цепляясь друг за друга, и Конрад так смотрел

на Цесара, что стало ясно: келлит влюбился мгновенно и по уши. Ка-Инсаар продолжался, но союзники лишь к утру смогли остаться вдвоем, причем настолько устали, что просто повалились рядом, обнялись и уснули. Перед тем как закрыть глаза, Север спросил: «Ты и впрямь убил бы меня?» – «Замолчи», – пробормотал Иллариий и закрыл губами союзнику рот... так и заснул, но, проваливаясь в сон, еще успел подумать: любовь сделала с ним что-то жуткое – или, быть может, он сам с собой это сделал. В юности он зачитывался трагедиями вроде «Анея и Марциала», в которой один герой убил другого – юношу шестнадцати лет – из ревности, но по ошибке. Марциал изменил любимому потому, что злой сенатор заставил юношу таким способом вымалывать жизнь приговоренного к казни отца. Аней же, не разобравшись, в припадке злобы задушил мальчишку, стенавшего у его ног о любви и духовной верности. Чем так восхищался юный болван, зачитывая страницы до дыр? Но, прижимаясь к горячему телу спящего Севера, Иллариий понял ревнивца Анея, понял впервые, ведь всю свою жизнь аристократ не знал подлинной страсти. Он не в состоянии был даже представить карвира с другим, лучше никому, чем... какая дикость! Просто дикость Торнбладана, этих лесов и снегов заставляет думать так, а после все пройдет.

Наутро после Ка-Инсаар протектор вновь ругался: совершенная дикость! Упились и отдавались друг дружке все, кроме часовых; Крейдона и Цесара пришлось вытаскивать из меховых постелей чуть не силой, притом Конрад едва ли не рычал на Илларию – так не хотел отдавать новоприобретенного возлюбленного командир, ха! А еще у Илларию пропали ножницы. Подстричься оказалось совершенно невозможно, а лесной змей, его карвир, с ехидной улыбкой предложил собственный кинжал шириной в ладонь. Ну уж нет! Он подождет до Торнбладана – вдруг там остались ножницы? – или попросит у кого-то из командиров-имперцев. Но нужного нигде не сыскалось. Дикость! Однако обряд принес пользу – келлиты перестали задираться, и хотя их вождь продолжал ворчливо осуждать любой поступок зятя и его союзника, но продовольствие поступало бесперебойно, и ополчение явилось точно в срок. «Рогатые» разбивали свои дружины на более мелкие, и для первой крупной битвы с трезенами союзники разделили армию на три части. Бойня была жестокой, Иллариий по пальцам мог пересчитать, сколько ему доводилось видеть таких сражений на своем веку. От прочих врагов трезенов отличала воистину звериная ярость и пренебрежение к смерти и боли, они кидались в бой, будто безумные, размахивая боевыми топорами, точно веточками... Север рассказывал ему, что у трезенов воинов опаивают какой-то дрянью, но жрецы лонгов и других народов Заречной издревле считали искусственную храбрость порочной. Одурманенный уже не подобен человеку, не сознает выгод и недостатков собственных действий и в припадке боевого безумия может убить и своего. «Вот потому-то именно лонги и стали государством, – ответил Иллариий, – а трезены так в дикости своей и перемрут от голода и бешенства». Каждый бой был тяжел чудовищно и приносил большие потери, однако им удалось вернуться на прежние рубежи, оставленные Крейдоном этой осенью.

Вскоре Иллариий впервые столкнулся с вождем трезенского племенного союза – знаменитым Ульриком Рыжим. В разгар битвы Север вдруг послал коня вперед, и Иллариий, повинувшись приказу нити, рванул за ним. Они увидели огромного человека на боевом тяжеловозе. Ярко-рыжие волосы великана развевались на снежном ветру, и даже на расстоянии в четверть рiera карвиры ощутили крутящуюся в глубине существа врага воронку. Илгу! Пьющий большой силы – серый посланец Старейшего из Абилы не солгал. Ульрик крикнул что-то, и Север с улыбкой, больше похожей на волчий оскал, перевел: трезен «обрадовал» противников намерением отдать их своим воинам, а после самолично съесть особо ценные части тела. «Станные у людоеда вкусовые предпочтения», – процедил Иллариий и незаметно подозвал двух лучников. Но Ульрика мгновенно закрыли щитами, стрелы не попали в цель... Больше вождя трезенов они вблизи не видели, зато

разведчики выжили, что Рыжий приказал вести охоту на командиров противника, прежде всего – на самих союзников. Откуда у трезенов тяжелые дальнобойные луки, недоумевали ветераны, «рогатые» всегда презирали тех, кто использует лук в бою, а не для охоты! В целом же тактика людоедов не отличалась разнообразием, но армии Лонги это помогало мало. Трезены наваливались толпой, врубаясь в ряды с истинным безумием, держать строй при таких атаках было тяжело. Придуманный союзниками в Лесном Стане план – стянуть трезенов «в мешок» и развеять по ветру – довольно скоро потерпел крах. Уверенные в своем превосходстве, три части войска карвиров разошлись слишком далеко друг от друга, трезены только того и ждали, и вскоре Северу и Илларию пришлось применить страшное, но справедливое наказание Риер-Де – казнь каждого десятого труса. В одном из сражений Ульрик проломил строй частей Крейдона, и задние ряды, увидев, как погибают передние, бросились бежать. Трезенов слишком много, полчища, оправдывались они после. Сказанное было правдой: числом противник превосходил армию Лонги. «Рогатые» вновь заняли территорию келлитов, вновь запылали становища, а стратег Крейдон вызвался лично искупить позор своих легионеров, став приманкой. Илларию был против рискованного шага, но оба лонга стояли на своем, и на рассвете шестидесятого дня войны поредевшие части стратега сделали вид, что отступают в панике. Трезены, проглотив наживку, кинулись вслед, а когда Ульрик в боевом азарте погони потерял осторожность, по нападавшим с двух сторон ударили легионы Заречной и Предречной.

Они праздновали победу, и Илларию, на радостях напившийся до полного умопомрачения, твердил Северу, что тактика «двойного обмана», так выручившая Астигата во время взятия Гестии и в войне с Инсаар, войдет во все учебные трактаты. «Будущие стратеги будут учиться у тебя, карвир, – шептал протектор куда-то в шею любовнику, – но только ни одна больше голова на свете не придумает таких хитростей... Убедить врага: ты слаб и глуп, ты растерялся! Заманить и ударить – отлично сделано».

«Провожатые» подсчитали трупы – в одном бою удалось уничтожить больше двадцати тысяч трезенов, и еще около десяти тысяч оказалось в плену. Мужчин-пленных после недолгих колебаний решили казнить, оставив в живых лишь вождей и знаменитых воинов – для обмена, мальчишек продали скупщикам рабов в Торнбладане. Впрочем, «обожаемый тесть», как Север звал вождя келлитов, уверял союзников, что трезены никогда не обменивают пленных, так что лучше прикончить всех «рогатых собак», невзирая на возраст и ценность. И действительно, на предложение об обмене трезены ответили: попавший в плен есть трус и должен сдохнуть. Север и Крейдон убеждали Илларию, что и мальчишек лучше не тащить в Лонгу, от них одни неприятности, но протектор уперся: нельзя убивать детей. Он сходил в «загон», где держали около двух сотен пленников в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет, и с горечью убедился в полной правоте карвира и стратега – молодые трезены были дики, необучаемы и остервенело жестоки. Годятся только в рудники, где рабы работают в цепях, а много ли способны добыть руды эти тощие мальчишки? «Мерзость, – ругался Илларию, – заставлять воевать детей – варварство! Всех пленников придется убить рано или поздно, и виноваты в этом их отцы и братья, пославшие мальчишек в бой». – «Ничего подобного, – возражали Север и Крейдон, – просто трезены все варвары, не в возрасте дело... они твари, Лар, тварями рождаются и подымаются. Нельзя иметь под боком раба, пробовавшего человечину». Сам Илларию начал воевать в пятнадцать, но это был его осмысленный выбор, а юным трезенам просто некуда деваться. В конце концов мальчишек отправили к реке Веллга добывать руду – и то хорошо, но протектор сомневался, что многие из них доживут хотя бы до следующего года.

После победы армия союза вернулась на границу с трезенами и вновь перешла в наступление, но враг после нескольких мелких стычек внезапно исчез. Легионеры свободно захватывали покинутые становища, где над шатрами висели человеческие черепа и кости, а в кострищах еще находили остатки жутких пиршеств... нашлось и несколько собственных пленных, в таком состоянии, что их добили немедленно – из сострадания. Протектор понимал, что людоедство, возведенное в обычай и ритуал – всего лишь обусловленная постоянным голодом необходимость, но с каждым днем все больше и больше убеждался в неизбежности полного уничтожения трезенов. Он припомнил давнюю тактику, примененную Риер-Де всего несколько раз против народов, чье существование угрожало империи так же, как угрожало союзу Лонги существование людоедов. Мысль была настолько отвратительной, что он трижды подумал, прежде чем поделиться ею с Севером, но к его безмерному удивлению, союзник счел такой способ действенным, жаль, не применишь, ибо опасно для себя. В Торнбладане и становищах келлитов люди все еще умирали от болезни, свирепствовавшей здесь летом и осенью. Теперь чума пошла на убыль, но никто не сомневался, что причина в зимнем холоде. Одежда и шкуры больных, трупы скончавшихся от чумы... двести лет назад Риер-Де проделала такое в Абиле, а собственный дед Гай Каст заражал перунийцев. Мерзость, но еще большая мерзость – каждый год ждать нападений. Чуму они решили оставить на крайний случай.

Все дело в Ульрике Рыжем, ворчал Север. До него у трезенов не было столь умного вождя, это же просто толпа – дикая, никому неподвластная. А теперь лазутчики уже с полмесяца не могли найти вражеское войско – это ли не доказательство разумной стратегии? Может быть, серый посланец Старейшего прав? Нужно найти Ульрика и попросту выпить! Без вождя трезены станут просто стадом... Иллариий и рад был бы выпить рыжего людоеда, да где его найдешь? С наступлением весны – впрочем, холодно было по-прежнему, и снег продолжал покрывать землю – враги отыскиались. Ульрик опять разделил войско, и союзникам тоже пришлось разделиться. И теперь Иллариий Каст не мог себе этого простить.

Весть о том, что Заречная армия и ополчение келлитов сцепились с врагом, дошла до Предречной очень быстро. «Помощи не требуется, оставайтесь на рубежах, трезены и на вас напасть могут», – передал слова Севера квестор Гай Публий. Протектор остался, а рано утром проснулся в своей палатке. Сел рывком, уставившись в темноту, и тут же повалился на меховые одеяла – боль, ужас и чудовищная слабость лишили его голоса. Иллариий хватал ртом воздух, а тело будто разрывало на куски... и нить рвалась! Он давно позабыл это чувство нестерпимого страха, пережитое им в Трефоле при первом и третьем нападении Инсаар. Слезаящими глазами протектор смотрел на закрытые шкурами стены палатки и видел перед собой окровавленный снег, чьи-то оскаленные рты и запрокинутое бледно-голубое небо...

Север! Что-то случилось! Боль отпустила на миг, но слабость стала невыносимой. Карвир тянул из него силу – тянул с отчаяньем... умирающего?! Иллариий кое-как встал, выбрался, шатаясь, из палатки. К нему тут же подбежали... он не видел лиц, только качающееся марево, боль накатила вновь, а нить пропала совсем. Оборвалась. Молчала мертво. Что это значит?! Он заставил себя думать, заставил отдать приказ: они немедленно выступают на соединение с Заречной. Немедленно. Ему было безразлично, что стоит им уйти, и враги вновь займут эту территорию – только бы узнать, что с Севером, помочь ему! Цесар схватил Иллариия за плечи, встряхнул, и только тут протектор понял: он давно шепотом орет на подчиненных, а они не могут сообразить... В губы ткнулось горлышко фляги, Цесар поил его крепчайшим танамом, а протектор вместе с обжигающей жидкостью пил силу командира Первого легиона. Какое счастье, что Цесар –

илгу и может в случае опасности полного истощения закрыть себя стеной. Конечно же! От облегчения у Иллария подкосились ноги, он вцепился в плечо своего бывшего командира охраны и засмеялся, как безумный. Боль, потом слабость, потом обрыв нити – все это может означать не смерть Севера, но лишь то, что карвир закрыл себя. У Астигата такие штучки получались лучше, чем у кого бы то ни было, в конце концов, он выпил Амплиссимуса! Правда, Север утверждал, что врага они выпили вместе, но Илларию хорошо помнил свою тогдашнюю слабость и знал: задержись союзник еще на несколько мгновений, и ему бы не жить. А теперь... что могло заставить Севера оборвать внутреннюю связь? Рана? Плен? В любом случае нечто настолько серьезное, что он побоялся иссушить Иллария, если не закроется. Немного успокоившись, протектор принял решение оставить своих людей на занятых рубежах, а сам с отрядом в сто человек двинулся к расположению Заречной. Отряду дважды пришлось сворачивать в глубь леса, пережидая движение вражеских цепочек – трезены пробирались по снегу, дыша в затылок друг другу, чтобы скрыть численность – и, завидя рогатые шлемы, Илларию проклинал собственную щепетильность. Нужно было пить Ульрика сразу же, едва увидев – война давно бы закончилась! Глупость, какая глупость так думать! Когда же, наконец, имперец запомнит: варвары дерутся не за вождей. Просто между лонгами и трезенами такая глубокая пропасть, что сравнивать казалось немыслимым... и все же полчища людоедов не рассеются со смертью рыжего предводителя. Тяжеловоз вяз в снегу по грудь, а Илларию с тоской и злобой вспоминал оставшегося в Торнбладане Быстрого. Вороной гестиец, способный покрывать двадцать пять риевов за час, мигом домчал бы его!.. От страха определенно глупеют, и протектор Лонги не исключение – Быстрый в здешних снегах лишь переломал бы себе ноги, а мохнатый тяжеловоз пер и пер себе вперед. А нить молчала, молчала, проклятая! Не отзывалась, будто ее не было никогда. У него болело все тело, и ледяная, неуправляемая мука нарастала с каждым часом...

Илларию влетел в шатер карвира, словно каменное ядро катапульты, едва не сбив с ног Крейдона и какого-то хилого человечка в имперской одежде.

– Выйти всем.

Оба немедленно выполнили приказ протектора, а Илларию встал перед ложем раненого и долго смотрел в серые глаза. Ему хотелось убить. Да, именно убить – за пережитый страх, за свою клятву... как назвать подобное? Если без вот этого лохматого чудовища не можешь жить и дышать, если мир мгновенно превращается в ненужный тусклый сон?

– Куда ты ранен? – можно было не спрашивать, и так видно. Рана в плечо – трезенские лучники освоили тяжелые луки и охоту на командиров вели исправно! Но он должен был что-то сказать, иначе просто свалился бы на колени перед ложем.

– Лар... сядь, – Астигату было трудно говорить, но он улыбался. – Зачем ты приехал? Со мной все хорошо, а вот трезены...

– Дурак. Полная бестолочь, – процедил Илларию. – Какого... ты вперед лезешь, тварюга белобрысая?! – он не мог перестать ругаться, а Север только улыбался, и золотая прядь падала на лицо. Протектор пролетел через лагерь Заречной, не останавливаясь, и лишь после узнал подробности боя. Союзник лез на переднюю линию, а как же! Дурацкая варварская манера – вождь личным примером указывает путь храбрецам! По роже бы отхлестать... Илларию колотило, но он заставил себя вслушиваться.

– Да я встану завтра, Лар! Ну, пустяк же... ты прости, я испугался, что выпью тебя, потому и стенка... не смотри ты так, я живой! Ну, правда, Лар... ты чего?!

Протектор выскочил за полог, полчаса допрашивал лекаря-имперца и только потом вернулся к Северу. Лжец! Лесной змей лгал ему, как всегда, – рана была тяжелой. Стрела оказалась зазубренной, пришлось вырезать, потерял много крови, может начаться лихорадка...

– Илларий... ты лучше пойди разведчиков послушай. Мы едва сдержали этих тварей рогатых... а я завтра встану... иди отсюда, иди, нечего сидеть... поговори с Крейдоном, мы должны что-то сделать до теплых дней... здесь же потоп начнется, как снег стает. «Рогатым» тьфу, а мы утонем... Лар, ну не смотри ты так. Ну не надо... нить... я боялся: она убьет тебя. Если б стрела до сердца достала или легкого... тогда ты б тоже... ну не смотри так... сам ты дурак... дурак... безумец... а байки-то – правда, чистая правда, Лар. Нужно закрываться друг от друга... когда вот так... я б себе не простил...

Север выдавливал каждое слово, посеревшие губы едва двигались, а холодная ладонь нашла руку союзника и оттолкнула от себя. Север был прав: нечего сидеть, он ничем не поможет, даже силу не отдаст – стена держала его на расстоянии, Астигат боялся за неженку! Душило бешенство. Из-за каких-то вшивых людоедов, слова доброго не стоящих... вырезать бы их всех – от мала до велика! Даже женщин, раз плодят людоедское семя.

– Ты спи. Я пойду к разведчикам. Спи, – он приложил ладонь к губам Севера, заставив замолчать, не тратить силы, и еще посидел рядом немного, с болезненным вниманием разглядывая расслабившиеся во сне черты. Потом ушел и рыскал по лагерю до темноты. Постепенно в уме сложилась картина – после тяжелого боя потери обеих сторон исчислялись тысячами, а трезены вновь куда-то исчезли. Крейдон был согласен с Севером: если «рогатые» нападут еще раз, то армия союза не удержит здесь позиции, а объединение с Предречной чревато прорывом в другом месте. Илларий переговорил с сотней человек, не меньше, но придумать что-то путное мешала пустота внутри – ширившаяся, пожиравшая душу.

К ночи они торопливо поели вдвоем с Крейдоном, и стратег уже собрался идти спать, когда часовые внесли в шатер странный предмет – завернутую в хорошую шкуру палку с какими-то знаками. Палка расширялась на конце, напоминая по форме член Инсаар. Увидев штурмовину, верховный стратег вдруг вскочил с места и вцепился протектору в плечо. Насколько понял Илларий, палка с письменами, найденная в риге от лагеря союзников, означала призыв к переговорам. Логика трезенов ускользала от понимания, но Крейдон пояснил: форма символа говорит о намерении «вроде как честно поиметь друг друга, зад подставить, понял, роммелет Илларий?». Что? Если на переговорах с трезенами нужно непременно совокупляться, то дротик им в задницу, а не переговоры! Но, как уверял стратег, деревянный член всего лишь символ, намек на союзный договор Ка-Инсаар – то есть трезены призывают к передышке и перемирию. Илларий не верил «рогатым» ни на асс и заявил Крейдону, что переговоров не будет. Скверный характер верховного стратега тут же вылез наружу, тот принялся доказывать: в их положении не выбирают, так-то! «Нужно узнать, чего хотят враги, тогда уж и думать, иначе мы здесь не только завязнем, но и костями ляжем – все вместе. Трезенов и сейчас больше, чем легионеров союза, так что, роммелет Илларий, если вождь разрешит мне, я сам на переговоры пойду!» Зная упрямство Крейдона, можно было не сомневаться: стратег так и сделает. Всю ночь они налаживали оборону, а под утро поехали смотреть

местность. Их позиции были крайне невыгодными – впереди невысокие холмы, сплошь заснеженные, покрытые перелеском, преодолеть такую местность в строю невозможно. К полудню Иллариий уже валился с ног, но еще раз собрал совет командиров. Он видел по глазам: большинство хотят перемирия, передышки, но сам протектор хотел лишь одного – полного истребления «рогатых» – и, не ставя никого в известность, послал гонцов к Цесару, приказав армии Предречной сменить позиции, передвинувшись в глубь территории трезенов. Рано или поздно враги объявятся.

Иллариий решил спать рядом с карвиром – вдруг тот, хотя б забывшись, отбросит стенку, сводившую с ума преграду между ними... Но когда он вошел в шатер вождя лонгов, то забыл и про сон, и про трезенов – в первый миг вообще все мысли вылетели из головы. Север, видно, давно был без сознания, светловолосая голова перекатывалась по шкурам, он просил пить, бредил, звал Илларию – и не узнавал его. Лекарь твердил: «Такие раны опасны именно лихорадкой, но роммелет Север молод, может быть, есть еще надежда...» Только жар – чудовищный жар – убивал все надежды. Родное, каждой частичкой любимое тело пылало огнем, и пламя словно бы выжигало душу Илларию. Битый час он занимался подготовкой самоубийства – а как еще назвать попытку пробить стену и заставить карвира пить его? Илгу на грани смерти – страшная мощь, вытягивающая силу из всего, что рядом... но Илларию было наплевать! Обхватив горящее лицо руками, он заглядывал в безумные почерневшие глаза, целовал запекшиеся губы, пытаясь прорваться, достучаться. «Пей же ты, скотина упрямая! Пей меня, мне все равно без тебя не жить... – мысль гвоздем засела в мозгу. – Я умру без него, не проживу и часа». Это не приговор, не расплата за счастье и близость – он готов был заплатить много больше! – просто данность. Снег белый, вино пьянит, солнце греет, а Иллариий Каст не проживет без Севера Астигата. Но нить не отзывалась, а силы раненого таяли, сгорали в лихорадке.

К утру трезены подбросили еще одну деревяшку, и Крейдон возопил, что пойдет на переговоры. Его вождь без сознания, а подчиняться протектору он, верховный стратег Заречной, не обязан! Иллариий кивнул покладисто, потом сгреб ворот шубы Крейдона и, сбив стратега ударом в лицо на земляной пол, совершенно спокойно заявил: его, аристократа империи Риер-Де, не касаются порядки лонгов, где всякая голь перекатная смеет указывать тем, кто выше него. Если Крейдон посмеет вылезти вперед, будет казнен немедленно. А на переговоры они пойдут. Выслушают «рогатых». Да-да, и у одного илгу будет возможность добраться до другого – до Ульрика Рыжего – и выпить никчемную людоедскую жизнь. Глядишь, тактика вывода из строя командиров и против трезенов себя оправдывает, все равно других идей у Илларию пока не было. Они ответили «рогатым» как полагается: выкинув за частокол такую же палку с рунами Заречной. И через полдня враги зашевелились – небольшой отряд поставил в чистом поле шатер, воины в приметных шлемах бродили совершенно открыто, почти на расстоянии полета стрелы. Протектор извел разведчиков требованиями отследить передвижения трезенов, и к ночи они уже знали, где засела вражеская армия. Хитро придумано! Никуда трезены не убегали и не исчезали, просто при приближении опасности закапывались в загодя вырытые и прогретые ямы в земле, накрываясь сверху ветками, присыпанными снегом. Отлично! Его задача на переговорах – потянуть время, пока армия Предречной не зайдет врагам в тыл. А еще он встретился с «обожаемым тестем», и вождь келлитов одобрил одну хитрость...

Ожидая переговоров и исполнения своего плана, Иллариий читал письмо Брена, доставленное из Торнбладана вместе с другой почтой. Читал, с трудом удерживая пергамент разбитыми о физиономию стратега пальцами, и думал: они бросили мальчишку в Трефоле, в горниле стольких страстей и бед... в городе вспыхивали голодные бунты, как Брен и предупреждал, и теперь мальчик молил протектора приказывать командирам

оставленных в Трефоле частей прекратить расправы над бунтовщиками – люди не виноваты! Иллариий продиктовал приказ командиру Пятого Заречного легиона, оставшегося в столице лонгов, заставил себя не ходить к Северу – иначе бешенство станет неодолимым. Ярость всего лишь прикрытие для отчаянья и страха, а ему нужна ясная голова.

Под заслоном сильной охраны на виду у всей армии протектор Лонги, не спавший трое суток, встретился с вождем трезенов. Подъехав к одинокому шатру, Иллариий увидел группу мужчин и на мгновение застыл в седле. Золотые волосы, собранные в узел на затылке, грация большой хищной кошки... рядом с Ульриком Рыжим и еще парой бородатых людоедов вполоборота стоял... Марцел Астигат! Ненависть вскипела мгновенно – и так, что протектор едва не задохнулся. Как смеет эта мразь, гнусный предатель, быть настолько похож на брата?! Марцел обернулся, и сходство пропало. Да, безусловно, братья похожи, но выражение совершенно несвойственного Северу наигранного самодовольства, готового по требованию смениться угодничеством, все расставило по местам. Мелкая завистливая гнусь! Иллариий понял все за четверть часа беседы – Марцел переводил, ибо Ульрик упорно делал вид, что не понимает ни лонги, ни имперского языка, – понял, откуда неудачи нынешней войны. Именно эта мразь – брат его любимого, брат умницы Брена, немыслимо, родная кровь! – именно Марцел стал умом вождя трезенов. Он научил дикарей пользоваться тяжелыми луками, коих у «рогатых» не водилось отродясь, он подсказывал Ульрику стратегические уловки, потому его и не убили. Второй сын Брендона Астигата был очень неглуп, но, Мать-Природа Величайшая, насколько мелочен и подл! Первым делом Марцел заявил Илларию, что считает старшего брата узурпатором и готов представить свидетелей последней воли родителя. Дескать, Великий разделил земли союза между двумя старшими сыновьями, но Север силой заставил младшего молчать и не требовать законного. И теперь, когда брат его тяжело ранен, он, Марцел Астигат, жаждет проявить благородство. Он не требует себе Трефолу – пока, но пусть келлиты и армия союза Лонги немедленно покинут земли, на коих сейчас находятся, и тогда новый вождь не станет предъявлять претензий ни брату, если тот выживет, ни его союзнику. На таких условиях его добрый друг Ульрик согласен заключить перемирие. Иллариий слушал, постукивая плетью по сапогу, и на последних словах Марцела обернулся к квестору, громко попросив платок, смоченный благовониями. «Здесь воняет невыносимо, – процедил он в ответ на удивленный взгляд мальчика, – должно быть, у трезенов не принято мыться...»

Его страшно бесило и внешнее сходство братьев, и даже схожая манера выкладывать доводы... но эта была подделка! Север сейчас умирал в паре риеров отсюда, а предатель торговался! И чем сильнее становилась ненависть, тем холоднее звучал голос, у Иллариия даже губы мерзли, и это было хорошо. Он увидел, как вытянулось лицо Марцела – вот таким Север не был никогда, потому что всегда требовал лишь того, что принадлежало ему по праву сильного, а эта шваль сейчас узнает, где его место. Пить Ульрика – опасно и глупо, хотя воронка внутри трезена свернулась клубком, защищая хозяина от любого давления, пусть даже против его воли и понимания. Но внезапная смерть вождя приведет лишь к немедленной смерти Иллариия и непредсказуемым решениям осиротевших «рогатых». А вот смерть Марцела, жалкого пустышки-рафа, лишит Ульрика умного и грамотного советчика, и весьма вовремя. Некому будет подсказать трезену, как вывернуться из ловушки, приготовленной людоедам, и едва ли кто-то из «друзей» будет так уж озабочен гибелью перебежчика. Предатель еще что-то тявкал – его никчемный братец подохнет, от таких ран не выживают, а имперец без вождя не сумеет заставить лонгов подчиняться ему, союз развалится!.. самое время договориться по новой с ним, Марцелом... – а безумная, сметающая все на своем пути воронка уже крутилась в теле Иллариия. Рыжий богатырь Ульрик вдруг прижал руку к лицу и шагнул назад, квестор

Публий охнул, схватившись за голову, – илгу и ammo гораздо лучше чувствуют движение силы, а вот пустышка так и не заткнулась! И осел в снег на середине фразы, выпитый в считанные мгновения, а Иллариус, еще раз стегнув плетью по сапогу, презрительно сказал: «Видно, байки о беременностях любовников трезенов истинная правда, раз воин падает в обмороки, точно женщина в тягости». Несколько трезенов склонились над Марцелом – он был мертв. Ульрик же прорычал, «вспомнив» все-таки имперский: «Последний раз предлагаю – уйдите с земель келлитов без войны, и мы не станем вас преследовать». Но протектор молча повернулся к нему спиной – осталось подождать день или полтора, и все будет кончено. С мертвецами он не договаривается.

Вот так. Иллариус Каст совершил то, чего клялся не делать никогда: сознательно истребил себе подобного, человека. Квестор Гай по пути в лагерь испуганным шепотом заикнулся было о нарушении союза Дара: «Протектор, ты же убил лонга! Вдруг Инсаар?..» На миг Иллариусу стало противно от мысли, что придется умирать из-за никчемной мрази, но он вспомнил давний рассказ Севера о пригнанных ему по договору воинах, ушедших с Марцелом и Камиллом Астигатами. Инсаар сочли, что предатели больше не находятся под защитой союза, и выпили их многие сотни. Значит, ни нелюди, ни мир не покарают протектора за эту смерть. Только... ненависть была так велика, что мысль о возможной опасности даже не закралась ему в голову, он выпил гадину, не думая... что ж ты делаешь со мной, Север? На какие безумства еще способна моя любовь к тебе? В полдень следующего дня армия Предречной заняла позиции за спинами зарывшихся в снег трезенов, а ополчение келлитов надежно укрылось в лесах, и протектор отдал приказ о наступлении армии Заречной. Битва длилась три дня, почти без перерыва, все действовали очень слаженно – вот что значит выучка и проверенное в боях товарищество! Но для себя Иллариус объяснил победу так: он сидел в седле, отмечая ход сражения, стараясь не думать ни о чем, кроме боя, и тут сокровенная нить ожила... скрутила узел в животе, требуя – пей! Он сунул ноги в стремя³ и рванул с пояса меч. Вот так вождями личным примером показывается храбрость, ха! Барра! Вперед! «Рогатые» подохнут! Клинок пробил ряды трезенов, и протектор добрался до Ульрика – нить вела его, он не видел ни лиц, ни движений, видел лишь силу, а мощь илгу пылала, как некое извращенное солнце – не давая тепла и жара, но забирая себе. Иллариус знал: он сейчас сам жрет чужие жизни, будто сияющий светом огромный паук, и это его не волновало... Ульрик – великолепный воин, честь убить такого... он убил. Нить отдавала силы Северу – это было главным, нити нужно много, и Иллариус пил, пил, пока рыжие пряди не расстелились на снегу, а короткий меч легионера Риер-Де не вошел в горло, прямо под доспех... Это была победа, а страх пришел позже. Нет, когда Иллариус, даже не вымывшись после боя, ввалился в шатер и увидел спящего карвира, он не боялся. Под бормотание лекаря – «роммелет Север пять дней был на грани жизни и смерти, чудо просто, что выжил, такая лихорадка убивает любого воина!» – он коснулся губ любимого, с наслаждением глядя, как тот сонно тянется к нему... осторожно провел кончиками пальцев по повязке, закрывавшей правую часть груди и плечо, и вновь поцеловал.

– Лар... подышаю, спать хочу... иди сюда, Лар...

Иллариус вслушивался в этот голос, силясь прогнать дурацкую улыбку, а потом тихонько вложил в руку карвира два уже холодных и сморщенных комка – уши Ульрика.

– У меня для тебя подарок, соня!

³ Автору известно, что в соответствующий период земной истории римляне ездили без стремян, но Риер-Де имеет к античному Риму только опосредованное отношение.

Север наконец открыл глаза и долго разглядывал перевязанный рыжей прядью трофей. А потом прошептал сорванно:

– Я же говорил: другого такого нет, Лар, ты же чудо... мое чудо.

Хотелось заорать: да, твое! Я живу тобой, а ты – мной. Я победил для тебя, ради тебя, и так будет во веки вечные... Тогда Илларию не боялся, но после... как и когда случилось так, что вся жизнь сосредоточилась в этой белобрысой заразе? Любовник стал ему дороже целого мира, а Илларию и не заметил – и теперь попал в рабство. Да, это было рабством, и цепь держала крепче любого железа. Он рассказывал о войне, о переговорах, о победе, перечислял погибших, ехидничал: «А может, тебе нужно было целую голову вождя людоедов принести на блюде?» Потом, собравшись с духом, поведал, как убил Марцела, гадая, что скажет ему Север – брат же все-таки... Но Астигат, со свойственной ему непосредственностью, засмеялся, тут же, впрочем, перекосившись от боли: «Да я надеялся, что братца слопали давно! Значит, это он нам так гадил... ну, ясно. Отменно сделано, карвир! Трезены и не догадались, где «рогатым» понять... – а потом прибавил: – Отец отчего-то невзлюбил Марцела чуть не с рождения, да и я сам его едва замечал... уματο у него хватало, только... словом, таких давить нужно. Жаль, в колыбели не удавили». Илларию думал, что, дойди до него весть о смерти собственной сестрицы Агриппины, как-то подсыпавшей ему яд, он едва ли стал убиваться сильнее, но не выражал бы свое безразличие так откровенно.

– Меня взбесило, что он предал тебя и Брена, а вел себя так, будто залез на трон дяди Кладия, – Илларию не добавил, насколько убийство Марцела связано с подсказкой трезенам использовать дальнобойные луки и охотой на командиров союза. – Но Ульрик наверняка половиной побед обязан твоему покойному брату. Лонги много развитее трезенов, сам бы людоед не придумал столько хитростей, а Марцела еще и воевать учили.

– Ну да, на свою голову, – Север легко потянул его на шкуры, заставив лечь рядом. – Ты спи, Лар, вон вымотался как... а уши мы тестю подарим, пусть глядит и радуется. Может, ворчать меньше будет...

Илларию заснул тут же, наплевав на грязь и чужую кровь, пропитавшую даже тунику. Они победили – вновь, и он не желал больше ни о чем думать. А стоило спросить себя: не мальчишеское ли легкомыслие начала войны было причиной неудач? Оба вели себя... как квесторы! Вот правильное слово. После союзники допросили пленных, благо, один-два труса среди них все ж отыскались, и выяснили: они обязаны своей удаче нетерпению трезенов и Марцела. Ульрик измотал дружину, и как бы она ни была велика, потери превышали все мыслимые пределы. Вождь начал понимать: ему не победить, но смертельное, как считали враги, ранение Севера дало им передышку и преимущество и толкнуло к торгу и переговорам. Илларию был согласен с трезенами и убитым им перебежчиком – умри Север, он удержал бы лонгов, привыкших подчиняться дисциплине и оценивших преимущества новой жизни, но другие племена – и прежде всего келлитов – нет. Людоеды рассчитывали на страх протектора и просчитались, но сам Илларию едва не просчитался тоже. Их выручила смерть Марцела. Останься тот в живых, и трезены вырвались бы из ловушки, но Ульрик уже не смог или не захотел предсказать ход врагов и попер в бой на дедовский манер – дикой толпой... Попрощавшись с келлитами – притом Конрад, казалось, готов был тут же уехать с любовником-имперцем, несмотря на приказ вождя, – армия союза двинулась в обратный путь. По дороге Илларию на каждой стоянке пытался отыскать ножницы – волосы отросли чудовищно, он сам себе напоминал не то келлита, не то трезена! – но требуемого не находилось, а Северу явно нравилась новая

прическа... Вот только для Илларию длинные темно-русые пряди были символом подчинения.

Первая Трезенская кончилась, оставив ему ночные кошмары, в которых Север умирал и рвалась нить. И сводило с ума бессилие, рабская зависимость от любовника, от страсти и близости. Он далеко не сразу понял причину своих страхов, внезапной злости в спорах, долго не желавшей остывать обиды... раньше такого не было, а теперь каждое слово Севера Астигата словно бы доказывало: я твой хозяин, ты никуда от меня не денешься, не выживешь. Илларию ломал себя, заставлял подлаживаться в ссорах, соглашаться, а когда Север поправился, не позволял карвиру на ложе быть снизу – будто стараясь искупить вину глупых мыслей. Но чем сильнее старался, тем яростней и безнадежней становилась его борьба с собой. Уже при возвращении в Трефолу они ругались почти каждый день, Север не мог понять, в чем дело, но и сам Илларию не понимал. Он вновь был слепым щенком – и как же расплатился потом за глупость и трусость, не дававшую признать свой страх, рассказать о нем самому близкому человеку в этом мире. Ближе не будет. Север и Брендон – его семья. Он чуть не разрушил самое дорогое, но это было позже, а пока с дороги написал Брену:

«Брендон! Не стоит молить о том, что и без того составляет мой долг. Мы встретимся вскоре, и все решится».

Год от основания Отца городов Риер-Де 879 Десятый год союза Лонги

Вилла Клеза

«Брендон! Не стоит молить о том, что и без того составляет мой долг. Мы встретимся вскоре, и все решится».

Каким нелепым теперь казался Брену его тогдашний ужас! Зима Первой Трезенской была суровой, город задыхался в тисках мороза и голода, а вести, приходили с границы одна другой страшнее. Когда он, сидя в промерзшей комнате – Райн, по его настоянию, раздал все дрова, – сведенными судорогой пальцами писал Илларию, то молил мир и Мать-Природу Величайшую о том, чтобы слухи оказались ложью. Утром этого дня Брену доложили о гибели обоих карвиров под Торнбладаном – он не желал верить. Уезжая, Север распорядился небрежно, смеясь над опасностью: «Ты знаешь, что делать, братишка? Ну, если меня убьют? Не верь Крейдону, не верь келлитам, дайрам, моранам, трайвелинам, но лигидийцам, койратам, теренам и турам⁴ верить можно. Поезжай в становище Алерея – если случится беда, там тебя никто никогда не выдаст и не обидит. Но я вернусь!» – и сильная рука брата прошла по вихрам. Как же хорошо, что после десяти лет неустанных трудов, уже нет и речи о подобных опасениях. Племенной союз Заречной выдержал все испытания, союз с Предречной – тоже, керл и протектор правят народами Лонги самовластно, и люди доверяют им. Брат привык к предательствам, оттого и боялся отступничества племенных вождей, но через месяц после возвращения Север Астигат объявил о Великой Воле⁵ свободных племен, и тысячи легионеров, купцов, ремесленников, крестьян и охотников пошли голосовать. Они были неграмотны, жители Заречной, выбиравшие свою новую судьбу, но каждый мог отличить выкрашенную бурой краской щепку от некрашенной... «Согласны ли вы признать страну нашу керлатом, а

⁴ Подробнее о племенах Лонги см. в Приложении.

⁵ Великая Воля – принятая с древнейших времен форма избрания племенных вождей, редко – решения важных вопросов, например, большой войны. Голосуют только свободные мужчины.

вождя союза племен – керлом? Правителем, не подчиняющимся никому, кроме самого себя и требований союзника – протектора Предречной?» Люди были согласны: щепочки подсчитывали вполне открыто, на расчищенных площадках вокруг Трефолы, и крашенных там было совсем мало – все больше светлые. Народ выразил Великую Волю. Карвиры шутили, что жители Заречной стали так покладисты оттого, что с возвращением вождя и протектора в город доставили продовольствие, ну, еще и пленных трезенов, коих торжественно казнили на площадях. И лесные народы, и имперцы ликовали – еда, тепло весны, да еще и развлечения! Как же жаль, что мама не увидела Севера в серебряном венце – диадему брату подарил Иллариий, заказал, оказывается, у лучших мастеров Гестии еще до отъезда на войну, – умерла за два месяца до возвращения старшего сына. Брен только один раз успел ее повидать, и Сабина скрыла от него, насколько больна. Он долго не решался сказать брату о смерти матери, а когда сказал, тот лишь вымолвил: «Не дождалась. Я обещал ей внуков – и обманул».

То была странная весна. Пожалуй, никогда больше в жизни Брена не случилось такого – горе и радость сплелись в клубок, но нитка, привязывающая Астигата-младшего к жизни, была такой тоненькой... ежечасно грозила порваться и не рвалась только потому, что он знал: нет у него права на слабость. Север говорил: «Ты сделал меня керлом, мелкий! Думаешь, я шучу? Кто посоветовал привезти в Трефолу мясо и пшеницу? Ты! Отличное было послание, своевременное...» Ну да, он написал карвирам в Торнбладан, правда, письмо застало их уже в пути – но за что его хвалить? Он просто делал то, что должен. Не сами ли союзники когда-то говорили ему о законах, по коим должен жить любой человек? Выполняй положенное тебе, остальное – не в твоей власти.

«В Трефоле голод. Если не будет продовольствия, лучше вам не возвращаться».

Год от основания Отца городов Риер-Де 871 Третий год союза Лонги

Трефола

«В Трефоле голод. Если не будет продовольствия, лучше вам не возвращаться».

На церемонии тонкий, как палка, распорядитель из Гестии долго доказывал Брену, что он должен сесть по левую руку от брата. «Так положено! На всех церемониях императорского двора Риер-Де братья, сыновья, племянники правителя находятся рядом, это символ династии, пойми, роммелет Брендон!» Но Брен отказался наотрез – Брендон Астигат ничем не заслужил такой чести, он – прощенный предатель, ничем не лучше Марцела, убитого Илларием. А еще брат керла знал: у него не хватит сил высидеть всю церемонию возложения венца, а потом первый Совет хоноров – так ныне назывались племенные вожди. Голова и без того болела и кружилась, да и дела ждать не могли, но ему просто ужасно хотелось посмотреть, как брат станет керлом. Брен вяло возражал распорядителю-имперцу, обреченно тратя последние силы, пока Райн, наконец, не рявкнул на докучливого человечка. А за что? Не его вина, что из Брена тянут силы все кому не лень, просто иссушенное тело ничего не способно удержать. «Что ты с ними нянькаешься, – ворчал Райн, – ты теперь брат керла, можешь их всех казнить, понял?» Брен даже испугался – неужели Райн и остальные лонги именно так поняли смысл происходящего? Астигаты получили высшую власть в Заречной, но это не значит, что Север сам стал законом! Своды и параграфы должны стоять над любым правителем, и казнить можно лишь за действительную вину, а не потому, что человек надоед брату керла... Он принялся было объяснять это другу, но тот улыбнулся ласково – просияли

теплые глаза, только для него одного теплые, на других сын верховного стратега смотрел обычно волком – и поправил на Брене подбитый мехом плащ. «Силы береги, я все понимаю, просто со зла. Ну, достали они, лезут к тебе и лезут!»

Карвиры вошли в огромный зал, только что отстроенный на месте пепелища – главный зал Трефолы. Каменные, еще не отделанные мрамором стены, бронзовые лежанки, серебряные лампионы, два кресла в центре – здесь Амплиссимус требовал выдачи «погибели»... Разговоры тут же смолкли, а Брен смотрел на брата и его любовника и не мог наглядеться. Сейчас они казались ему божествами. И не только ему – сотни глаз не отрывались от союзников, люди почти не дышали. Север и Иллариус – высокие, стройные, молодые, в сияющих серебром доспехах, красивые до дрожи в пальцах, сила и свет союза Лонги! Дружный вопль приветствия сотряс стены, эхом отозвавшись в городе, и церемония началась. Сын вождя... ныне сын хонора келлитов Естигий – по родовому прозвищу Торнбладан – выступил вперед. За ним следовал Крейдон, командиры легионов Заречной и Предречной, другие хоноры... Лигидиец Верен шел первым – отныне он глава Совета Хозяев земель. Естигий подал Северу серебряный венец, и брат сам водрузил сияющий гранями тонкий обруч на белокурую, уже вострянную копну волос... Райн хмыкнул рядом, и Брен понял причину веселья: Иллариус выглядел точно так же, как и Север, – наряженный для церемонии, но взъерошенный слегка, будто оба успели не то подраться с кем-то, не то... понять нетрудно! Иллариус отчего-то не стал стричься, хотя постоянно сердился на неудобство длинных волос, укоротить которые ему мешали война и дикость. А теперь шелковая волна – в густых прядях то вспыхивало золото, то сияла рыжина, то темнела басма, как это бывает с русыми – накрывала плечи. Любовники стояли рядом, и протектор, не отрываясь, следил за движениями Севера, а тот ловил взгляд союзника и улыбался краем губ, точно они на ложе, а не в полном народе зале. Крейдон выступил вперед, быстро прицепил к поясу керла меч, а затем Иллариус надел брату на палец перстень – символ единоличной власти. Протектор сжал ладонь правителя Заречной, и две руки поднялись вверх. Император-распорядитель объявил: «Согласно Великой Воле, керл Север Астигат и протектор Иллариус Каст правят народами Лонги! Присяга!»

Брен смотрел, как хоноры и командиры легионов один за другим клялись на собственных мечах верности союзу, и вспоминал: Иллариус только вчера доказывал Северу, что пора бросать привычки варварского вождя, не орать перед подданными, для этого есть глашатаи и распорядители. А еще – не торчать во время боя в первых рядах, «не для того платим огромное жалованье, чтоб ты жизнью рисковал!» Брат злился, ругался – он будет поступать так, как поступали предки! – а Брен понимал: Иллариус просто боится. Север полностью оправился от раны, но протектор, должно быть, пережил все куда острее самого раненого. Потом Север объявил о наделении землями командиров, доказавших верность делом на полях сражений, и о том, что волею керла они входят в Совет хоноров. Первым получил надел Цесар, командующий Первым Предречным легионом, за ним – Крейдон. Теперь отец Райна владел сотнями риеров земли. Создавать новую знать, целиком и полностью зависящую от правления Севера, от союза, было идеей Брена. Он вычитал в трактатах, как родоначальники династий Риер-Де, – а нынешняя была уже четвертой с момента коронации первого императора – создавали опору трону и власти. «Дай безземельным плебейам, таким, как семьи Рейгардов, Цесара и бывшего шиннарда Верена, земли, титулы и почет – и они умрут за тебя. Встанут стеной между тобой и любым врагом, будут оберегать от заговоров и восстаний крупных землевладельцев вроде вождя... то есть хонора келлитов. Мечи и ум новой знати неподкупны и неподвластны сомнениям, ибо их процветание зависит от твоего». Север выслушал и согласился. Иллариус же восхитился проницательностью и умом Брена, заявив, что и имперские политики не придумали бы лучше, а он сам никогда не умел

толком хитрить. Чем восхищался протектор, ведь это так просто, нужно лишь правильно воспользоваться чужими мыслями! Сам предок Илларию – претор Диокт, захватив трон, раздал земли и аристократические наручни своим командирам, и созданная им знать была верна ему и его потомкам. А младший брат керла просто последовал его примеру.

Присяга закончилась, хоноры уселись на приготовленные для них лежанки, а Север и Илларию еще должны выйти на галерею – внизу ждал народ... Вот и все. Теперь можно уйти и полежать в тишине своей комнаты – может, голова перестанет болеть, и он ответит на очередное письмо Данета Ристана. Брен привык к постоянному недомоганию, сжился с ним, но, когда наваливалось слишком много дел, слабость просто бесила! Он сопляк и рохля, не будь рядом Райна – давно бы протянул ноги. Оклик брата отвлек от невеселых раздумий. Карвиры сами нашли его в толпе, подхватили под руки с двух сторон, едва не вынесли на галерею... странные они – зачем?! Увидев море лиц внизу, услышав оглушительные крики, Брен испугался – так много чужой силы, и она требует отдачи, а ему и так плохо! Но он стоял между союзниками, а внутри них пылало двойное солнце, и звенела нить, навсегда их связавшая. Мощь илгу защищала и Брена. Союзники переплели руки на его плечах, и он чувствовал, как они ласкают ладони друг друга – илгу отдавали, питая своей страстью и уверенностью весь мир, а заодно и глупого выпитого аммо.

– Славься, Север! Славься, Илларию! Да живет союз вечно! – люди внизу орали, но страшно уже не было, и тут тонкий голос прорвался сквозь рев: – Славься, Брендон!

Он оторопел – неужели это его приветствуют? Не может быть! Север наклонился к Илларию и громко сказал: «Вон гляди, это подмастерья, за коих так радуется мой братец!» И правда, мальчишки, которых он пристраивал в ученики, выбивал им хорошее жалованье, прыгали на месте и кричали, прославляя его. А следом закричала какая-то женщина в имперской одежде – потопленка, наверное. «Пустите, – сказал Брен карвирам, – я пойду, дел много». Люди просто не знают всего, не знают, как он предал их – ведь союзники рассказали народу красивую сказку... не знают, что продолжает предавать, пока валяется без сил, пользуясь тем, что он брат правителя, и никто не принудит его работать больше шестнадцати часов в день. А он должен. Сказка кончалась, он наслаждался триумфом самых близких ему людей, а Данет ждет ответа... но Север и Илларию вцепились в него намертво и не отпускали, и Брен в конце концов улыбнулся. Зачем сегодня думать о плохом? О том, как горожане пережили зиму, пока шла война с трезенами? Пережили – и славься, Мать-Природа! Он не рассказывал союзникам, как лез на мечи легионеров, собственным телом закрывая голодных жителей, а те рвались на военные склады, где еще было продовольствие. Не рассказывал, как пригрозил командиру Пятого легиона, здоровенному лонгу, и его помощнику – не менее здоровенному имперцу – казнями за неповиновение. Но союзники приказывали хранить порядок, орали командиры. Они не намерены подчиняться мальчишке, коего никто не уполномочил распоряжаться в Трефоле! Младший Астигат для них – никто, а жители, пусть они трижды дохнут с голоду, получают стрелы в горло и дубинами по головам. Брен тогда отстранил Райна и холодно спросил: не желают ли доблестные воины зарезать вначале его, а потом вкусить гнева союзников? Если нет, им придется отозвать солдат, приказав прекратить расправы над жителями, или... «...ну что смотрите? Режьте! Убейте меня и покончим с этим». Они ругались так, что стены дрожали, но послушались, а Брен после успокоил их: не обязательно снимать охрану со складов, просто пусть легионеры не причиняют вреда жителям, мы что-нибудь придумаем.

Он сам рассчитывал меры пшеницы и рыбы, сам следил за раздачей продовольствия, а потом объезжал город и предместья. Призывал женщин отвести детей в одно место, где их будут кормить за счет казны союза, объяснял ремесленникам, что

нужно переждать голод в деревнях, где еще есть еда. Зачем вспоминать, как они с Райном отловили рвавшегося сбежать из голодной Трефолы старшину остерийских купцов и вежливо – о да, очень вежливо! – попросили сдать в казну привезенные им товары? Рыба, мука, просо, сушеные овощи... «да-да, союз Лонги все оплатит – потом». А пока не желает ли остер вспомнить, что война с трезенами рано или поздно закончится, легионы не могут долго стоять без дела, а Остериум рядом – в прошлый раз дружина лонгов добралась до города за полмесяца! Купец вспомнил и сдал товары, а теперь, получив риров сполна, лез к Брену с предложениями о поставках дерева в Остериум. Но нет – дерево первым делом идет скупщикам Данета Ристана, имперцы платят куда дороже и берут больше, вольноотпущенник опять повысил объем поставок. Брен бы ответил, не раздумывая: союз согласен, – но подвоз и вырубка задерживали торговлю. Нужно сказать Северу, чтобы он надавил на вождя, хонора становищ Веллги – благо, тот чистокровный лонг и довольно послушен. Зачем вспоминать, как брата керла едва не разорвали купцы – свои же, келлиты и лонги! – когда он требовал от них снизить цены на еду? Они орали ему: «Сдохни, проклятый щенок, предатель! Иди к нелюдям, они тебя отдерут, и уймешься, тебе ж нравилось...» Райн убил тогда троих – мечом, прямо в галерее нового дворца, остальные утихли, даже руки Брену потом целовали – когда Райн позвал солдат охраны, а брат керла запретил казнить купцов на месте. После Брен никак не мог успокоить друга. Тот ругался самыми черными словами, выплевывая: он больше не даст Брену ездить по городу, говорить с этими тварями неблагодарными! Стоило огромного труда втолковать Райну, что его не задевают оскорбления – ведь это правда. Он предатель, и... «словом, не надо, зачем ты?» Райн быстро сжал его руку, но тут же отдернулся – ведь Брен не смог сдержаться дрожь, он не терпел, когда его касались... кроме разве брата и Илларию. В их прикосновениях к нему никогда не было ни грана страсти, желания, но лишь тепло близости. Зачем вспоминать, если лепешка хлеба в Трефоле и окрестностях стоит сегодня всего пять ассов, а дешевое вино, муку, рыбу могут покупать все? Он этого добился, остальное – не в его власти. Брен все-таки выскользнул из-под скрещенных рук союзников, выбрался в галерею, отыскал взглядом Райна – высокую фигуру в доспехах, темные, крупные завитки волос ниже лопаток...

– Брен! Ты такой красивый! – вот же ерунда, с чего Райн такое взял? Хорош красавец – с белым лицом, запавшими глазами, дважды и трижды в день лишающийся сознания.

– Пойдем, – он пошел впереди друга. Хоноры и командиры расступались перед ним, некоторые кланялись – ну да, Астигаты теперь всевластны в Трефоле и Заречной. Брат закрепил за собой самый большой земельный надел, а прочие раздал хонорам – и то не все. Веллгу, земли с самыми богатыми рудниками, золотые прииски отдавать не следовало, и Север не отдаст. Вожди... хоноры еще не поняли, но теперь они зависели от керла. На первом же Совете им будут выставлены новые требования о поставках в казну и налогах. Пусть союзники занимаются политикой, а ставки в рирах Брен посчитает сам – после того, как ответит Данету, а брат с любовником вернутся в свои покои. Выложит им готовые расчеты, не то они вновь поругаются. После возвращения с войны с союзниками творилось что-то странное, непонятное – они ругались теперь куда ожесточенней, долго не могли помириться. А раньше прощали друг друга сразу, но теперь Илларию словно бы подменили.

Год конца Первой Трезенской пролетел, будто на крыльях, и это был тяжелый год. К осени Брен думал, что смерть его близка. Он никому не говорил о том, что утром не может встать, а вечером – заснуть, что часами сидит, боясь шевельнуться и хлопнуться в

обморок. Не говорил, но союзники, и особенно Райн, замечали все. Только они ничем не могли ему помочь – и как же горько, что он им тоже! Иллариий приходил к Брену вечерами, сидел рядом, помогая писать и делать расчеты, и каждый раз ему хотелось крикнуть протектору: «Иди к моему брату! Немедленно! Говори вот так же тепло, уважительно и ласково – с ним, не со мной!» Но как только карвиры сталкивались, Иллариий тут же, по выражению Севера, принимался шипеть. Они ссорились, в упоении желанием сделать больно друг другу пили весь мир – иногда совершенно не сдерживаясь, будто кругом враги... Брен заметил, что ссоры почти всегда начинается протектор. Иллариий, придравшись к незначительному поступку, а то и вовсе без всякого повода выводил Севера из себя, после замолкая на несколько дней. Впервые они страшно поругались в ночь после возложения венца, а потом Север пришел к брату и сел на ложе, уронив голову на скрещенные руки. Ему было плохо, и глупое тело аммо рвалось утешить, отдать силу – бесполезно! Север долго молчал, потом, глянув на брата, тяжело поднялся, пробормотав: «Тебе худо, я пойду». Брен остановил керла, заговорил о чем-то незначительном, чувствуя, как расходуются его малые силы, завтра он и встать не сможет... Север, перебив на полуслове рассказ о том, как платят налог абильские купцы, вдруг спросил: «Послушай, мелкий, ты лучше моего понимаешь, чего у этой скотины в голове... может, хоть ты мне скажешь?!» В голосе брата была такая злость и мука, что Брена подбросило на ложе. Он даже не успел удивиться тогда – старший впервые заговорил с ним о чем-то личном! А Север продолжал: «Я часто думаю – вы похожи с Ларом, нутром похожи, что ль, нравом. Будто это вы на самом деле братья. Так скажи, какого рожна ему нужно?!» Но Брен не знал, что ответить, разве что – помиритесь, ну, помиритесь же!

Он не понимал смысла этих ссор. Зачем? Зачем кромсать друг друга словами, изводя самое дорогое существо на земле, ведь будь иначе, нить бы не звенела, не пела – истончилась бы давно и погасла. Дорожи вышним Даром – любовью, не расшвыривайся, иначе потом может стать поздно! Неужели взрослые люди не понимают этого?! Но они не понимали. Утром пришел и Иллариий. Видно, протектор плохо спал ночью, потому что глаза у него были совершенно больными, тоскливыми и упрямыми. Он поговорил с Бреном о делах, после помог ему сесть, уговаривал поесть, выйти на улицу... но, как только явился Север, протектор молча поднялся и вышел. Они не разговаривали два дня, все в Главных покоях словно бы чуяли свернувшуюся клубком злую мощь двух сильнейших в этом мире пьющих... и боялись! Но наутро третьего дня, когда Райн уже заявил: он больше не пустит к Брену ни керла, ни протектора – «они же жрут тебя, страшно жрут, прогоняй!» – карвиры вдруг помирились. И тут Брен увидел небывалое. Аристократ Иллариий Каст, Холодное Сердце, вел себя, будто нашкодивший щенок, едва не унижаясь перед Севером, соглашаясь с каждым его словом. Ни с чем не спорил, прятал глаза, а сильные руки сжимали подлокотники кресла. Союзники ушли из его спальни вместе, а на следующий день поругались вновь, страшнее прежнего. Так с тех пор и пошло. Ссорясь, они пили всех вокруг, вытягивали из Брена крохи силы, мирясь – отдавали сразу много и тут же отбирали обратно. К осени оба были похожи на драных кошек. На кого был похож он сам, Брен старался не думать. Должно быть, на бледную комнатную бабочку, что рабыни гоняют вениками.

Однажды вечером они втроем обсуждали последнее заседание Совета хоноров – а все сборы Хозяев земель проходили весьма бурно. Иллариий сидел в кресле, Север стоял за его спиной, а Брен жмурился от удовольствия – все хорошо и спокойно! Брат, ругая подданных за нерадение и глупость, оперся на плечо протектора, мягко собрал в горсть густые шелковистые пряди русых волос, пальцы, наслаждаясь, ласкали и гладили... Брен увидел, как застыл взгляд Иллариия, как холодом засияла синева. Протектор встал, извинился так, будто он все еще на Совете, и вышел. Север только выругался растерянно. Наутро командиры и охрана обсуждали приказ протектора Предречной: отныне в армии

бывшей имперской Лонги предписывалась короткая прическа и никаких бород – «для чистоты и порядка», как сообщалось в приказе. Самого протектора Брен увидел за обедом. Волосы Илларию были по-военному коротко подстрижены, сам он – собран и деловит. «Личным примером», – хмыкнул протектор в ответ на удивленный взгляд брата керла. Сам керл за стол не явился. Встретились союзники только вечером, и Брену казалось, что брат готов убить любовника, впрочем, Илларию явно самому хотелось драки. Едва цедя слова сквозь зубы, протектор заявил, что уезжает через несколько дней. Север не задал ни единого вопроса, и это было страшно. Карвиры замерли напротив друг друга и жрали остервенело. У Брена раскалывалась голова, а илгу продолжали крушить сопротивление, не сознавая, что ломают все вокруг себя... чужие жизни. Он потерял сознание, и в кошмаре ему привиделся Флорен. Брен потом отчаянно старался забыть это видение, в котором он протягивал к златоглазому руки, вновь умоляя, как на той поляне, забрать его! Не оставлять одного в глупом мире, где он никому не нужен, просто обуза, позорное пятно на чести семьи, ничего не понимающее в жизни и людях. Он рыдал, пока не начал задыхаться, а Флорен... Инсаар и илгу слеплены из одного теста – они жестоки, такова их натура. Флорен просто отвернулся и ушел. Так он уходил всегда, оставляя энейле в темноте, одного... Сознание возвращалось медленно, свет ламп полоснул по глазам, и Брен пожелал себе смерти. Зачем все это? Он больше не может! Шепот рядом заставил его прислушаться, стиснуть зубы, насильно возвращая себя к жизни. Сдохнуть очень легко, попробуй-ка просто тащить свою ношу...

– Куда ты едешь? – рука Севера лежала на плече Брена, сила илгу текла свободно, можно попробовать вздохнуть. Тело болело нестерпимо, точно вывернутое наизнанку. Хорошо б они однажды просто выпили до конца глупого аммо. – Не хочешь рассказывать – не говори, только я все равно узнаю.

– В Перунию. Я договорился с Ристаном, сам ему написал, помнишь, я же рассказывал тебе об обмене земель? – голос Илларию – тихий, виноватый... выпрашивающий прощения! Немыслимо.

– Помню! – невероятное облегчение в голосе брата – и шорох. Север отнял руку, видно, обнял союзника. – Чего ж ты просто не сказал, а? Зачем ты?.. Ну, Лар!

– Прости меня! Прости... я дурак, просто дурак... меня бесит, что приходится договариваться с рабом, с остером... какие они мерзкие, Север. Я не хочу их видеть – никого, никогда, а придется!

Брен понял, о чем идет речь, но ему казалось странным, что Илларию Каста настолько волнуют денежные и политические отношения с Риер-Де, что он ведет себя... как ополоумевший юнец. Да и брат не лучше! Вялые переговоры об обмене Предречной Лонги на некоторые рудники Илларию у Теплого моря шли между протектором и принцепсом Сената уже долгое время. Протектор продолжал платить за бывшую провинцию как за частное владение, это были значительные суммы, но империи обмен казался более выгодным, и с месяц назад бывший консул сам написал Данету Ристану, предлагая свои земли в Перунии... Это справедливо, это позволит навсегда развязаться с империей и, наконец, ввести свою монету. Тем более что с каждым новым письмом и каждой следующей сделкой Брен убеждался и убеждал союзников: вольноотпущеннику можно верить, пока ему выгоден договор. С Данетом было интересно переписываться, особенно, когда он начал рассказывать собеседнику о новинках в торговле и ремеслах Риер-Де. Однажды Ристан в письме упомянул о некоем новшестве, называемом

«эмпория»⁶, где имперские купцы установили цену за вязок пеньки, стоимость коего казалась Данету заниженной. Брен в своем ответе поинтересовался вскользь: что дает эмпория торговле? Ристан прислал подробное описание сделок, совершаемых в отведенном месте приказчиками богатых купцов, список текущих цен, и Брен тут же перенял новинку. Он целый день приставал к Северу с просьбой отдать удобную площадку рядом с лагерем легионеров под подобную эмпорию, и брат наконец согласился. Гораздо труднее оказалось загнать туда купцов, но теперь некоторые уже привыкли и оценили преимущество. Отныне в Трефоле не нужно бегать в поисках того купца, что меняет масло для лампионов на оружейное масло или продает руду с Веллги, а не с Йоны – та хуже качеством. Только в Отце городов обходились вывешенным списком товаров и цен, а в Трефоле приказчикам приходилось орать свои предложения на двух языках, ведь большинство покупателей неграмотны. Словом, переписка с Данетом приносила большую пользу, и Брен частенько повторял карвирам: вольноотпущенник не такой уж хитрый гад, каким они его считают, с ним вполне можно договориться. И вот теперь Иллариий решил обменять владения, воспользовавшись помощью Ристана. Несомненно, Данет получит от сделки выгоду, но отчего это так злит протектора? И сам Иллариий, и союз тоже не останутся в накладе.

– Но ты же не в Риер-Де едешь! Хотел ведь земли свои навестить, море увидеть, с Квинтом своим повидаться... – Север, казалось, поверил в слова карвира, но Брен понимал очевидное: нечто терзало Илларию, и сила металась в теле илгу, искала выход.

– Дядюшка получит восемь рудников из четырнадцати и оставит меня в покое. Я не желаю больше отвечать на дурацкие письма сенаторов, не желаю! Пойми, это унижительно! И отдавать свои владения мне тоже не по нутру, но придется, – илгу лгал. Аммо, даже выпитый, всегда способен понять, говорит ли человек правду, особенно если силы в нем так много, как в Илларию. Правда, со временем Брен стал хуже различать оттенки силы, однажды даже пропустил слабого аммо рядом с собой. Острота восприятия – наследие жизни у Инсаар – притуплялась, и он был этому рад. Меньше терзаний. У него появилась мечта: когда в Трефоле будет порядок, они введут свою монету, а торговля наладится, Брен уедет – в лес. На ту самую поляну. Он попробует найти Лания, Пушистый будет рад ему, может быть... вдруг позволит жить там? Просто сидеть на траве возле шатра... всего лишь мечта – глупая, детская, но она давала ему силы вставать с постели и работать.

– Не отдавай. Пусть заткнутся. Ты же знаешь, рано или поздно они от тебя отстанут, – голос Севера был таким спокойным... брат тоже лжет! Они оба лгут друг другу и знают это! Дураки. Издерганные, запутавшиеся... вот только в чем они запутались? Усталый вздох:

– Нет. Отдам и баста... смотри, Брен очнулся!

Карвиры сидели рядом с ним, разговаривали, шутили. Все вновь хорошо, но Брен был даже рад, что Иллариий уезжает. Протектор отдохнет от шумной, безалаберной Трефолы, и от Севера тоже отдохнет, а заодно и брат успокоится, он ведь смертельно устал. Через несколько дней они проводили Илларию в Перунию, и на прощание протектор был настолько ласков с Бреном, так просил беречься, читать и писать поменьше, не ездить лишний раз в город, что Север, не удержавшись, брякнул: «Ты будто его с врагами оставляешь, Лар». Протектор сжал губы, резко отвернулся, вскочил в седло, даже не махнув на прощание рукой... Райн после пожимал плечами и ворчал: «Да керла

⁶

Эмпория – торговая площадка, некий аналог торговой биржи.

ему охота заласкать, не тебя, просто ты – это ты. А Севера попробуй приласкай лишний раз – рад не будешь!»

Приход зимы ознаменовался убийством в Совете хоноров, и долгое время ни Брену, ни Северу было не до скуки. Бывшие вожди, Хозяева земель, осознав, что керл провел их, подобно тому как когда-то провел его отец, взбунтовались едва ли не хором. Поводом для недовольства стал новый набор в легионы, но все понимали: истинные причины много серьезней. Брен только сейчас уразумел, каких трудов и жертв стоило отцу собрать воедино лесные племена и каких усилий будет стоять Северу удерживать в повиновении буйных сородичей. Брендон-младший никогда не любил отца, тот навсегда остался для него Великим – и только. Великий воин, великий вождь, но великий ли человек? Что дал Брендон Астигат сыновьям? Брен не делился такими мыслями со старшим до тех пор, пока Север как-то не обмолвился: «Жаль, отец не вырезал келлитов!» – «А заодно трайвелинов и дайров», – поддакнул Брен, и оба рассмеялись. Неожиданно брат добавил: «И какое счастье, что папаша помер тогда... ну, в ночь того Ка-Инсаар. Знаешь, мелкий, я думал – ну уж братишку ему не отдам, хватит того, что он консула Максима не согласился обменять. Отец требовал тебя убить, а я решил: если он не бредит и на завтра подтвердит приказ – добыю его, и будь что будет. И что б тогда нас ждало? Ничего хорошего! Своевременно помер, так-то». Мать-Природа Величайшая и духи предков должны были покарать старшего Астигата за такие слова, а младшего – за согласие с ними, но Брен не испытывал стыда перед усопшим. Великий был отцом для лонгов, для всей Заречной, но детям своим отцом не стал. Они пользовались плодами его трудов – и только.

Половина племенных вождей от века не терпела семью Астигатов, и братья прекрасно знали об этом. Но теперь все противоречия вылезли наружу, и отмахнуться от них было уже нельзя. Север и другие воины проклинали мирное время – на войне куда как проще. Здесь свои, там враги, барра, бей! «Если б можно было срубить башку Естигий, а заодно кое-кому еще, точно трезену», – ругался Север... Брен только плечами пожимал. Перед возложением венца на белокурую голову керла, он старался доказать брату и протектору, что следует растолковать племенным вождям смысл происходящего, но Север воспротивился, и Иллариус его поддержал. Теперь же вожди поняли: став хонорами, они потеряли свободу, лишились права единоличного владения своими землями и своими людьми. За неповиновение керлу хоноров ждала расправа, и те знали, что ничего не смогут противопоставить легионам союза Лонги. Обученные, закаленные в десятках сражений ветераны, получавшие впридачу отменное жалованье, сметут их с лица земли, а керл и его приближенные только того и ждут. Объявив новый набор в войско, Север оказался в центре передрававшегося Совета. А все началось с невинного с виду замечания хонора трайвелинов: он даст воинов, но своего сына в войско керла непустит. Парень только что женился, пусть хозяйством обрстет. Хонор нагорья Меркат, бывший имперский легионер Цесар Риер – такие родовые прозвища в империи давались только подкидышам – оборвал говорившего на полуслове, заявив: набор в войско касается всех равно, нечего отлынивать. Трайвелин назвал Цесара «имперской собакой» и через миг рухнул на каменные плиты – верховный стратег Крейдон, ныне хонор Десты, отменно метал ножи... Рев отца Райна сотряс стены Совета, ему ответил Естигий, представлявший интересы отца, вождя келлитов. Началась общая свалка, Райн выволок Брена из зала Совета, но тот еще успел увидеть, с каким холодным интересом наблюдает за дракой его брат-керл. Север Астигат поправил серебряный венец и, будто нарочно подливая масла в огонь, гаркнул: «Естигий, тварь жирная, тут тебе не трезены, уймись!..»

Келлит кинулся было вцепиться Северу в глотку, но охрана лязгнула выхваченными мечами, а Крейдон Рейгард бросился Естигию под ноги... что было

дальше, Брен и Райн не видели, но брат керла подозревал, что скандал устроен намеренно, по сговору Севера с Крейдоном и остальными сторонниками – преданных союзу и лично Астигату-старшему в Совете набралось бы две трети. Сам керл не решался тронуть келлитов, но отчего не спровоцировать тех на бунт и показательно расправиться после? «Верно говорили всегда в Вечном Лесу: бойся меча Астигата, но еще больше бойся его хитрости, – ворчал Райн. – Должно, ваш отец в Стане мертвых глядит и радуется». Брен не сомневался в радости покойного родителя, но его самого мучило от политической мерзости. Хоноры передрались на славу, керл доказал свою власть и ночь напролет пил с верными сторонниками, колотя хонора Верена между лопаток и обнимаясь с Крейдоном и Цесаром. А под утро появился пьяный в спальню брата и смеялся над дураками-вождями: «Так им, так! Будут знать, что не Лонга для них, а они для Лонги. Сказано – дай воинов, значит, дай, не для забавы ж требую!» Глаза у брата были злыми и... тоскливыми. «И когда ж бестия имперская вернется, чтоб я сдох!.. – Север провел ладонью по лицу и тихо добавил: – Не надо было отпускать его, Брен... плохо без него, да?» И ушел, не выслушав ответ.

Ссоры и драки с хонорами и их приближенными шли всю зиму, а потом до Трефолы докатились странные слухи, и все стало еще хуже. Илларию написал Северу всего один раз, больше вестей от него не было. Но в начале последнего месяца зимы в город вошел караван купцов из Остериума, и Брен жалел, что не запретил торговцам въезд в столицу – это было в его власти. «Союз Дара вот-вот распадется, – кричали остеры на площадях. – Протектор-то в Перунии любовника-аристократа себе завел, имперца местного! Ездит с ним всюду, напоказ связь выставляет». – «Да-да, – вторили другие, – всем понятно, союз Заречной и Предречной не только на выгоде держался, а на том, что Север Астигат и Илларию Каст ложе делят! А теперь протектор со своей ровней спит!» Слухи быстро достигли главных покоев, и Брен видел: брат поверил. Самому Брену казалось, что большей чуши и выдумать невозможно, но как докажешь? Он пробовал говорить об этом с Севером, но тот оборвал младшего на полуслове, приказав не лезть не в свое дело. Дней через десять слухи подтвердили и вернувшиеся из Абилы лонги. Абильцев на третий год союза в Заречной оказалось так много, что Арамей и его совет старух просили построить в окрестностях города факторию для сородичей. Мол, им в отдалении от местных торговать и свои обряды справлять удобней. Факторию построили, и торговцы пригласили купцов союза в Абилу – для заключения новых договоров. Старшина вернувшегося каравана, докладывая Северу и Брену о сделках, вдруг попросил разрешения донести еще кое о чем – наедине. И донес. «Илларию Каст, по утверждениям встреченных купцами перунийцев, живет на своей вилле с аристократом по имени...» «Знать не хочу, – оборвал Север. – Живет – его дело». – «Но, керл!.. Нам рассказали, что твой карвир не собирается возвращаться в Лонгу». Брат слушал купцов с каменным лицом, потом приказал накормить их в столовом покое, поблагодарил за отличную службу союзу и уехал в военный лагерь.

Брен на свой страх и риск решил отправить к Илларию гонца, думая: еще в прошлом году он бы не опасался того, что может сделать брат, но после тех страшных ссор? Однако гонца с письмом вернули от городских ворот – приказ керла! А после Север совершенно недвусмысленно запретил брату писать союзнику. Потянулись долгие дни, наполненные привычной работой, но Брен никак не мог сосредоточиться. К проклятой слабости и боли прибавился постоянный страх за самых близких ему людей. У Севера были совершенно мертвые глаза – ни проблеска радости, ни искры смеха. Он верил. Да как же так можно – из-за поганных языков торгашей сомневаться в том, кто не раз спасал тебе жизнь, кто сотней способов и дел доказывал верность и близость? Разве не сам Север смеялся над замкнутостью и чопорностью Иллария, говоря, что тот даже в толпе процедов ухитрится остаться невинным? Нужно всего лишь подождать, пока Илларию вернется, и

все выяснится! Весть от протектора пришла в самом начале весны – короткая записка, и Брен читал ее и перечитывал. Протектор просил встретить его у реки Лонга. Брат керла сам выслал отряд, гадая, куда Иллариий дел свою охрану.

Они стояли напротив друг друга в большом столовом покое – теперь в Трефоле был действительно дворец, лучшие мастера, свои и гестийские, работали здесь. Мягко горели лампы в серебряных чашах, сиял мрамор стен... Брен смирно сидел на бронзовой лежанке, стиснув руки на коленях, чтобы не начать умолять. Их дело, пусть сами, твердил разум. Нет, они не могут сами, кричала душа. Как же больно!

– Тебя долго не было, – безразличие в серых глазах брата, привычный жест – отбросить светлую прядь с лица...

– Хочешь сказать, я мог бы не возвращаться? – Иллариий устал с дороги. Прищуренная синева на бледном лице, седые виски – так заметно. Слишком заметно. И усталость, и непонятная тоска, и морщинка между бровей. Знакомая морщинка – признак сомнений. Ты ошибаешься, стратег, великий хитрец и выдумщик Иллариий Каст! Ошибаешься.

– Я однажды сказал тебе, если ты помнишь: мой кров – твой кров. Своих слов я назад не беру. Союз Дара нельзя расторгнуть, – злой смешок. Ты ошибаешься, великий керл! Ошибаешься и потом пожалеешь.

– Я понял. Ты разорвал бы союз, если б мог, верно, Север? – Затаившаяся, спрятавшаяся нить – в каждом из них. Притихшая сила. Сейчас ударит – не заслониться.

– Сучье семя! – брат даже задохнулся, и вот раскрутилась воронка, выдирая силу у всего вокруг. – Это я задом крутил в теплых краях?! Я?! А может быть, ты? Тварь ты подлая...

– Уймись, дикарь! – бешенство искажает красоту так же верно, как и боль. Вам так хочется убить друг в друге любовь?! Остановитесь! Заорать бы, но голоса нет, а воронки – уже две воронки – рвут, душат... Дышать!.. плохо... Пожалуйста!

– Уймись. Нет у тебя права указывать, с кем мне делить ложе, надеюсь, это ясно? Ты решил, что я буду вечно тебе в ноги стелиться? Вечно, как собачонка, возле...

– Чего?! Ты что несешь, полоумный? Когда я тебя к чему принуждал?! Разве я унижал тебя? Ну и гнусь же ты, Каст, коли так думал...

– Не гнуснее тебя. Дай пройти. Я сказал: дай мне пройти! Не намерен отчитываться перед зарвавшимся хамом. У тебя нет власти ни над моим телом, ни над моим сердцем... с дороги!

– Катись! Пошел вон, блядь поганая! Процед имперский! Верно говорят, имперцам лишь бы лечь под кого быстрее... понравилось? С аристократом-то, чай, лучше, чем с варваром, так?

– Заткнись, варвар! Не тебе обвинять меня в разврате! В каждом городе, в каждом шатре – по дружку! Всех поймел Север Астигат – гордись. Радуйся! А меня не получишь... пошел прочь!

Воздуха нет. Сил нет. Флорен... ну за что?! Ты говорил: люби илгу! А они?! Как же они так?! Пожалуйста, перестаньте! Я придумаю, все решу, все сделаю, только перестаньте! Почему так темно? Один раз уже было так худо – в том шатре, который помогал ставить Пушистый... неужели снова?..

– Братишка!..

– Брендон!..

– Поддержи его! Мать твою, Каст!..

– Голову ему подними и заткнись! Охрана!

– Лекаря!

Брен пролежал пластом две ночи и день, слыша сквозь марево слабости голоса тех, кто еще жив, и тех, кто уже умер. Вот отец: белокурая с сединой грива, широкие плечи, властный голос. Он сжимает руку Севера, передавая мешочек с сердцем Инсаар, и злые серые глаза илгу глядят прямо на младшего сына. «Убей его! Он недостоин жизни, он погибель!» Вот мама: холодные руки гладят запутавшегося сына по волосам, и она плачет, плачет... Нетронутое лицо шиннарда Беофа, подбородок в крови из раны на горле, и глаза открыты: «Ты виноват! Щенок, никому не нужный щенок!» Лонги в колодках, кровь и крики – Ка-Инсаар. Человек в луже крови поднимает голову, тянет к нему руку: «Почему ты не сдох в колыбели?!» И Флорен, темные волосы по плечам. Стоит на лесной поляне, весь залитый солнцем и, улыбаясь, смотрит в синее небо: «Ты убил меня, энейле. За все нужно платить, а ты бегаешь от расплаты. Иди ко мне! Иди сюда, я унесу тебя далеко...» Брен пошел, побежал, потом упал на колени, молил любимого подождать, задыхаясь от слабости. Флорен имеет право убить его, нужно лишь добраться, доползти, дотянуться! «Подожди меня, ради Вечного Леса, заberi, не уходи!..» Но златоглазый вновь не дождался. Легкое движение – и клуб тьмы перед глазами... любимый не слышит, не чувствует! Конечно же! Ведь внутри глупого аммо непрошибаемая стена, что тверже камня, она держит златоглазого на расстоянии, не дает пить. Потому-то илгу еще не выпили его, а жаль... Брен рванулся, собирая последние силы. Не в его власти разрушить стену, но он просто ляжет у ног Флорена. Чьи-то руки держали его за плечи, прижимали к себе – сильные руки воина, – чьи-то теплые губы касались виска:

– Брен... не нужно. Брен, не оставляй меня! – низкий, сорванный голос – такой знакомый и близкий. Райн? – Ты знаешь, какая казнь полагается за убийство карвиров? Нет? И я не знаю... небось, четвертуют – за обоих-то разом. Если умрешь, убью их, гадов. Как есть пришибу. Ты уж мне поверь... веришь? Вот так, Брен, ну тихо, тихо... все пройдет сейчас. Не пушу их больше – никого не пушу. Пусть что хотят... Брен, как же я без тебя? – и темноволосая голова ткнулась ему куда-то в живот. Широкие плечи вздрагивали, и Брен невольно поднял руку. Райн плачет? Так горюют по мертвым, а он еще жив. Мертвым не бывает настолько больно и плохо, мертвые должны быть счастливы. В Стане мертвых и Доме теней все счастливы.

– Вот так, да, – Райн сжал его ладонь на своем плече, поднес к губам, целуя подушечки пальцев, – ты ж лучше всех на этом свете, Брен... не слушай никого, не слушай голоса! Вот, смотри! Это – Дар, ты ж не откажешься, – теплая сила, ласковая, как летний полдень, текла в измученное тело, и Брен закрыл глаза, впитывая. Когда Райн научился отдавать так легко? Мокрая скула под ладонью, невесомые прикосновения губ – это любовь? Дар любви? Мысли путались, а сила текла, и Райн прижимал его к себе.

В следующий раз Брен вновь очнулся от голоса друга. Жесткого, не знающего жалости:

– Роммелет Иллариий, помнишь, что сам говорил? И керл Север – тоже? Беречь и охранять, так? Я охраняю и берегу. Не пуцу, роммелет Иллариий. Ты – илгу, а Брену плохо. Он совсем без сил.

– Что ты понимаешь в силе, Райн? Я посижу с ним, ему станет лучше...

– Нет! Ты пуст, как... как головешка сгоревшая! Станешь пить... не пуцу, роммелет Иллариий, хоть казни...

Стук двери, быстрые, злые шаги – Иллариий ушел. Зачем Райн прогнал его? Какая теперь разница? Брен все равно умрет – лишь полное истощение рождает такие сны, нескончаемые кошмары, в которых тонешь, будто в тумане, и все тело болит. А илгу, напившись, смог бы очнуться... исцелиться, ведь Иллариий болен. У него точно пятно внутри, оно закрывает солнце и не дает приносить Дары. Брен сам когда-то проделал с собой такое – на лесной поляне, где на деревьях висели сверкающие серебром тьелы. Поставил внутри себя стену, и та убила способность отдавать себя любимому. А илгу Иллариий и илгу Север стараются порвать нить, потому им так плохо. Закрываются друг от друга, ставят стены, но близость и страсть сносят эти стены, потому карвиры так злятся и пьют все живое. На грани смерти способность чутать сквозь все преграды вернулась, и Брен видел под сомкнутыми веками, как оба илгу рвут ткань мироздания, ломают и себя, и все вокруг. Их нужно остановить! Сила – не игрушки; раскаленная нить, порвавшись, может убить обоих. Или свести с ума. Да они и без того уже рехнулись – от боли, от страха перед одиночеством, перед существованием без половины души. Брат и Иллариий больны, безумны, они не понимают, им нужно помочь... а для этого он должен встать.

– Нет, Брен! Не вставай, – Райн вновь обнимал его, и брат керла попытался вывернуться – пусть никто его не касается, никогда! Ему ничего не нужно! И никого.

– Я не буду тебя трогать, – в голосе Райна мука, смертная мука отчаянья, – только ты лежи. Ты им не поможешь, а себя загубишь. Лежи, сказал тебе! Не пуцу.

Брен вновь потерял сознание, а окончательно очнулся, когда сквозь занавеси светило солнце. Райн сидел рядом, положив голову на руки. Темные пряди рассыпались по плечам, закрывая лицо, но младший Астигат видел круги бессонных ночей под глазами. Стало стыдно. Райн делал для него все, не отходил, точно сиделка, а Брен был с ним груб... кажется. Он окликнул друга, тот поднял голову и улыбнулся. Не сердится?

– Райн, скажи... ты меня не оставишь? – он прикусил губу, да поздно. Нельзя показывать свою потребность, нельзя держать человека рядом насильно!

– Да куда ж я от тебя денусь? – Райн легко приподнял его, помогая сесть. – Вот поешь сейчас, а потом...

– Ты сможешь мне найти карвиров, – твердо перебил Брен. – И без возражений. Это необходимо.

Райн Рейгард тяжело вздохнул. Поднес ко рту Брена чашку с питательным питьем и, помолчав, протянул:

– Так кого ты искать станешь? Иллариий еще вчера из дворца уехал, а керл... Брен, вот что, послушай-ка меня. Ты самый умный человек в Трефоле, а может, и во всей Заречной, да и Предречной тоже, – друг смотрел на него своими теплыми глазами с безмерным сочувствием, но в карей глубине было еще что-то – тоскливое, безнадежное. – Ты бы знал, как люди про тебя говорят хорошо! Как уважают! Я тут за два дня кучу народа за дверь выставил... купцы вот приходили, ремесленные старшины, магистрат этот новый, скотина... только Север может магистратом илгу поставить!.. Командиры легионов тоже. Люди страсть как тебя ценят. Но пойми ж ты, глупо между любовниками лезть – навредишь только. Они тут такое учудили... ну, теперь пусть сами и расхлебывают. Ты им ничем не сможешь, просто высосут тебя до дна, да и все. Как помешались... особенно керл. Ну и протектор не лучше... оба – ну точно мальчишки. Надо ж такое вытворить! – это была чуть не самая длинная речь, какую Брен от Райна слышал.

– А что они... учудили? – губы слушались плохо, тело болело, и голова кружилась. Он вновь выбрался из-за черты, остался жив, но смерть все еще держала ледяной лапой за горло. Райн помотал головой, отказываясь объяснять происходящее, потом помог вымыться и привести себя в порядок. Глядя, как сильные ладони осторожно касаются его худых плеч и спины, Брен вдруг впервые за очень долгое время попытался представить, как выглядит со стороны обнаженным. Что думает Райн, – а у сына верховного стратега было много мужчин на ложе, он может сравнить, – глядя на него? Должно быть, отвратительное зрелище! Худой, высохший, как щепка... уродливый шрам через половину тела... у многих мужчин есть отметины – хоть на Севера и Иллариия посмотреть, на спине и плечах места гладкого не отыщешь, а уж живот и грудь так и вовсе! – но воины получили отметины в бою, их шрамы – свидетельство храбрости. А на теле Брена остались следы когтей Амплиссимуса – и он, жалкий трус, даже не сопротивлялся нелюдю, только отползал по траве, как червяк, – подальше... Его не учили сражаться, а теперь и не научат, просто не хватит сил меч в руках держать – пробовал. Иллариий даже рассердился, услышав эдакое, и рассказал как-то, пока Севера рядом не было, что сам в юности был еще хуже. Чуть не подох в первый год службы в армии, даже ревел по ночам – так мышцы болели, на маршах задыхался. Брен ответил: «Глядя на тебя, Иллариий, в это не верится». – «Вот-вот, – смеялся протектор, – а все гимнастика и упорство, нужно заниматься, нагружать себя, вот станет тебе лучше...» Теперь следовало смотреть правде в глаза – Брену никогда не станет лучше. Сила не возвращалась. Пушистый правильно говорил: если б все дело было только в иссушенности, аммо б давно восстановился, но он сам когда-то поставил внутри себя стену, и теперь она мешала отдавать и брать. Райн укутал его полотенцем... друг отчего-то прятал глаза. Конечно – что за удовольствие смотреть на это жалкое тело. Почему-то стало обидно, и обида душила бы куда сильнее, не кружись так голова! И еще... Райн вез его тогда от Десты в Трефолу, когда сбежавшего от Инсаар только что нашли, и видел какие разрывы у Брена в промежности – настолько сильные, что ему еще год после побега было тяжело ходить и сидеть... Но внизу давно не болело, а вот слабость... проклятая, ненавистная. Ничего, он стиснет зубы, пойдет искать карвиров и заставит их помириться...

Райн довел его до постели, укрыл покрывалом, задернул шторы. Постоял возле, словно боясь отойти. Отвращения в его лице не было, и Брен вздохнул с облегчением. Это

оттого, что Райн никогда не смотрел на него как на мужчину, никогда не хотел... Они просто друзья. И хорошо.

– Брен, мне отец велел прийти, срочно там чего-то... я скоро, а ты чтоб лежал! До диска дотянешься, верно? Рабы и медикус в приемной, я им велю, чтоб ни на шаг... что тебе принести из города? – По настоянию Иллария на территории Главных покоев не заводи́ли ни одной лавки, ни одного лотка, а раньше, до пожара, здесь постоянно толклись купцы. Что бы такого пожелать, чтоб Райн искал подольше?

– Купи мне красной мастики для письма – абильской, знаешь? – Красная мастика была редкостью и продавалась лишь в одном месте – в фактории жителей Аби́лы, а от нее до военного лагеря, куда поедет Райн, чуть не десять риеров. Трефола нынче большой город, времени у Брена будет вдоволь...

– Ладно, – друг улыбнулся, посмотрел так, словно видел лучшее в своей жизни. – Куплю тебе мастику, но писать ты сегодня не будешь – ни за что! Руки свяжу! И чтоб не вставал!..

Райн ушел, осторожно прикрыв двери, а Брен Астигат полежал неподвижно еще с полчаса, стараясь уговорить глупое тело собраться, потом сжал зубы и спустил босые ноги на пол.

Он понял тревогу и злость Райна, как только добрался до покоев карвиров. Галереи сменились залами, комнатный раб держал Брена под руку. Войдя в столовый покой, Брен услышал пьяные крики, звон кубков и чей-то злой смех. Он не сразу узнал голос брата, а когда вошел... просто замер на пороге, отказываясь верить глазам. Керл Заречной сидел на лежанке, а у него на коленях... Брен и раньше видел этого воина – Эйрика, командира шестой когорты Второго легиона. Красавчик Эйрик, «лакомый кусочек», как его называли воины. Райн рассказывал... легионеры не ведут себя так, не позволяют усаживать на колени! Процед, мерзкая тварь... рассказывал, что командир когорты, должно, в имперских храмах премудрости набрался – как мужиков завлекать, даром, что чистокровный лонг. Крутил задом перед всеми, штаны себе такие сшить велел, чтоб при каждом движении ягодички обтягивали, но не давал почти никому. Ломается, будто девка, а мужики и сохнут. Перед отцом Райна Эйрик тоже задом крутил, но верховный стратег рассудил, что с таким негоже связываться. Из-за красавчика постоянно драки случались, а раз и поножовщина с убийством. Поимеешь эдакий приз на ложе, потом свои ж подчиненные загрызут из ревности. Эйрик был действительно красив – высокий, стройный, черная грива ниже талии, задница налитая, крепкая, оттопыренная. Но... нельзя так! Брен от порога видел, как его брат лапает парня, задрав тому тунику, а Эйрик глаза прикрыл... блядские глаза-то... ой... в животе что-то скрутило комом, а мозг будто молния разорвала. Младший из братьев уже видел Севера таким – давно, в шатре Лесного Стана. Тот брал своего йо-карви́ра – как собственность, как раба... и был так же пьян. Райн прав, в делах любви Брен наивен, как ребенок. Головоломка, не дававшая покоя, разрешилась. Север Астигат много лет любил Иллари́я Каста, да получить не мог, вот и отыгрывался на любовниках, унижал их – издеваясь, унижая и мучая себя. За безответную страсть когда-то платил лигидиец Алере́й, сейчас платит Эйрик. Так нельзя, это лишь глупость и гордыня, но разве Север послушает?! От самой двери Брен почувствовал неутолимую воронку. Илгу было плохо, силы таяли, и он жрал всех вокруг – а красавец-раф давал мало... Где Иллари́й?! Конечно! Райн же сказал: протектор уехал. Понятное дело, что уехал, Иллари́й горд и не стал бы терпеть этого процеда... в своем доме! Север... надо ж додуматься до такой мерзости! Мать-Природа! Вечный Лес... да что ж это такое, как

взрослый мужчина, правитель может быть таким дураком, бессовестным, жестоким дураком?

– Север! – Брен закричал, не думая. Его мутило, ноги подкашивались. Брат поднял пьяные глаза, Эйрик на его коленях выпрямился, и Брен увидел на шее командира когорты отметины весело проведенной ночи... Неужели брат уложил Эйрика в их с Илларием постель? Месть разбитой изменой любви страшна. Но была ли измена?! Илларию ведь так ничего и не объяснил, а Север поверил сплетням. И отплатил – на свой лад.

– Братишка... ты зачем встал? – керл Заречной тяжело поднялся, спихнув парня на пол, но тот сразу повис на любовнике. – Рейгард где? Голову ему оторвать... ты прости... я к тебе заходил, да Райн выставил – и правильно... что я, сам не вижу? – не видишь! Ничего ты не замечаешь, ослепший от ревности безумец. Эйрик потянулся к губам Севера, тот ответил на поцелуй, но продолжал смотреть на Брена, будто не видел... вместо глаз затягивающие хищные омуты, как у зверя... Брат пьян и не в себе, нужно найти Илларию, не дать ему... что не дать? Север выжил карвира из дома, из их общего дома. А Илларию говорил как-то... говорил, что нигде не чувствовал себя настолько спокойно и безопасно, как в Трефоле, в этом огромном доме, превращенном во дворец. «Здесь ты, Брен, и это чудовище белобрысое – твой брат. И с вами я – дома».

А керл продолжал лапать своего проща. Гадость, глядеть невозможно. Каким олухом нужно быть, чтобы променять Илларию на тупое ничтожество с крепким задом?! Не о чем сейчас говорить братьям Астигатам друг с другом! Брена затрясло от неожиданной, жуткой мысли: ему впервые захотелось убить любимого старшего брата – или уж избить, по крайности. Были бы силы, он бы разбил наглуго, несчастную рожу... тупая дрянь!

– Роммелет Брендон, ты бы прилег, белый весь, – командир Первого Предречного легиона стоял за его спиной, и горячая сила илгу лилась свободно. Цесар Риер всегда хорошо относился к Брену. Жаль, не его карвиры оставили в Трефоле в зиму войны с трезенами, он бы не послал солдат убивать голодных жителей.

– Где протектор? Куда он уехал? Давно? – Брен отмахнулся от оклика Севера, а керл не мог выбраться из кольца рук Эйрика – так напился! Ну, точно как свинья.

Выяснилось, что Илларию уехал еще сутки назад, остановился в Доме вей – так в столице звали каменную постройку на Торговой стороне, где мастер-имперец велел поставить на крыше фигурку – танцующую тоненькую девушку. «Лишней минуты тут не задержался, – нахмурился Цесар. – Повезло этому «кусочку лакомому», Эйрику, что лонгом родился и защищает его союз Дара. Илларию Касту помирять в страшных муках из-за бляди неохота, а так точно убил бы». Цесар сам видел, как керл Север привел парня в дом – и ну лапать у протектора на глазах. «Я думал, тут Вторая Трезенская начнется или еще чего похуже, – говорил имперец. – Карвиры едва насмерть друг дружку не сожрали, Илларию уже за меч схватился – прикончить дурного парня, возмнившего, что между обрядовыми любовниками встать сможет. Приз взял керл, как же! Поимел Север Эйрика тут же – чуть не при всех, завалил на лежанку, задом кверху поставил и давай драть. Вот протектор и уехал, а зря». Сам Цесар вначале б морду союзнику разбил, а Эйрика... ну что ж, не все воины, Илларию преданные, имперцы по крови, есть и лонги. Приказал бы – так вот хоть стража блядь за порог вышибла бы да во дворе и прикончила. Ну, за то, что керлу дал и им не достался, а Северу нужен как прошлогодний снег. Карвира унижить потребовалось, вот и приволок. Как Илларию уехал, так Север любовничка своего, только

что на плоть натянутого, обложил жуткой руганью, выпил чуть не бочку танама и давай лампами швыряться об стены, чуть пожар не устроил. «Словом, роммелет Брендон, ты иди, ложись. Не нужно промеж ними встывать, добром не кончится – бешеные оба». Он, Цесар, при Илларии Касте уж вот седьмой год служит, а так жутко ему на командира глядеть было только дважды – когда весть о взятии Гестии до них дошла, да вот вчера... «Не надо его сейчас трогать, помани мое слово. Настаиваешь? Ну что ж, но не верхом, я тебе носилки дать велю. Эй, стража!»

Илларий встретил его без обычной мягкой сердечности, словно вину брата на него перенес, но после первых же слов Брена заметался по комнате, точно волк. Неведомая болезнь будто жрала сильного и умного человека изнутри, и Брен обреченно понимал: не пробиться. У него стучало в висках, тело как-то странно дергалось, знакомо и страшно. Но он попробовал еще раз:

– Илларий, просто скажи моему брату, что ты... что у тебя в Перунии не было никого. Зачем ты делал вид, будто... Ты же любишь его, я знаю. Зачем?

Протектор походил на злого духа – темные точки зрачков, синева потускнела, спряталась, руки рвут пояс, ходят желваки на небритых скулах.

– Почему я должен врать для его спокойствия? – холодно, со жгучей подспудной ненавистью. – У меня был любовник, аристократ из местных имперцев – Гай Таллий, и нам было хорошо. Так же хорошо, как твоему брату с этим... он все еще там, да? Впрочем, неважно! Я не обязан отчитываться и хранить верность этому... я ему не принадлежу, и он поймет! Словом, я решу кое-какие дела и уеду – в Гестию. Приглашаю тебя, Брендон.

– Нет, не надо! – вдруг заломило плечи, судорогой свело поясницу. Боль была нестерпимой, но еще хуже – страх. Он сейчас потеряет Илларию, а потом и брата... они не выживут врозь. Сойдут с ума – оба. И для чего ему потом жить? – Останься! Север придет в себя, я поговорю с ним, вот только протрезвеет. Илларий, одумайся!

– Поговоришь? – надменный изгиб брови. Боль все сильнее, ноги начало сводить. – Мне не нужна подневольная любовь, лишь бы тебя не расстраивать. Мне вообще ничего не нужно. Я видеть его не желаю – никогда. А вот ты – нужен, поедem... Брен, прошу тебя. В Гестии хорошо, спокойно.

Какие твари! Бездушные, бессердечные твари оба! Илгу! Все одинаковы – себялюбивые мрази... не достучишься... а говорить так трудно. Брен с усилием поднялся на ноги. Пусть он сейчас умрет, корчи его прикончат, но Илларий Каст узнает о себе правду, может быть, хоть потом поймет:

– А ты мне не нужен, – так же холодно и ровно. – Мне ненавистны подобные вещи, ты разрушаешь все, что с таким трудом удалось построить. Мне не нужно спокойствие Гестии – здесь мой дом и мой долг. А ты... трусливое, жалкое... как и мой брат! Вы... оба... Илларий!..

Он захлебнулся криком и рухнул на пол. Боль выгнула тело дугой, зрение заволокло мутью, и пришло небытие.

– Север, я сразу же тебя вызвал... я сожалею. Не смог ничего сделать, у Брена судороги, как тогда, после плена у нелюдей... помнишь? – испуганный, отчаянный голос протектора Лонги – и рычание брата:

– Какая ж ты сука! Хочешь зад подставлять – твое дело, хоть всей Предречной подставь, всей Перунии своей сраной да еще дяде Кладию впридачу, но брата мне трогать не смей! Убью тварюгу, не посмотрю – союз там, не союз, – ладони брата поддерживали плечи, сильно пахло вином. – Убери от него руки! Не смей Брена трогать. Убирайся.

Тишина. Тяжелая, невыносимая. Потом ледяной голос Иллария:

– Замолчи. И никогда не тяни больше нить – ее нет. Забудь, что была.

Сдавленный смешок, быстрые шаги. И вновь тишина, потом шепот Севера:

– Вот и катись... подальше. Эй, кто там, прикажите проводить карвира моего! До реки Лонга – с почетом, с уважением, – бессильный, яростный и горький смех. Потом голос Райна – злой, умоляющий:

– Керл, да отпусти ж ты его! Лекари пришли, тут одной силой не поможешь, травы надо, растереть его всего, чтоб корчи перестали... у него ж болит все... ну отпусти!

Велев всем, кто родился в Предречной Лонге, оставаться на своих местах, в Заречной – при своей службе, Илларий Каст уехал из Трефолы. В одиночестве. И лишь через два месяца Брендон Астигат получил от него первое письмо. Свиток начинался словами:

«Прости меня. Я виноват перед тобой и, понимая, как тебе неприятно, хочу говорить лишь о деле».

Год от основания Отца городов Риер-Де 873

Четвертый год союза Лонги

Трефола

«Прости меня. Я виноват перед тобой и, понимая, как тебе неприятно, хочу говорить лишь о деле».

После спешного отъезда Иллария он пролежал пластом больше месяца. Север и Райн поставили у его дверей сильный караул, и Брен слышал в полузабытьи, как брат пригрозил десятнику Рейгарду казнью на месте, если к младшему хоть кто-нибудь войдет... «Да я сам кого хочешь придавлю, пусть только порог переступит, – ворчал Райн, растирая друга целебным составом. – Неужели керл не верит мне?» Верит, иначе бы не оставил тебя со мной, хотел сказать Брен, но сил не было даже губами пошевелить. Слабость сковала тело, а горе – разум. Он не сумел помирить брата и протектора, он ничтожество, глупец, не знающий нужных слов! Правы были Цесар и Райн – нечего лезть между любовниками, только навредил! Они расстались из-за него, прибавив его болезнь к тяжелой обиде, а Север еще потом шептал, будто в забытьи: «Вот же гад! Ведь ты из-за него болен, мелкий! Это он воду над тобой варил, против меня настраивал, тем и вынудил отдать тебя нелюдям... тварь, ненавижу суку, удавил бы!.. Каким болваном нужно быть,

чтоб верить имперцу... а я верил же, братишка, слышишь?! Я ему верил... я его... сука, тварь, ублюдок аристократский...» Хриплая ругань сводила Брена с ума, и он велел брату замолчать. «Дай мне сдохнуть в тишине, вы достаточно натворили бед, оставь меня в покое!» Север замолчал, потом поцеловал брата в висок и вышел. После этого керл к больному не приходил. Райн потом пояснил со слов Севера: тот боится приближаться, чтобы не сделать хуже, он же илгу, а илгу не всегда замечают, когда начинают пить. Брен поправлялся очень медленно, хотя судорог больше не было. И то хорошо. Но сама жизнь была словно страшная сказка, что рассказывают у костров в ночной тиши. Он часами лежал, смотрел в окно и думал: как тонка ткань мироздания и как просто ее порвать! Стоит ли тогда пытаться строить нечто долговечное?

Стоит. Еще как стоит! Брен окончательно уверился в этом, когда впервые вышел из своей комнаты после болезни – на собственных ногах – и сам пошел к брату. И увидел... в первый миг ему стало страшно – так же страшно, как осенней ночью в Приречной башне, когда Север отдал его Инсаар. Но тогда брат походил на статую, на каменную башню, а сейчас – на руины. Развалины разбитой любви и разбитой жизни. Ничто не интересовало керла Заречной, кроме крепчайшего танама, и младший Астигат даже пожалел о «процеде». Райн давно рассказал другу: керл вышиб Эйрика вон прямо в день отъезда Иллария. Выкинул за порог, еще и по морде приложил, а во дворе красавчика тут же охрана подхватила – и ну избивать... и никто не попытался отнять. Ничего, пусть радуется, что не зарезали! Из-за него карвиры расстались – люди были злы, напуганы и хотели выместить на ком-то растерянность. Глупость, какая же глупость, при чем тут Эйрик? Север сделал из дурака орудие мести карвиру, а Илларий не захотел понять... как не захотел понять брат: измена изменой, но союзник вернулся в Трефолу, хотя мог остаться в Перунии со своим любовником. Вернулся – значит, так хотел, значит, дорог ему карвир. Брену это казалось очевидным, а поведение брата и Иллария – чудовищной ошибкой. Но самое страшное уже случилось, протектор давно в Гестии, а рядом с Бреном умирающий от пьянства и тоски брат.

– Братишка! Ты же умный, придумай чего... вот войну какую, что ль... Платят дураки ученые налоги? Какие «какие»?.. остеры, дери их в корень! Кто у нас самый большой ученый дурак? Нееееет... не Да... Данет! Куда там остеру до имперца – как заднице до луны. Илларий... Каст самый большой дурак на этом свете... ну нет! Север Астигат – еще дурнее, но я-то не умный, не ученый, просто болван, и все. А вот Каст, тот даааа... Знаешь, братишка... не хотят, говоришь, остеры войны с нами? А мне плевать! Я хочу. Хочу войну, тошно мне... так вот, слышь, мелкий... знаешь, что эта сука делал? Да Каст же, конечно! Лар... Лар... да... выблядок Илларий Каст. Он так смотрел на меня, на тебя в жизни, наверное, никто так не смотрел – ты ж не знал, как они нас презирали... ты ж не видел, как грабили, и жгли, и насиловали... а, ну да, видел. А я, мелкий... я служил с ними, понимаешь? Я присягу дал в день после ихнего Ка-Инсаар. В колодках келлитов драли, а я смотрел... стоял и смотрел, и упаси Вечный Лес морду покривить. Да мне и плевать на келлитов было, пусть знают: мы всех обыграли, мы, лонги! Но все едино тошно было... а я присягу им дал... а Каст... он же меня презирал – всегда. Ты просто не знаешь! Не знаешь, не смей спорить! Он коснуться меня брезговал, так всегда было! Не знаю, почему он потом... не знаю! Выгода, ну да. И еще... ну, постели ему хотелось, верно. Только отчего он... ну зачем так?! Сразу б сказал, мол, ненавижу я тебя, презираю варвара поганого! Я же этого и ждал, мелкий. Что после обряда он об меня ноги вытрет, он же всегда раньше... плевал, смотреть не желал в мою сторону. Слова по службе сквозь зубы цедил. А я... как дурак, хотел и говорить с ним, и чтоб он мне улыбался, не просто же – ложе. Боялся в том шатре, после обряда нашего, то есть уверен был – сейчас вот Холодная Задница посмотрит эдак и скажет: «Варвар, как ты меня коснуться посмел?» И уйдет, а я лягу на траву и завою... А он не ушел. Он же сам... он первый, я б не стал потом, пальцем

бы не коснулся. Но Лар первым! Понимаешь ты?! Не... ты не понимаешь. Почему он не сказал сразу, зачем нужно было себе аристократа искать? Что я Лару плохого сделал?! Никогда не навязывался, думал: ну, не любит, и ладно, но со мной же! А он и тут – сам. Понимаешь?! Нет, не понимаешь... ну что ты так смотришь? Думаешь, пьяный я, да? Ну да, пьяный! Керл Заречной пьян как свинья! И хорошо. Варвару самое место рылом в корыте – так же Лар думает? Выходит, только чтобы от императора защиту получить он со мной и... так?! Отвечай, так? Все, поди, так думают. Мне плевать! Он опять ноги об меня вытер, вот теперь на всю жизнь запомню. Кончено! Дай мне еще бутыл... и войну придумай, мелкий, до смерти не забуду, если придумаешь. Такую – чтоб навсегда, надолго. Чтоб сдохнуть там. Лар же обрадуется смерти моей... а я хочу, чтоб он радовался, всегда хотел...

Брен не мог слышать этот голос – срывающийся, полный горечи и боли. Не мог смотреть на человека с трясущимися руками и красными запавшими глазами, сидящего на разобранном ложе – том самом ложе, где они с Илларием ночи делили. В спальне союзников царил такой беспорядок, словно там трезены ночевали, а на самом Севере ключьями свисала разорванная грязная туника. Докатился. Брен шагнул вперед, вырвал из рук брата бутыл с танамом и прошипел:

– Вот остеры точно обрадуются, если ты сдохнешь от пьянства! И в Риер-Де счастьем предела не будет, а уж о наследниках Ульрика Рыжего я вовсе промолчу. Всех вокруг себя распугал, даже рабы войти боятся, чтоб прибрать в твоём хлеву. Командиры легионов под дверью стоят – ты их запугал своими криками, хочешь, чтоб они вместе с воинами разбежались? – Брену уже успели доложить, что керл в пьяном угаре едва не убил одного командира, врезав тому бронзовой табуреткой по голове, а нового магистрата так и вовсе пришиб, но за дело, правда, того на воровстве поймали. Магистрат признаваться не хотел, но Север всех выпихал за дверь, а после вора от керла вынесли ногами вперед. У него ни кровинки в лице не было – илгу его выпил. Нельзя людям показывать такие вещи, и вообще...

– Хочешь, чтобы радовались твоему падению? Твоему унижению, керл? Хочешь разрушить то, что оплачено столькими жизнями? Вы с Илларием не поняли друг друга, но союз живет, и люди тебе верят! Очнись или... – он не знал, чем еще пригрозить брату, но тот вроде понял.

– Война все еще идет, верно. Ей конца не бывает – и хорошо... пойду хоноров пугать, ха! Раз уж я зверюга варварская, то надо пользу извлекать... только скажи, мелкий, зачем? – Север смотрел на него со жгучей мукой, и сердце заломило. – Зачем мне все это? Я не знаю... теперь. Теперь – не знаю.

Брену ли не понять, каким бессмысленным кажется собственное существование, насколько пустым – мир, без того, единственного? И не поможет ничто – ни взывание к разуму и долгу, ни уговоры и утешения. Ты просто должен пережить это. Сам. Один. И так каждый день.

– Затем, что люди верят тебе и ждут от тебя силы, Север Астигат! – твердо ответил он. – Люди не привыкли видеть тебя таким – и не увидят больше, верно? Ты – Астигат, так дерись! Ты рожден драться, ты же сам мне так говорил!

– Когда это я такое говорил? – растерянно пробормотал Север. – Я и слов-то таких не знаю. Ты что, мелкий?

– Неважно. Говорил – не словами, зато каждым поступком своим, понял? – Брен швырнул бутылку в ближайшую мраморную вазу, все равно уже превращенную в свалку мусора, и ласково, но сильно потянул спутанную светлую прядь. – Ты нелюдей не испугался, Север! Ты пил бессмертные жизни, а теперь боишься одиночества? Иллариус не презирал тебя – никогда. И не считал грязной тварью. Он тебя любил. И любит.

Брат прервал его властным жестом, поднялся на ноги:

– Не говори, чего не знаешь, братец. Вообще никогда больше не говори мне о нем. Никогда, ясно? Но надо ж, как выдумал, – смешок, растерянный и смущенный, – ты рожден драться... Красиво. Слушай, а что если мы девиз такой напишем? Пишут же в Риер-Де девизы на родовых символах. А, мелкий?.. Эй, кто там! Ванну мне, а через час собрать Совет хоноров!

Пить керл перестал, но... иной раз Брену казалось, что не тумань вино и танам разум, лучше б уж пил! Первое письмо Иллариуса было полностью посвящено налогам и сжато доклада о поставках в Риер-Де скупщикам Ристана, а еще – новостям из Кадмии и других провинций. Сведения в Предречную всегда поступали быстрее, хотя императорская почта там уже не действовала, и протектор исправно выполнял союзнический долг. Брен быстро понял: отныне ему придется стать связующим звеном между союзниками. Временами это было тяжело – в письмах Иллариуса он чувствовал призрак того же отчаянья, что терзало брата, но Гестия так далеко! Протектор тщательно избегал упоминать даже имя карвира, но все написанное предназначалось отнюдь не Брену, ибо содержало сведения, о коих брат керла имел весьма смутное представление, а вот сам керл – вполне четкое. Отнюдь не Иллариус писал Северу – один правитель слал письма другому, но... одно из писем было залито вином, а после просушено, но пятна остались все равно... на другом зияла дыра с острыми краями – след от воткнутого в пергамент кинжала. В третьем рассказ о новом наборе в армию империи вдруг прерывался небрежно зачеркнутым восклицанием «ну, ты ж помнишь, как Друз манипулы⁷ муштрует, так вот, он солдат по-прежнему дерет!» Брен с трудом вспомнил, кто этот Друз вообще, и уж точно не знал, как он «дерет» свои манипулы – для брата керла манипула была чем-то невыразимо далеким. Иллариус забылся и... это письмо Брен показал Северу, у самого просто знаний о войне не хватило бы, чтобы все запомнить и верно пересказать, а брат лишь пробежал глазами по строчкам, осторожно положил пергамент на стол и вышел. А вечером письмо пропало. Пропало из запечатого короба для важной переписки, ключи от коего были лишь у Брена да у самого керла.

Младший Астигат пошел к брату. Ему не нужен был пергамент, присланный Иллариусом, все равно думать об имперском стратеге Друзе – дело Севера; но за окном темнела ночь, и Брен слишком хорошо понимал, как страшно остаться наедине с кусочком того, что было рядом, да исчезло. Растворилось в бесконечных рieraх между Трефолой и Гестией, в водах Лонги, в холодном ветре над равниной, в кронах Вечного Леса. Север сидел на меховом ковре, и письмо лежало у него на коленях. Брат сделал быстрый жест – спрятать, не показывать слабости... Брен просто сел рядом и нарочито небрежно спросил:

– А этот Друз для нас опасен?

Керл поднял на него глаза – непонимающие, как у заблудившегося в чащобе путника.

⁷

Манипула – тактическая единица в войске.

– Друз? Да. Опасен. Он очень хороший стратег, император именно его поставил охранять столицу Риер-Де, – голос Севера был ровным и мертвым. – Охранять-то ладно, их дело, да от кого ж? Только Лонга так к ним близка...

Брат, забывшись, вытащил письмо из-под складок туники, осторожно погладил пальцем косые строки. И вдруг ткнулся лицом в сгиб локтя:

– Она не рвется, Брен... я рву, закрываюсь, а она не слушается, проклятая! – со стоном, сквозь тяжелые рыдания. – Я ж из-за нити запах его слышу, вижу то, чего он видит! Так не бывает, байки, мол! Если б знал, никогда бы... Как ее порвать?! Спячу же!

– Никак, – ответил Брен, стараясь говорить спокойно, хотя сердце сковал ужас. Его брат, Север Астигат сидел на ковре и рыдал – немыслимо! – Нить нельзя порвать по желанию, она погибает только с человеком, заключившим союз Дара. Мне рассказывал Флор... словом, я точно знаю. Ее разрушит лишь гибель одного из вас или предательство, а это – одно и то же. Смирись. Не старайся разорвать нить – она драгоценна.

– Драгоценна?! Зачем она, если... только мучает попусту. Он же тоже мается, да?

Брен кивнул, хотя брат и не мог его видеть. Конечно, если нить жива и болит – значит, и Илларию плохо.

– Послушай, Север, – осторожно начал он, стараясь вынуть из намертво стиснутых пальцев пергамент, – я отвечу Илларию про стратега Друза от твоего имени, протектор же знает: мне вовек не понять военной премудрости! Просто напишу, и он поймет – ты хочешь с ним говорить. А ведь ты хочешь! Полгода почти прошло, брат, и Илларию тоже жалеет... вот увидишь! Напишу и...

– Нет! – на ноги вскочил разъяренный илгу – не человек. – Никогда! Не стану я унижаться перед ним, он меня предал! Суку эту... вот так!

Клочки пергамента полетели на ковер. Брен боялся смотреть в горящие яростью глаза – в них крутилась воронка, а ведь он очень слаб!

– Никогда не показывай мне его писем! – заорал Север, должно быть, забыв, что сам вытащил письмо из короба. – Не говори мне о нем! И уходи... выпью же! Уходи!

Брен осторожно прикрыл дверь в покоях брата и остро пожалел о том, что Север и Илларию, перевернувшие мир своей любовью и силой, так и не поняли – Даров не возвращают.

Когда история с нойрами только началась, младший Астигат обрадовался: как хорошо, что это небольшое, но буйное племя живет в Лонге! Впервые о южных соседях он слышал еще в детстве, их обсуждали на совете старшин после одного набега, который, впрочем, дружинники легко отразили. Нойры – смуглые и темноволосые в отличие от большинства жителей лесных племен – жили рядом с Остериумом, и отец всегда шутил: «черные» – беда Предречной и остеров, а не лонгов! Дружина племени насчитывала едва ли двадцать «копий», но воевать они умели и, притихнув было из-за Большой войны между Заречной и Предречной, теперь вновь обнаглели. Союзу долго было не до нойров, и те начали нападать на купеческие караваны. Вождь этого племени, нестарый еще

мужчина, даже послал Цесару Риеру, хонору сопредельного нагорья Меркат, «символ дани» – острую палку, исписанную рунами. Командир легиона принес символ в Совет хоноров, и первым тогда засмеялся Иллари... а потом все хохотали добрых полчаса. Одного легиона союза хватило б, чтобы разметать дружину нойров, но те, видно, надеялись отсидеться в своих хилых южных лесах. Однако посылать войска было недосуг, и «черные» продолжали грабить торговцев. В конце концов купеческие старшины пришли к Брену с жалобой – нойры встретили богатый караван, убили легионеров сопровождения и, что возмущало лонгов и имперцев более всего, утащили ценные товары. «Это вам не пенька, – кричал старшина-имперец – пихтовое и можжевельное масло... да на рынках Риер-Де за него платят, как за семя Инсаар!» – «Семени у Инсаар нет, – язвил старшина-лонг, – а пенька моя – товар отменный, не чета вашим бутылям... словом, роммелет Брендон, не дело это! Пока черномазые остероги грабили – не страшно, так тем и надо, пусть не ездят, не перебивают нам товар и цены, но теперь они и за нас взялись всерьез. Обнаглели – все из-за слухов о распаде союза! Хотим вот керлу в ноги пасть, может, изволят послать войска, мы бы и сами пошли... не глядит пусть керл, что торговые мы, если допечь, купец страшнее легионера дерется. А нойры допекли!»

Допекли, взвыл Совет хоноров чуть позже. Люди рвались повоевать, словно стараясь сбросить напряжение последнего полугодия, но Север велел вначале допросить купцов. Когда за дело взялись опытные разведчики, выяснилось, что вождь нойров, некогда отказавшийся от предложения Брендона Астигата-старшего вступить в племенной союз, помер несколько месяцев назад. В племени началась грызня за власть, и старший сын вождя бежал вместе с матерью под защиту дяди – сильного дружинника. Вот эта дружина караваны-то и грабит – им нужно железо, чтоб со своими воевать. Брен увидел, каким острым и заинтересованным стал взгляд Севера, и обрадовался. Вечером брат пришел к нему – совершенно трезвый и даже веселый. «Мы не будем воевать с нойрами, глупо это и лишнее, – сказал керл. – Лучше пошлем им посольство. Вот хонор Мерката и поедет. Цесар – парень хитрый, пусть берет жену и...» – «Жену-то зачем? – удивился Брен. – Разве не опасно ехать женщине к врагам?» – «Опасно, но Цесар жену сбережет, а нойры увидят, как силен союз и как крепки в нем связи. Жена-то Цесара кто по крови? Вот! Чистокровная дочь лонгов! И узрят нойры, что хорошо тому вождю будет, который к союзу Лонги прибьется». – «Так нет же там вождя», – возразил младший Астигат, но уже больше для виду. Он не был особенно силен в политических хитростях, главное – брату стало хоть немного легче. «Так будет», – отрубил Север.

К нойрам послали посольство, пообещав осиротевшему мальчику, а главное, его дяде-воину и старейшинам, что буде племя обязуется не трогать караваны, да подкидывать кое-чего в казну союза, да верность хранить, встанут легионы карвиров за законного наследника стеной. Дескать, Север Астигат тоже не так давно отца потерял, знает, каково это – когда в своем доме мира и порядка не видать, потому и жаждет помочь оставшемуся без помощи ребенку... ах, не ребенок будущий вождь племени? Ка-Инсаар прошел уже? Отлично! Сильный воин – хороший союзник. Нойры колебались недолго, и дядя мальчика принял военную помощь. Даже не легион – восемь когорт союза вошли на земли «черных», после чего власть сына покойного вождя никто уже не оспаривал. Некому стало. Но на Ка-Инсаар с хонором Цесаром дядя нового вождя идти отказывался и племяннику не велел. «Ну да, – усмехались опытные в племенной политике, – не хочет связывать себя до смерти своей и племени своего. Не больно-то надежен такой союз». Брен не сомневался, что брат найдет выход и раз и навсегда приструнит нойров, но тут незначительная и, не будь жертв, смешная история приняла неожиданный оборот.

Отчего-то теперь, на заре своего двадцатилетия, Брен часто вспоминал отца, отстраненно, но с подспудным чувством благодарности. Великий много сделал и многому

научил сыновей. Тепла эти воспоминания не приносили, но Брен все чаще прикидывал: что предпринял бы отец на их месте? Брендон-старший частенько повторял: «Лесные племена – котел злого духа, в коем такая пакость бурлит, что и не знаешь, откуда какой острый корень вылезет и воткнется в руку. Но, повредив руку, можно избежать смертного боя, раненых в сечу не берут. В каждой хорошей вещи таится подвох, а в каждой плохой – радость». Маленькому племени нойров и не снилась та роль, которую они сыграли в делах огромного союза Лонги. За войну с нойрами дружно голосовал весь Совет хоноров. Север привычно ждал возражений от келлита Естигия, но того сменил неожиданно приехавший отец. Тесть брата совал нос во все дела Заречной, но раздражал керла вполтину меньше, чем бывший любовничек. Старый вождь отлично понимал: без союза ему против трезенов не выстоять, а наследники убитого Илларием Ульрика вскорости отсилятся и начнут грабить и людоедствовать по новой – так было испокон веку. Потому-то хонор келлитов и отозвал сына из Совета и стал наезжать в Трефолу сам. Один из его приездов как раз совпал с решением Севера поддержать юного вождя нойров. Тесть, тряхнув седыми косицами, одобрил зятя и неожиданно попросил разговора наедине. Север все равно махнул Брену рукой – он не желал беседовать с келлитом без свидетелей. Но дело хонора оказалось на первый взгляд пустяковым и даже приятным: «Согласен ли ты, керл, чтоб дочь твою, возраста невесты достигшую, просватали за Донарда Сильного, лучшего воина в дружине келлитов?» Дочь? К своему стыду, Брен едва вспомнил, о ком идет речь. Он видел племянницу только несколько раз, да и сам тогда был ребенком. Ари редко приходила в их шатер, свекровь она ненавидела люто. Впрочем, жена Севера всех ненавидела. Смутно помнилось, как она уезжала к родному племени после того, как брат выгнал ее. Дочери на руках у нее не было, девочку держала рабыня. А вот выволочку, устроенную после отцом Северу, Брен помнил отлично! Отец несколько раз ударил старшего, велел догнать жену и вернуть. Как, дескать, не понимает тупица – обидятся келлиты! Коли разорвут они союз, то пусть старший сам воюет – за всю дружину тестя! Север, утерев кровь с разбитых губ, ответил: ему плевать на келлитов, он сделает то, чего отец хочет. Пусть только даст разрешение взять три сотни молодых воинов. Великий рассмеялся и разрешил, а потом – после вылазки – отец с Севером пили и смеялись вместе. Но развод Брендон сыну не забыл и при каждом удобном случае напоминал наследнику, что тот обязан жениться – не ради себя, ради племени. Брат в ответ ворчал и огрызался: «Будешь приставать, отец, женюсь на кобыле! Устроит тебя такая невестка? А еще лучше – на овце. Животины молчат, по крайности». Младший Астигат больше не видел брата с женщинами – только с мужчинами – и отчасти понимал его: Ари была ужасна. Крикливая, вздорная, завистливая женщина. А теперь оказалось, что у Севера есть дочь-невеста! Брен знал: в первый момент брат растерялся не меньше, чем он сам. Мысли керла явно бродили вдали от дочери, которую он не видел много лет.

Сколько же может быть этой девочке, его племяннице? Похожа ли она на мать? Что сказала бы Сабина, узнав, что сыновья даже не помнят, как зовут ее внучку? Как жаль, что у Севера не мальчик! Тогда он рос бы среди лонгов, у мамы был бы внук и, быть может, она прожила бы подольше... Север, впрочем, колебался недолго и неожиданно и для тестя, и для брата заявил: он хочет видеть дочь – так скоро, как ее смогут привезти в Трефолу, келлитам дадут охрану. «А как же сватовство?» – «А никак! Дочь Астигата не выйдет за какого-то... хм, простого дружинника. Не выйдет, сказал! Моя воля – воля керла – в Заречной непререкаема, согласен ли, дорогой тесть?» Келлит, решив, видно, что обида жениха-сородича несравнима с нашествием трезенов и одиночеством перед ними, согласился привезти Лиссу в столицу. Лисса – хорошее имя! Брен опасался только одного: как бы племянница не оказалась копией своей матери.

После разговора с хонором келлитов брат сказал: «Старый хрыч меня на мысль навел. Как думаешь, стоит выдать дочь за этого мальчишку, вождя нойров? Выдам, вот

тебе и крепкий союз! Должна ж польза быть от Ари, раз она первой девку принесла, а когда сына мне родила, то придушила». – «Как это – придушила?» – испугался Брен. «Да запросто. Бабы испокон веков так неугодным мужьям мстят, а она еще и пригрозила, что убьет». – «Но, Север, зачем ей это было нужно? С разводом Ари потеряла куда больше, чем ты, ее же так никто и не взял замуж! А будь она матерью твоего сына, ты бы ее не выгнал – ни за что, ведь так?» – «Не выгнал бы, – согласился Север. – Такое стоит благодарности, даже если сама Ари ее не заслуживает». – «Ну вот, так как же – задушила?» – «Ох, мелкий, много ты в бабах понимаешь!» Верно, Брен очень мало понимал в женщинах и вообще в любви, зато слишком хорошо знал манеру своего брата решать сгоряча, и отчаянно упорствовать в своих заблуждениях, и так же отчаянно жалеть о совершенном – после.

Неожиданности и неприятности начались сразу, как только они с братом встретили отряд, посланный привезти Лиссу в Трефолу. Рядом на лучших лошадях из конюшни керла сидели старейшины нойров и дядя мальчишки-вождя. Та самая развилка... Брен не помнил это место, но Райн рассказывал: здесь Север спас ему жизнь своей силой, после Десты. Брат замер в седле. О чем он думал? Вспоминал, может, как ждал здесь умирающего Брена – и не один ждал, вместе с карвиром? По каменному лицу керла не понять, но судя по тому, как ревностно он занимался делом нойров, было видно – ему хочется доказать и себе, и Илларию: я справляюсь без тебя!

С обвода передней повозки соскочил рослый воин – командир отряда, вскинул руку к плечу, приветствуя керла. Братья подъехали ближе, и Брен тотчас пожалел, что привычная слабость не даст ему подхватить на руки это... белокурое чудо! Девочка – красивая, несмотря на уродливую домотканую одежку, его племянница! – неловко примостилась под пологом и застенчиво оглядывала незнакомых людей. Брен, сам не зная отчего, ужасно обрадовался и не удивился, услышав, как рассмеялся довольно Север, заметив, как заулыбались Райн, Цесар и Крейдон. «Дочь керла! Обнажить мечи!» Север без малейшего усилия поднял Лиссу, усадил впереди себя, и она не боялась. «Настоящая Астигат», – сказал Крейдон. Лисса Астигат, вот это да! Все радовались, словно забыв, что Лисса не мальчик и не может наследовать отцу... Но если ее будущий муж окажется хорошим правителем и достойным человеком, отчего бы наследником не стать ему? Так делалось в империи Риер-Де – сам Диокт, основатель правящей династии, думал оставить трон зятю, но тот погиб на войне. Чудо-чудное, что уже перед самой смертью императора немолодая жена родила ему наследника... Девочка – на вид лет десяти, сероглазая, густоволосая, с чистой и гладкой кожей, прямыми стройными ножками – сидела на седле отца и уже потянулась к холке жеребца. Любопытна, это хорошо! Брен остро пожалел, что Иллорий не видит Лиссу, и дал себе слово написать протектору о приезде племянницы. Письма протектора с каждым разом становились все короче и все суше, словно ему не хотелось слать послания союзникам... «Красавица, – сказал один из старейшин нойров. – Не обманули лонги, через пару лет будет отличная жена нашему вождю». И тут командир отряда склонил голову и пробормотал:

– Керл, не казни... она сама навязалась, а келлиты не препятствовали! Пришлось везти.

Все повернули головы и увидели, как со второй повозки спрыгнула молодая статная женщина. Подошла неспешно к лошадям, и тут Брен ее узнал, хотя от вредной худышки мало что осталось. Теперь это была истинная дочь лесов – высокая, с полной грудью, пышным узлом русых волос на затылке. Ари!

– Здравствуй, муженек, – сказала келлитка, склонив голову. Брен готов был поклясться: не будь здесь нойров, не жить ни Ари, ни командиру отряда, ведь Север приказал привезти только дочь. Видеть жену он не желал – никогда, но старейшины племени жениха смотрели на нее во все глаза, и керлу пришлось держать лицо. Так ехали до самых Главных покоев – Лисса на руках Севера, а рядом Ари на лошади Райна. Сватовство тянулось долго. Вначале нойры торговались за земельные наделы в приданое, потом лонги и имперцы торговались за купеческие пути и налоги, а потом привезли жениха. Мальчик – смуглый, черноволосый, стройный – всем понравился, но Север беспрестанно ворчал: «Правильно отец ненавидел и опасался келлитов, вот же подгадили!» И верно, Ари никуда не собиралась уезжать, настаивая, что должна быть рядом с дочерью в такой важный день, как помолвка. Должна, ну и сиди себе смирно, ругались все кругом. Дали тебе платья, даже драгоценности дали, дикарка келлитская, так радуйся и молчи! Так нет, Ари, как и раньше, осуждала все и вся: ей не нравился муж, его брат, хоноры и даже Трефола. Брен видел, что невестка напугана. Неудивительно – она помнила столицу большой деревней, а теперь это был безалаберный, но очень оживленный и быстро растущий город. Просто Ари, стараясь не показать, что боится, придиралась ко всему, и Брен с растущим раздражением вспоминал, как невестка уезжала из их становища почти десять лет назад. Север велел матери дать жене все, что она захочет, и Ари хватала шкуры и тряпки... Мерзость! И почему у его племянницы такая вот мать?! Лисса нравилась Брену безмерно. Ему казалось, что вопреки законам природы девочка похожа на Сабину – такая же добрая, отзывчивая, вечно чем-то занятая... вот только белокурая, а у мамы волосы были потемней. Лиссу поселили в отдельных покоях и привели к ней девочек из семей хоноров и командиров легионов. Младшему Астигату нравилось заходить в этот «цыплячий загончик», как говорил Север. Жаль, дела не позволяли возиться с Лиссой побольше, иначе он начал бы учить девочку читать и писать. Но Брен по-прежнему крутился в хороводе из налогов, цен и бесконечных жалоб всех и вся друг на друга, а сил так мало! Испарина, ледяные руки и ноги, холод в сердце, беспрестанные обмороки и кошмары... давно пора смириться – он калека.

Сватовство шло своим чередом. Вскоре Лисса так привыкла к новым людям, что сама прибегала к дяде, сидела у его постели, когда он не мог подняться, до боли напоминая ему мать. Он говорил с девочкой обо всем на свете – у нее было столько вопросов! – учил имперскому языку. С невесткой же Брен просто старался не сталкиваться, чтобы не делать хуже Северу. Келлитка невзлюбила деверя. Впрочем, она его никогда не любила – и раньше-то попрекала мужа, что с братом тот возится больше, чем с детьми собственными. Лучше всех об Ари сказал Райн: «Будь женушка керла мужиком, точно была бы илгу – эдакой стервы свет не видывал, даром что красавица!» Похоже, остальные полностью соглашались со словами десятника Рейгарда, и раздражение Брена росло день ото дня. А потом Север перестал ругать тестя, всунувшего ему надоевшую дочь, да и Ари тоже немного присмирела. Загадка разрешилась быстро. В одном из залов Главных покоев рабы красили золоченой абильской краской панели, запах заставлял затыкать всех носы... Ари, выйдя из своей комнаты, вдруг крутнулась и кинулась назад, к тазу для умывания. Ее тошнило.

Вечером Север зашел к Брену и сел рядом, положив брату руку на плечо.

– Да, верно... понял, так же? Я оставляю ее, она родит мне сына... рожала ведь уже раз, и не говори мне, что дело не в бабе, а мужике, – керл невесело усмехнулся, и Брен с жалостью отметил и не разглаживающуюся горькую складку у губ, и тусклые глаза. – Все равно я... все едино не живу, так какая разница? Будет наследник, это нужно союзу. Нужно Заречной. Мне без разницы, кто родит, пусть Ари... все равно ведь...

Север встал, махнул рукой безнадежно. И Брен вдруг не удержался – зачем хоронить себя заживо, зачем связываться с ненавистой женщиной? Пусть брат подумает!

– А как же «душение младенцев»?

Он не ожидал от себя столь язвительного тона, и брат поморщился – так всегда говорил Иллариус.

– Да поговорили мы с ней. Ари клянется, что не душила, со зла сказала – убьет, мол, малого, а сама не трогала. Видно, я по молодости надурил чего-то, как всегда... и жена Цесара говорит, она ж в таких делах разбирается... говорит: бывает такое, когда дети сами помирают и никто не виноват. А Ари с ребенком не спала рядом, со мной спала... Ха!

Север вдруг с силой провел ладонью по лицу и как выплюнул:

– Не могу ни с кем. Понимаешь? Никого не хочу просто, даже пробовать бесполезно, что я, до смерти должен верность хранить... этой скотине имперской? – серые глаза полыхнули бешено. – Не хочу никого, а он... ведь не будет больше никогда. С Ари все само по себе вышло, видно, потому что женщина она – это другое. Да и вышло всего пару раз, а больше не хочу. Она останется здесь жить и родит мне сына.

Нойры уехали довольными – через несколько лет Лисса станет женой их вождя, а земли войдут в племенной союз Заречной. А еще через полгода Ари родила Брендона Астигата-младшего, горластого крепкого мальчишку. Перед самыми родами Север представил жену хонорам и народу Трефолы как свою керлу. Но мало кто знал, что накануне керл едва не свернул жене шею, пообещав: если она еще раз обзовет брата или хоть посмотрит косо в его сторону, то драгоценную Ари выкинут из столицы. «И на этот раз не к родне, а к трезенам! На чрево твое не посмотрю, баб кругом полно, другую возьму». Брат, конечно, лукавил – он не взял бы никого, да и с Ари связался лишь потому, что та под боком оказалась. Они не жили вместе и больше ложе не делили. После рождения ребенка келлитке выделили большой дом, тут же получивший в народе название Дома керлы. Ари строго усвоила правила, коих должна придерживаться, чтобы остаться на своем месте и носить такой же, как у Севера, серебряный венец. Как ни странно, в этом помогли украшения и тряпки. Женщины-имперки, которых в Трефоле хватало, научили керлу одеваться, красить лицо... взглянув разок на себя в бронзовое зеркало, келлитка уже не смогла отказаться от благ. Она действительно была красива, но по-настоящему оценила это только в столице. Теперь керла Ари вместе с приставленными к ней женами и девами полдня наводила красоту, полдня сидела в большом расписном покое, слушая сказителей, и была совершенно счастлива. Детьми она интересовалась мало, но хотя бы перестала допекать мужа и деверя. Стоило бы радоваться – и племяннику Брен впрямь радовался от души, – но не получалось. Вместо Иллариуса ему теперь писал секретарь протектора, уведомивший о чрезвычайной занятости благородного Каста. Чтобы узнать, действительно ли тот занят, нужно было ехать в Гестию, и как же Брен этого хотел! Он скучал по Иллариусу, по тому неуловимому, что приносил протектор в его жизнь – с первого дня знакомства, какими бы побуждениями аристократ тогда ни руководствовался. Шли месяцы, а брешь в душе не желала закрываться – стихи, долгие неспешные беседы, умные подсказки, полное доверие... И, если ему так плохо, каково же брату и самому Иллариусу?

Но поехать Брен не мог, сомневался, что дотянет даже до реки Лонга – в месяц он едва ли половину дней вставал с постели. Голова кружилась, ноги подгибались, но показывать слабость он не желал – нужно много работать. Разве люди станут уважать помощника керла, видя, как он постоянно лишается чувств? Это плохо для дела. Поехать не мог, а вот послать личного гонца в Предречную к протектору – запросто. Он написал Илларию искренне, выворачивая душу – как скучает, как хочет видеть. Написал и о брате – «отчего вы не одумаетесь, ведь вам обоим плохо?!» Гонец вернулся с ответом и доложил: «Протектор был тяжело болен, оттого не писал». А после опытный посланец прибавил: «Это то, что он мне сам сказать велел, а на самом деле, роммелет Брендон, Иллари Каст с ума сходит. Я его в Миариме застал – там башня такая есть, крепость старая. Вот он там и сидит сиднем, трактаты какие-то читает. Когда увидел, так подумал: пьян он, без просыху пил, месяцами, – но нет. Просто – ну, как рехнулся. Заговаривается. Чушь несет разную, я половину и не понял – что-то про нелюдей, про законы мира... но после очухался вроде, письмо вот написал».

Ответ Иллария был коротким. В первых строчках протектор просил у Брендона извинений: просто он не хочет мешать счастью карвира и потому не намерен сам писать его брату... а это тут при чем? «Прости меня, Брендон, я не подумал, что все еще нужен тебе, ты – не твой брат... словом, прости. Но о чем писать? Я не знаю. Все идет хорошо, управляющие и секретари справляются со всем. Думал ли ты когда-нибудь, Брендон, насколько коротка жизнь? Зачем она была? Почему все еще продолжается? Я не знаю, но, может, знаешь ты? Я очень рад тому, что у тебя есть племянница и что скоро в вашей семье будут еще дети. Мне было трудно читать твои письма, но ничего, все пройдет, только зачем оно пройдет? Все бессмысленно. Дети всего лишь повторяют ошибки родителей, потому я сам никогда их не хотел, но твой брат – дело другое. Заречной нужна династия. Поздравляю».

Когда родился Брендон-младший, Ари закатила мужу последний скандал: Север, мол, назвал сына не в честь отца – тут бы она не возражала, кто ж в Вечном Лесу не чтит Великого? – а в честь своего захмурышки-братца! Но на этот раз ссора была недолгой, и керла с удовольствием приняла участие в подготовке праздника по случаю рождения наследника – она на диво быстро оправилась после родов. А брат вновь начал пить. Похоже, его и сын не радовал. Мальчик спал в колыбели, они сидели рядом, и пьяный керл Заречной бормотал, как в забытии:

– Хочу, чтоб Лар увидел мальчишку... это же мой сын! Говорили мы как-то... Лар смеялся надо мной, что имя дочери не помню. А теперь у меня и дочь, и сын есть... пусть бы они и его были... так хочу видеть его, братишка... отчего он такой? Гордец... ты ему писал? Он же должен знать! Неужели и на праздник не приедет – ведь сын же! Он же... Лар – карвир мой! Союзник!.. подыхаю без него, братец, подыхаю, ничего не помогает...

Брен решил еще раз: «Напиши ему, Север! Ему ведь тоже плохо... ты только согласишься, и я от твоего имени приглашу его на праздник. Пожалуйста, умоляю! Разве я давал тебе дурные советы?! Послушай меня хоть раз, для чего так терзать друг друга, ведь обиды давно нет?» Но нарвался лишь на гневную отповедь и на запрет – захочет, сам приедет, не маленький, поймет, что союзу такие торжества выгодны. А нет – так пусть делает, что хочет! «У меня тоже гордость есть, хоть и варвар поганый, не все ему своей гордостью аристократа кичиться! Не стану ему в ноги падать, не дождется...» Север пил долго, а на празднике все вглядывался в толпу мутными глазами, словно ждал, что карвир из воздуха возникнет. Брена душила бессильная ярость на дурня-брата, который, видно, уверен: Илларию через тысячу с лишним риеров от Трефолы до Гестии должен его мысли и желания вызнать! Младший Астигат все равно написал, сам пригласил протектора на

праздник и лично просил приехать, перечисляя все выгоды от рождения племянника и показательного – хотя бы показательного! – единства карвиров. Он отчего-то знал: стоит брату и протектору встретиться – и неизбежная страсть толкнет их друг к другу. Ведь злость, ревность и обида давно прошли, он видел это и в словах брата, и письмах Иллария. Растаяли под напором тоски. На приглашение Илларий ответил очень быстро, гонец спешил, как видно, подгоняемый приказом пославшего его: «Кто зовет меня на праздник – ты или твой брат-керл?» Брену очень хотелось солгать – подобных искушений в его жизни было немного, но он не посмел и, проклиная себя за трусость, написал правду. Ложь всплыла бы все равно. Протектор не ответил.

Но нить между карвирами и не думала гаснуть, лишь крепла, несмотря на усилия разорвать ее, уничтожить. Очень скоро Брен убедился в этом. Чары мира – не шутки, в них есть свои законы, думал он. Обоим плохо – и магия, древняя мудрая магия лишь усиливается, спасая неразумных хозяев... Стоит порвать нить, и они погибнут. Младший Астигат видел призрак гибели в мертвых глазах брата, в обреченности, с которой тот, так и не дождавшись приезда любимого, единственного на свете, вновь пошел в спальню жены... и вновь говорил, что ни один мужик в этом мире ему не нужен, ну, хоть так – все польза. Читал о гибели в письмах Иллария, словно написанных кровью и болью – а упрямцы не желали сдаваться. Гордыня родилась раньше обоих, и каждый не желал сделать первый шаг, показать – я не могу без тебя, вернись! А нить звала их друг к другу. Однажды утром Райн рассказал другу о срочном отъезде керла – на бывшую речную границу с большим отрядом. Якобы Север ночью поднял людей и сказал: «Моему карвиру нужна помощь, мы едем». Брат вернулся через полмесяца и ничего не стал объяснять, но слухи были самыми разными. Кто-то говорил о попытке переворота, кто-то – о покушении на Иллария. Ясно было одно: союзники так и не встретились, а с Илларием все хорошо. Ну, насколько может быть хорошо сходящему с ума человеку – потому что последние письма протектора напоминали бред. Иногда он словно бы спохватывался и писал по-прежнему – сухо и по делу, но в основном соглашался с любыми предложениями Брена. Тому даже хотелось однажды написать нечто совершенно несуразное – и, если протектор согласится, бросить все, поехать в Гестию и притащить Иллария в Трефолу, пусть даже связанным. Он бы так и сделал, Вечный Лес тому свидетель, не будь настолько слаб...

Время второй беременности Ари было ужасным. Нет, сама керла сидела смирно, с удовольствием слушая сказителей, навещая жен и дочерей хоноров и командиров легионов, но Севера точно подменили. Он перестал приходить и к брату, и к детям, Брен подозревал, что керл постоянно пьет, но все оказалось еще хуже. Закончив с огромным количеством дел, Север запирался в спальне и часами сидел, уставившись в мраморную стену, точно разглядывая на ней нечто, недоступное другим. Не выдержав однажды, младший Астигат заорал, грохнул об пол глиняный поднос, даже зная, что за эту вспышку придется расплатиться днями в постели. Но брат поднял на него пустые глаза, и Брен оторопел от ужаса. Как он не замечал этого раньше?! Увидь он брата в первый раз, решил бы, что перед ним раф-пустышка! Не было больше привычной жаркой силы, пылавшей, словно солнце – будто не было никогда! Он не мог понять, в чем причина, но факт оставался фактом – илгу даже не пытался пить ни его, ни кого-то другого, просто ждал смерти. Отчего это случилось? Нить – ну конечно! Связь обрядовых любовников способна выпить подобным образом, а Север не желал сопротивляться, и Илларий, видно, не боролся тоже. Глупцы! Глупцы, убивающие себя... Он не мог найти нужных слов, не мог даже сделать хоть что-то. Как заставить брата пить? К счастью, Север очнулся сам – еще до рождения Стефана, младшего сына керла, началась Вторая Трезенская. Так в шутку называли столкновение с племенем людоедов, уставших от неурожая и голода и вновь поперших на земли келлитов. Керл сам хотел поехать на границу, хотя трезенам не удалось собрать большого войска, но тут пришла новая весть – на этот раз из имперской

провинции Кадмия, и с легионами ушел верховный стратег союза Крейдон. Иллариий писал Брену, и тот с радостью вглядывался в летящие косые строки – почти как в прежние времена. Хорошее письмо! А вот вести дурные.

«Огласи мое письмо на Совете хоноров. Уверен, твой брат не воспримет мое требование как угрозу, ведь дела в Кадмии беспокоят и его. А мне нужны войска».

Год от основания Отца городов Риер-Де 879

Десятый год союза Лонги

Вилла Клеза

«Огласи мое письмо на Совете хоноров. Уверен, твой брат не воспримет мое требование как угрозу, ведь дела в Кадмии беспокоят и его. А мне нужны войска».

Брен плотнее запахнулся в плащ – все равно Райна нет, а один он в дом не пойдет! – и усмехнулся, припомнив те события. Претор Кадмии спас карвиров, спас дурным решением повторить то, что сошло несколько лет назад с рук протектору Илларию Касту. Имперский аристократ объявил себя единоличным правителем провинции Кадмия, вот только он не был племянником императора, не носил на запястье двадцать четыре завитка и не водил «дружбу» с Данетом Ристаном. А самое главное, как смеялся Север, не озаботился подумать, что легионеры не воюют на голодный желудок! Солдатам нужна хорошая еда, отменное оружие, доступные задницы и лона, а еще – вожди-победители. Это истина, забывать о коей не следует. Претор Кадмии решил, что его легионеры, годами не получавшие жалованья от императора, вообще думать забыли о деньгах и станут воевать за него бесплатно. Как только он объявил себя единовластным хозяином провинции, командиры легионов сговорились и убили его. Размазав кишки претора по мрамору его покоев, командиры взялись резать друг дружку, а осиротевшие солдаты долго грабили Кадмию и тамошних жителей, включая и имперцев, после чего рванули в соседние провинции. «Легионеры хотят жрать и пить, их право, но не в Лонге», – писал Иллариий. Протектор не желал, чтобы кадмийские мародеры наводнили Предречную, и потому потребовал вывести из Заречной три легиона – любых, по выбору Севера. Он сам готов поехать воевать с трезенами, но пусть граница с Кадмией будет надежно прикрыта.

Совет хоноров не спорил с протектором, но стойко отстаивал мнение, что самым карвирам совершенно незачем воевать ни с трезенами, ни с кадмийскими оборванцами – на то есть Крейдон и командиры легионов союза. «Наша армия – сегодня лучшая, – твердили хоноры, – мы ее кормим». У Севера с утра вновь прихватило сердце. Такое теперь случалось все чаще, но брат отмахивался. А теперь, видно, разболелось всерьез, потому что перед Советом он пробормотал с тоской: «Только б на нем не сказалось... и так из него тяну». – «Он из тебя тоже тянет», – буркнул в ответ Брен. «Пусть, – ответил шепотом брат, – пусть тянет, ему нужны силы, это же... это же Лар...» Брен хотел вновь настаивать, но Север оборвал его: «Ему хорошо одному, скоро уже привыкнем... наверное». Скоро?! Почти три года прошло, как поругались, и вам не стало лучше! Только хуже, когда ж вы поймете?!

Время причудливо тасует вероятности, думал Брен, водя по строчкам пергамента пальцем. В «Сентенциях» сказано: «Не загадывай, о путник, бредущий по дорогам бытия. Быть может, упав в яму с нечистотами, ты найдешь в ней золото?»

Крейдон ушел воевать с трезенами, три легиона союза – в Предречную, а братья остались в Трефоле. Илларию исправно писал о том, как ведут себя кадмийские оборванцы и посланная на утихомиривание Кадмии армия стратега Друза. Север метался между столицей и рекой Лонга, и Брен знал: больше всего на свете брату хочется воевать, задавить тоску бойней... но пока все было спокойно, и непосредственно Лонге опасность не грозила. Стефан родился в начале весны – шел шестой год от заключения союза Дара, а карвиры сходили с ума по обе стороны Большой реки. Но союз жил.

В то утро Брену показалось, что он свалился даже не в выгребную яму, а на самое дно отчаянья. Он едва встал с постели, с помощью Райна привел себя в порядок, написал письма Данету и остерийским скупщикам и вышел в галерею. Ему хотелось повидать племянников. Смотреть на брата больше не хватало сил, а дети всегда радуют. Странно, отчего-то Лисса и Стефан всегда были его любимцами, а вот Брендон-младший... Илларию тоже выделял младшего сына карвира. Позже протектор объяснял предпочтение тем, что вокруг Рена – наследника керла и вероятного наследника обоих карвиров – все прыгали и кудхтали, пока тот еще был в утробе матери... оттого младшему сыну вождя лонгов, вечно жившему в тени старших братьев, и нелюбимому сыну аристократа Марка Каста дороже Стефан – будущий воин и полководец. Стеф никогда не получит венец, и это к лучшему – быть может, он станет счастливым человеком.

Брен вошел в покои детей, радуясь, что Ари живет в своем Доме керлы. Рабынь и нянек на месте не оказалось – ну да, правильно, сегодня же смотр! Девушки все на галерее – разглядывают воинов, и Север тоже там... Стефан лежал в своей колыбельке – маленькое чудо со светлым пушком на голове, с яркими глазами, его племянник. Каждый раз видеть детей было счастьем. Пусть он сам калека, пусть любимые люди исковеркали себе жизнь, но дети – вот смысл, подлинный смысл! Когда он смотрел на одинаковые золотые макушки, забывалось и отступало все. Ради них стоило ползти по лесу, давить в себе нить, разрыв которой убил Флорена, стоило принести карвирам оружие и стать «погибелью» – дети растут в ином мире. Ка-Инсаар справляют исправно, и уже давно в Лонге не было особо кровавых нападений Инсаар... кажется, напали трижды за пять лет – в Предречной.

Ребенок плакал – наверное, хотел есть, а кормилицы рядом нет. Плакал, и все существо аммо, рожденного питать мир и все живое своей силой, потянулось отдать, утешить, утолить обиду и боль... Брен взял ребенка на руки – Стефан сам аммо... ну да, просто у такого маленького это еще плохо заметно. Прижал ребенка покрепче и забылся, а нельзя было! Тебе нечего отдавать, ты калека, Брендон Астигат-старший! Жалкие крохи силы, поддерживавшие его на ногах, перешли к ребенку, а сам Брен поздно понял, что натворил – комната плыла и качалась, все кружилось в мареве слабости. Дурак! Не тебе поить даже самых любимых... Колыбелька прямо перед глазами... дотянуться и... он успел положить ребенка, не рухнуть вместе с ним. Успел! И тьма бессилия вступила в свои права.

Выгребная яма? Куда там! Он вновь чувствовал себя предателем, когда просил брата прийти к нему, когда просил позволить ему уехать – куда угодно. В становище, где последние годы жила мать, в становище покойного йо-карвира Севера – лигидийца Алерея, хоть за реку Веллга, но уехать, иначе у керла вскоре вовсе не будет брата. Силы закончились полностью, и пришла пора решать: либо он уедет и попробует выжить, либо останется и умрет. И больше ничем не поможет ни брату, ни его детям, ни его карвиру. Север принял его просьбу спокойно, но отчего показалось, что он добил брата своей трусостью? Как пояснить – я хочу жить, а в Трефоле не живу, лишь теряю с трудом накопленные крохи? Он начал говорить, а керл улыбался и кивал: «Конечно, мелкий, езжай! Только зачем в шатры? Я тебе один дом подарю... в деревне Клеза, там еще наш

дед жил, а отец построил неплохой сруб, я как-то видел. Хороший деревянный дом, поезжай. Будет тебе и охрана, и дарственная – все сейчас сделаю». Брат наклонился, коснувшись холодной рукой его лица, и вышел. «Так ему и надо, – прошипел тогда Райн. – Хорошо, хоть не жрет тебя больше, а то...» – «Не говори так, – возмутился Брен, – брату худо...» – «Не хуже, чем тебе, а мы уедем», – радовался друг... как же это было давно. И вот она – вилла Клеза. Все так же стоит большой сруб, разве что удобств прибавилось. И так же шумит за порогом Вечный Лес. Брен написал Илларию уже после приезда на «виллу»:

«У меня душа не на месте, Илларий. Но можешь считать, что я просто отступил, на время. Не ты ли говорил мне: иной раз стратег оставляет рубежи, чтобы выиграть после».

Год от основания Отца городов Риер-Де 874 Шестой год союза Лонги

Трефола

«У меня душа не на месте, Илларий. Но можешь считать, что я просто отступил, на время. Не ты ли говорил мне: иной раз стратег оставляет рубежи, чтобы выиграть после».

Брен еще и убивался – да как же это, он брата одного бросает! Оставляет с нерешенными делами, с больным сердцем... все равно что вновь предаст! Ну да, конечно! Только позабыл прибавить: с дурными мозгами, проклятым упрямством и потомственным скотством. Да-да, совсем один остался, болезный – в собственной столице, где вокруг него хоноры, как блохи, скачут, охрана, где женушка да детки малые... бедолага, словом, наш керл! Десятник Райн Рейгард все никак успокоиться не мог, но Брену лучше такие мысли не высказывать. Тот все твердил: «Я же вижу, еще пара лет – и брата у меня не будет, они же друг друга ссорой до полусмерти замучили, с ума свели... Нельзя его оставлять, но, если я не уеду, лучше прямо сейчас погребальный костер себе устроить». Наконец-то у Брена Астигата голова соображать как следует начала. Понял он: нельзя себя так загонять, ломовых лошадей и то меньше гоняют! Керл и протектор сами натворили бед, им и расхлебывать теперь, а ты о себе думай! Вот пусть Брен что угодно, а Райн станет только о нем заботиться. Давно пора было через седло перекинуть и увезти подальше от Трефолы. Да не простил бы ему друг такого самовольства.

Десятник оглядел коробки, что Брен брал с собой в эту Клезу. Сплошные свитки! Вот отлежится – и пусть читает, а писать ему Райн не даст... только б в себя пришел, ну хоть чуточку! Сейчас брат керла лежал пластом, в Клезу его повезут в повозке – а ведь только двадцать два года парню, Кёль Хисб! Будь они все прокляты – и карвиры дурные, и купцы с магистратами, коих сын стратега своими руками передушил бы, и нелюди... и серокожий любовник Брена, что изуродовал его на ложе. Всех бы их!.. На куски, в мелкую крошку... всех, кроме детей. Лисса, Рен и Стеф давали Брену только радость, но и ту отняла болезнь. Райн только губу до крови прикусил, когда услышал, как Брен перед братом оправдывается, что чуть его сына не угробил: «Прости, я, правда, захмурышка, верно керла Ари говорит, не надо мне было Стефа на руки брать...» Керлу Ари первой бы и задавить! Тупая келлитка, истинно – баба деревенская, как и родичи ее. Ари только так пользу от мужика понимала: чтобы, точно ее братец Естигий и муженек Север, башкой своды подпирали да голыми руками убить могли. А что Брен стоит сотни таких, дура не думала. Только потому, что младший брат керла трудится больше раба любого, себя не

жалея, Север Астигат на своем троне и сидит, а вместе с ним и красotka расписная – Ари. Еще с Первой Трезенской в Райне кипела бессильная ненависть – ко всем сразу. Люди жрали жизнь того, кто был ему дороже всех благ земных, самого воздуха дороже. Им всем что? Мало кто понимал, даже воевавшие с нелюдями, как дорого достаются Брену крохи силы, как легко он их теряет – здоровому не уразуметь. Райн много об этом думал, но ни с кем не делился. Хотел было с Илларием, но протектор так себя повел, что, и не сбеги он из Трефолы, десятник никогда б больше с ним добровольно не заговорил.

В ту первую зиму в Трефоле Райн надеялся, что друг на ноги встанет, окрепнет, силы начнут прибавляться. Но куда там! Он не мог забыть тех заледеневших от вражды и голода дней, когда город погибал быстрее, чем от остерийского огня. Справедливости ради сказать стоит, что карвиры для предотвращения голода сделали все возможное, но этого мало! И никто не мог предположить, как обернется дело, что война с трезенами затянется так надолго. Отец потом выговаривал: ты, дескать, в безопасности сидел, а мы воевали. Они тогда с родителем поругались, чуть не полгода не разговаривали. В безопасности?! Нужна была бы ваша победа, если б в столице Заречной трупы выше стен лежали? Брена за ту зиму раз десять чуть не прикончили. Райн потом вызнал и с мстительной радостью донес Северу и Илларию, что купцы, коих брат керла заставил цены снизить, попробовав того в открытую придавить, да обломавшись, в сговор вступили. Мол, младший братец вождя, предатель известный, со сдвинутым после плена у нелюдей умом, правителей подбивает на непотребное. Ишь ты, цены ограничивать! Купцов пытали и казнили по-тихому, а Брен так об этом и не узнал ничего, не то еще заступаться бы полез. А карвиры на купцов взбеленились страшно. Хвала им, конечно, за справедливость, но лучше б они загодя думали, да кто мог представить... Но до сих пор, стоило только вспомнить – и ледяная дрожь рождалась в теле. Вьюга в галерее, холод как в первом покое Стана мертвых, купцы точно волки оскалившиеся, и Брен – тонкий, белокурый, лицо белое. И такой храбрый, такой сильный. Глаза темные, иней на густых черных ресницах... все Астигаты красивы, но Брен краше и лучше всех! Не жаль за него не то что купчишек – и себя загубить, предателем стать, на любую мерзость пойти.

А как он на мечи легионеров лез? Райн тогда оглянуться не успел, как друг вырвал руку и ринулся в толпу – между жителями, напирющими на ровный строй, и солдатами, которые только приказа ждали. Безумец! Хватал за шубы командиров, отталкивал легионеров, а те лишь пятились назад да ругались. Однако не закололи там его не только потому, что кары союзников боялись, – просто умел младший Астигат заставить себя слышать и слушать. Давно уж всем ясно: оттого так ценят его карвиры, оттого у него получается все, за что берется – а ведь в чем душа держится! – что не о себе Брен радеет! О деле. Он считал себя всем должным до погребального костра, и больше всего – мертвым. Тем, кого загубил за две войны – он, «погибель»! И мертвые никак не желали от него отцепиться – приходили в кошмарах, тянули за собой. Друг просыпался с криком, со стоном, и перехватывало дыхание – до звона в ушах, до слез и корчей хотелось обнять, утешить, но нельзя! Брен не терпел, когда Райн его касался, вообще от прикосновений сжимался весь, передергивался. Лишь к брату и Илларию тянулся, и еще за это Райн их временами ненавидел. Смешно, конечно... какое там «ненавидел»? Не будь карвиров, Брену вообще не выдержать, он же ради них и жил, и трудился, не покладая рук. И лишь потом, через годы вкус к жизни начал появляться, тот, коего нелюди его лишили. Брен стал улыбаться не только, когда союзники приходили к нему, но и просто так. Своим свиткам, мыслям, солнечному дню, весеннему дождю, детям...

Никогда не забыть Райну, как он целые стратегии разрабатывал, чтоб Брена улыбнуться заставить, как больше смерти боялся – будет снова так, как в крепости Тиад. Тяжелый пустой взгляд из-под белобрысой челки, немой вопрос: кто ты такой? Что тебе

нужно от меня? Не дать другу замкнуться в своей боли, в безумном одиночестве и слабости тела. Отчаянье для Брена равносильно смерти. Стоит ему руки опустить, сказать себе: все бессмысленно, – и измученное болезнью тело и разум, не забывший ужас плена, утянут в небытие... О, карвиры это тоже понимали! Как Райн восхищался Илларием за то, что тот придумал нагружать брата любовника, давать ему такие сложные поручения! Как был Северу благодарен, потому как тот не возражал, лишь ворчал потихоньку. И как потом за то же самое возненавидел. Дел у Брена оказалось слишком много, он тянул воз, что и здоровому не под силу, а карвиры принимали это как должное. А благодаря кому они и думать забыли о купцах, мостах, налогах, нищих? То-то же! Нет, они были благодарны, и видел Райн: друга они ценят – но на кой нужна благодарность на словах? Лучше б не ссорились да не жрали Брена так, илгу проклятушие!

Не будь их ссоры страшной, может, друг бы сейчас не валялся полумертвым, уже б выздоровел. Кёль Хисб! Райн увезет худышку своего родного далеко-далеко, туда, где нет ни керлов, ни хоноров, ни купцов... только лес и они двое. Впервые вдвоем побудут. Мечтай-мечтай, дурак. Давно пора мечты зарыть, и ведь пытался. Смешно-то как! Однажды не выдержал – и вспоминать-то стыдно. С самого начала ведь знал: так и будет, не получить тебе любовь свою – никогда. Радуйся, что рядом быть позволили, видеть каждый день, плеча коснуться, плащ поправляя, под локоть поддержать. Но карвиры с войны вернулись, и ожила надежда – вот сейчас все хорошо пойдет. И Брену полегче стало, он улыбался, с удовольствием работал, даже шутить начал – раньше такого не было. Десятник Рейгард губу-то и раскатал. Мягкий свет ласкал почти обнаженные плечи Брена – только тонкая туника на друге, лето за окном, – голые стройные колени, он в покаях штанов не надевал, по-имперски, видишь ты, удобней... Друг писал – быстро, уверенно, отвечал остеру этому, Ристану, и Райн забылся. Брат керла никогда не знал, к счастью, какое бешеное желание он вызывает в своем охраннике, смешно... и так горько. Подхватить на руки, закружить по комнате, опустить на ложе и увидеть, как потянется к тебе нагое тело, как выгнется под ласками... как он зажмурит серые глаза, прикроет ресницами, и исчезнет из них выражение сосредоточенной мягкой грусти – отстраненной, точно не от мира... Брен писал, а Райн тонул в жарком стыдном мареве, и ладонь потянулась погладить. Он помнил, как стиснул руки на коленях, потом для верности завел за спину, а друг неожиданно обернулся:

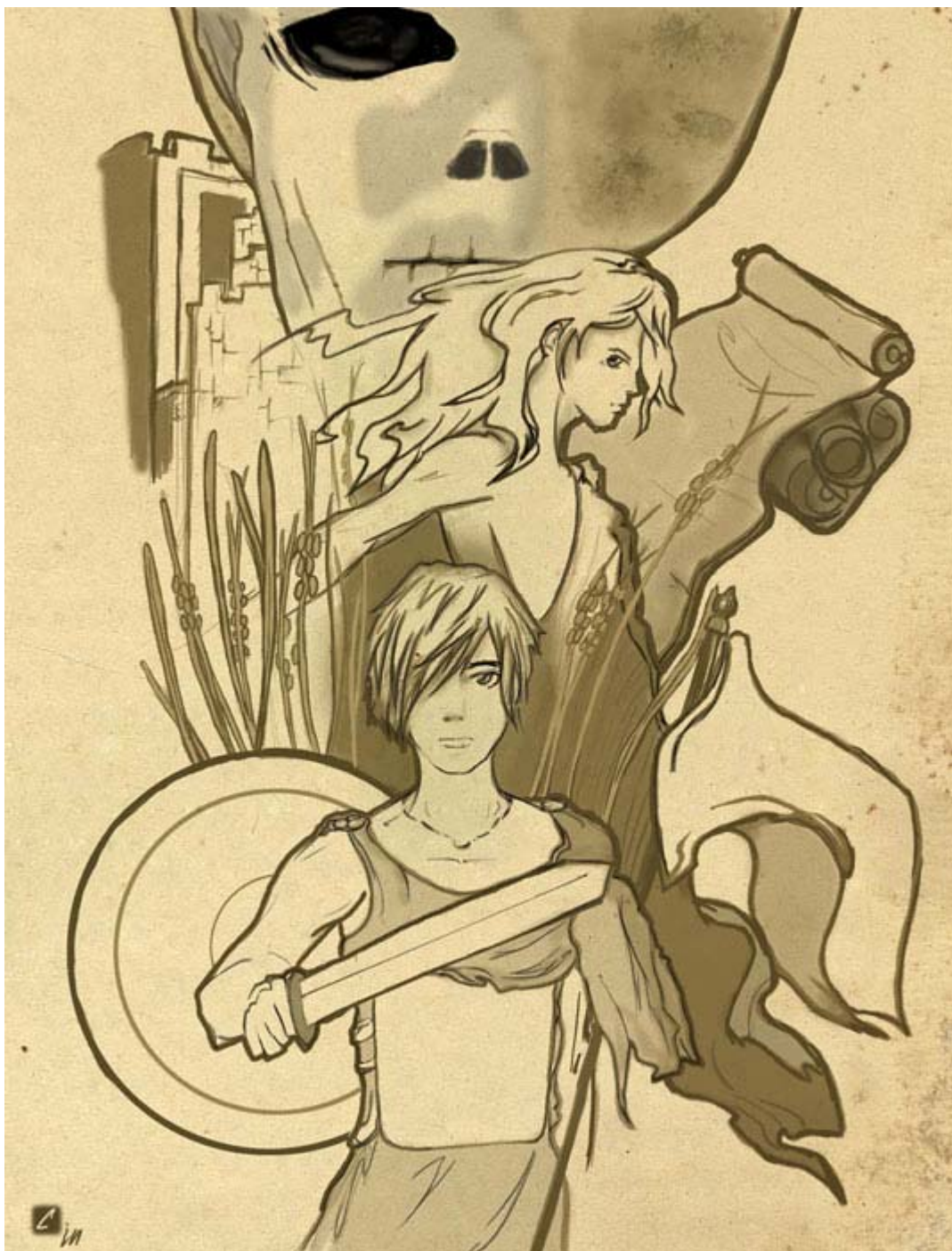
– Знаешь, с Данетом так интересно разговаривать! Ну, то есть писать ему. Он совсем не так плох, как думают Север с Илларием... Ты что, Райн?

Что?! Он еще спрашивал! Да-да, вот так тебе. Таскайся хвостом еще десять лет и однажды увидишь Брена с Данетом или еще с кем-нибудь таким же – признанным красавцем. Образованным, знатным, влиятельным – вроде Иллария Каста. Разве не думал сам, разве Греф-покойник не говорил тебе: «Астигат-младший – не для кого из лонгов»? И уж точно не для тебя, сын дружинника! Папаша твой до сих пор рот рукавом вытирает, хотя в городском доме хонора Рейгарда от золота подвалы ломятся. Да не только в богатстве и землях счастье. Не достоин ты полы туники коснуться у любви своей. Потому и отдался Брен Инсаар Быстроразящему, сам себя отдал, свою девственность, тело свое... не насиловал его нелюдь. Ну да, а кто ты против божества? Не получить – никогда, хоть подохни у ног... Райн не помнил, как сдержался, как говорил тогда с другом и о чем говорил. Помнил лишь деревянный, весь в пятнах от вина стол тарбы⁸ в военном лагере – друг заснул, а десятник сбежал, к отцу якобы. И напился насмерть, до бараньего визга, а потом брел, шатаясь по улицам Трефолы, мечтая, чтоб какая-нибудь мразь имперская навстречу попалась – убить, просто так убить. Вот хоть тот давний Ка-Инсаар припомнить

⁸ Тарба – питейное заведение, где по предъявлению бляхи легионера вино и танам продавали по сниженным ценам.

и удавить, и магия его прикончит. А на следующий вечер Райн пошел к правнучке Иванны, жалея, что сама знаменитая знахарка далеко, в становище своем. Жена Цесара Риера многие прабабкины секреты ведала, и попросил у нее десятник, мучительно выдирая из себя слова: «Дай мне, хонора, зелье... ну, такое, чтоб человека разлюбить! Да, мужчину. Да, – вот ведь ведьма настырная! – давно люблю я его, с детских лет, и не получу никогда, а сил моих нету...» Ани Риер дала ему какую-то травку, велела пить постоянно и чаще обряды справлять – легче станет. Но легче так и не стало, а уж как Райн старался. И обряды справлял, и к гулящим бабам ходил, и любовника завел – из Пятого легиона. А все едино – и желал, и ревновал, и бесился лишь из-за брата керла. И мечтал, от жаркой муки задыхаясь, разлюбить. Стыд какой... как посмел думать так?! Вроде предательства, Брен-то не виноват ни в чем, нужен ты ему, он же пропадет один, о себе заботиться не умеет – совсем, все о других. И принуждал Райн себя думать: если очнется друг да полюбит кого – ну, хоть аристократа какого-нибудь из подданных протектора, – то станет десятник Рейгард радоваться.

Да понимал он Севера Астигата, бешенство его ревнивое, и протектора тоже понимал, а вот простить – не мог. Они Брена еще хуже покалечили!.. Отчего он сам – а ведь моложе! – смог смириться с недостижимостью мечты, просто рядом быть, а карвиры друг дружке измену не простили? Да Райн бы от счастья на месте умер, взгляни Брен на него хоть бы раз так, как они друг на друга смотрели – даже когда расставались. Ну, ничего, на рассвете они с другом уедут из столицы и долго не вернутся. Может быть, хоть без толчеи беспрестанной Брен в себя придет, а уж Райн из кожи вон вылезет... как всегда. Он понял болезнь друга, когда стал со своим телом, с силой собственной опыты проводить. Они же оба аммо, верно? Только если верить тому Инсаар, что годы назад в Лесном Стане примирения и восстановления обрядов добился, и другому Неутомимому, с пушком смешным на голове, что с Бреном долго говорил, притом словами, друг – очень, невероятно сильный аммо. Такие редко рождаются. Это вроде как тяжелый боевой лук и охотничий – первый стреляет дальше и мощнее, а второй только на птиц годится, но все едино лук. Райн научился придерживать в себе силу, чтоб на всяких скотов не расходовать, Брену отдавать – тот же не единожды на руках друга умирал. Научишься тут – не только стену ставить, а и с голым задом на площади прыгать, как уличные мимы прыгают... стоит поглядеть только на белое запрокинутое лицо, на губы прикушенные, на то, как Брен с утра встать пытается и не может... а потом лежит и часами смотрит в окно. И даже не заплачет... и на то сил нет. Ставишь стену внутри себя, приказывая силе: мое, не отдам! Ему только! Ставишь – и подчиняется сила. А у Брена такая стена давно стоит и не дает ему ни брать много, ни отдавать. Да еще пьют его постоянно, только чуть накопится – тут же прется купец какой-нибудь с жалобой. Брен его слушает, жалеет, и крохи силы – купцу. А уж проклятушие илгу – карвиры, так и вовсе. Райну казалось, что Иллариий исхитряется на расстоянии брата керла пить. Это, положим, неправда, но пока протектор ругался с любовником, он едва не до смерти Брена сожрал... они ж не видят, пьющие, чего окружающим их гнев и боль стоят. Воображают, что выпить можно лишь сознательно, а не так оно. В Клезе друг поправится, ведь те нелюди говорили: сила вернется. Зачем им было врать, выгоды в том никакой. Вот насчет насильственного отъема силы Абилец и наврать мог, но на прямой вопрос Севера, будут ли нелюди пить лонгов и имперцев с Предречной, Инсаар прямо и ответил: будут, коли люди с обрядами стараться не станут. Первые год-два и впрямь старались – так война да мор с наводнением всех напугали. А после вновь, как раньше, делать стали – три-пять Ка-Инсаар в году, не больше. Нелюдям было мало, временами они насильничали... этого Брен тоже не знал, скрывали от него. Он многого не знал, его любимый... потому что чище сердцем человека не сыскать, и все, даже дурни карвиры, о том помнили, пачкать его не желая.

Стоило переспросить Севера: точно ли в деревне Клеза, от столицы вдалеке, Брену не грозит беда от Инсаар? Вроде б нет, ведь договорились союзники – их самих и брата керла никогда не тронут, – да боязно... Только лишний раз с керлом говорить не хотелось. Но Север сам позвал его перед отъездом – последние указания дать, так что изволь идти. Райн осторожно приоткрыл полог над постелью, посмотрел – Брен спокойно спал, уфф... Кёль Хисб, как же страшно оставлять одного! Раз оставил, а друг к Илларию поехал, и корчи были... думали, не спасут. Гады ж, как есть гады карвиры!

Север Астигат, владыка Лонги Заречной, одной ногой Остериум попирающий, а другой – земли трезенов... или как там поет уличный сказитель?... керл, словом, сидел в кресле, а серебряный венец на столе мраморном, в луже вина валялся. Меч, правда, на

месте, рядом с небольшим щитом – на стенке, над головой хозяина. Райн, когда Брен над братом причитал, утешал друга: ты ни на что другое не гляди – гляди, как с оружием керл обращается! Вот пока у него разума и воли хватает меч держать, как должно воину, нечего дрова для костра погребального собирать. А вот как начнет на пол швырять, тогда все... Меч был на месте, но сам Север... видно, никогда больше не станет жесткий рот улыбаться озорно, по-мальчишески. Сын Крейдона еще помнил ту улыбку. И открытый смех, и шутки, и силу, что была в керле, а теперь почти исчезла. Но зато, нечего сказать, воронка на месте! Крутится, окающая, злобу питает. Бессильную злобу! Как еще у себялюбивого дурня хватило воли отпустить брата? Вот так, с улыбкой ласковой, деревню подарить? Райн отлично понимал: керлу будет тошно без Брена, ой как тошно.

– Входи, Рейгард, – ясно, чего керл бесится, эх... когда союзники ругались, от Севера Райн ничего другого и не ждал. Он знал правителя еще в те поры, когда тот был простым дружинником, а потом приезжал в отпуск из своей квестуры. Так после его отъезда в племени еще полгода байки рассказывали – кого старший сын Великого избил, кого обидел смертно, а кого и вовсе прибил... Тяжкий нрав – да он у всех Астигатов тяжкий, только по-разному. А вот протектор... увидев «процеду» Эйрика, десятник предвкушал, как Холодное Сердце сейчас смерит взглядом обоих, и болван, охотно купившийся на посулы керла и зад ему подставивший, растает в воздухе, а любовник Иллария устыдится, поймет – свинство то, что он затеял. Райн, как дурак, верил: Холодное Сердце не такой человек, как прочие, и умеет буйство безумное любимого умирять, недаром же они сошлись. Но Илларий Каст повел себя еще хуже Севера Астигата! Попросту немыслимо! Десятника жег стыд за имперца, а тому стыдно не было... Илларий при виде Эйрика схватился за меч, и крутанулась воронка – так страшно, что всем в комнате подурнело. Протектор готов был убить из ревности, чудом не убил, а после вылетел за дверь, саданув со всей силы... Вот же дурак, а еще образованный! Неужто в трактатах своих не прочитал, как вести себя достойно? Сел бы на лежанку, попросил вина, будто не происходит ничего... да Север в миг «процеду» бы бросил, в ногах валялся бы... может быть. А если нет, то хотя б лицо Илларий сохранил.

– Рейгард, – мягок, обманчиво мягок голос, да знал сын Крейдона змеиное жало раздвоенное, – скажи-ка мне, для чего тебя к моему брату приставили?

– Беречь и охранять, керл! – так положено десятнику говорить с правителем, но будь его воля, Райн по-другому бы говорил! Чего хочет змея, которой три года назад хвост прищемили, а яд кровь отравил?

– Да что ты? – Север вдруг бросил вертеть в пальцах рукоять тонкого кинжала и откинулся на спинку кресла. – А не ты ли Брена подбивал уехать из Трефолы? В уши, должно, капал – на меня да на жену мою... Думаешь, никто хитростей твоих не видит, а? Весь в отца пошел, в любое добро вцепишься и к себе зубами тянешь, волчара жадный...

Чего?! Серые глаза керла были сейчас черными, и в них вертелась воронка, и Райну подумалось: не будь Север слаб, у него б уже ноги подкосились. Много ли аммо надо?

– Мне брат здесь нужен, понял?! – рявкнул керл и выпрямился. – Не тебе, дурак, хапать, ото всех прятать. Он поедет, конечно, но если не вернетесь вскоре, то твоя башка первая с плеч полетит. Насквозь вас, Рейгардов, вижу. С папашей твоим нахлебался...

– Керл! – Райн подошел ближе, ни кинжала, ни воронки не боясь. – Не пойму я тебя, о чем это ты толкуешь? Разве я подбивал Брена?.. Неужели ты не видел, как плохо ему?

– Дураком-то не прикидывайся, – злой, обидный смешок. – Что худо брату – сам вижу, потому и отпустил. А толкую о том, что себе, лишь себе ты его хочешь, оттого и подбил. Но тебе самому ум прочищать нужно, по-дурному ты все делаешь, Рейгард.

Север захохотал, и Райн понял: керл пьян. Не от вина, хотя выпил, видно, много. От боли пьян, от тоски.

– Давай так, – керл уставился куда-то в стену, потом отбросил прядь волос с лица. Змеюка подняла голову и приготовилась жалить, ясно! – Чтоб твоя жадность даром не пропадала, вот что сделай: завали его и отымей как следует, понял? Только этого еще не пробовали, чтоб братишку исцелить. На ложе я тебя видал, обрядов много вместе прошли – справишься.

Райн решил – ослышался, ну как есть! Не может Север так говорить... скотина! Про родного брата же речь ведет... да как же так?!

– Чего уставился? Не мальчишка ты, так? – Астигат не улыбнулся – оскалился. – Мужик уж взрослый давно. Стенку из нутра Брена нужно вышибить, защиту, что он от нелюдей ставил, понял? Иначе никогда ему не оправиться, остальное все уже перепробовали. А мне он нужен. Ум его Заречной требуется и сила! Так что просто поласкай его, а отбиваться станет – силой возьми. Хуже чем есть, не будет. А то ты над ним причитаешь, точно он сам – над Лиссой. Покажи, что мужик... он, как семя и страсть почует, потом благодарен тебе будет, да и я в долгу не останусь. Вы, Рейгарды, до наград падкие.

– Блядь! Ах ты ж сука такая! – Райн заорал, себя не помня. Подскочил, кулак в ненавистного нацелил, но Север – все ж воин он много опытнее! – локоть успел подставить, и удар пришелся вскользь, по подбородку. Иначе остаться бы керлу без зубов.

В следующий миг оба стояли посреди комнаты – как Севера с кресла сдуло, Райн не приметил. Еще мгновение казалось, что сейчас просто сцепятся, и, пока охрана не прибежит, будут драться. А потом десятника Рейгарда казнят. Но до того он успеет хоть что-то гадине сделать, хоть как-то отплатить – за муки Брена, за стыд от мерзких, жестоких слов...

– Скотина ты проклятая, – прохрипел он, – что ж ты несешь, а?! Про Брена... и вот так?! Да ты...

И задохнулся. Примерился, куда б ударить половчей, но Север вдруг моргнул несколько раз и отступил дальше. Провел по лицу ладонью, протянул:

– Рейгард, ты это чего? Кто тебя покусал-то так? Совсем сдурел от воздержания?

– Сам ты от воздержания сдурел! Все знают: не стоит у тебя ни на кого! Только на жену свою, потому как вы из одного теста слеплены! – Райн понял, что опять орет, но ему невыносимо хотелось сделать Северу больно. А еще лучше, чтоб и Иллариус здесь был – обоим сразу показать, наказать их... Посмотрели б они, чего с Бреном утворили! Как не видели, гады облезлые!

– Что, скажешь, не прав я? Ты ж, как клещ, в братца моего вцепился, ходишь кругами, да надкусить не можешь! В кулак по ночам гоняешь, да? – Север все же куда

лучше него дерется... ох страшно керл дерется, когда в ударе! Отчего он еще не пришиб-то десятника наглого?!

– Лучше в кулак гонять, чем сделать, как ты сказал! Только враг такое прикажет, понимаешь, керл?! Враг! Ты брату смерти желаешь? Он же насилия не выдержит, неужто не видишь, как ему плохо, если коснуться даже? Говорю же, скотство ты посоветовал! И как язык повернулся?

– Как повернулся? Думал бы головой, сам давно бы так сделал! Все пробовали, кроме любви да ложа... Болван! Завали его и сломай стену! Приказываю тебе, ясно? А я в долгу не останусь...

– Да заткнись ты! – еще и награду сулит! Да как только Север посмел подумать даже, будто Райн за деньги? Ну да, папаша за прибыль что угодно сотворит, но раз Астигат десятнику брата доверил, Райн и вообразил, будто... керла, конечно, жизнь не щадила. Два брата-предателя, да хонорами правил, да с имперцами и остерами разбирался – не мед хлебал. Только жизнь никого не щадила, а тварями не все стали. – Не стоит по себе людей судить, мудрый керл лонгов! Тебя завалить да в зад вогнать – ты, видно, «спасибо» и скажешь. А Брен, он...

– И скажу, – прошипел Север. – Чиниться не стану, скажу, коль отымеют хорошо. И ты тоже скажешь, Райн! Видал я, как ты на первом своем обряде под дружинником – как там его? – стонал да подмахивал. Что, не так? Чего ж Брену в радости отказываешь? Ему ж двадцати двух нет, а ты молодой, горячий... и хочешь его – знаю! А будешь с ним, как с девкой на выданье, так и его загубишь, и себя...

Север устало сел в кресло. Вновь потер рукой лицо. Глаза керла были пустыми и мрачными, и еще заметил Райн – морщинки у губ. Почему, ну вот отчего так? Больше всего на свете сын верховного стратега хотел уважать и преклоняться перед союзниками по-прежнему, как когда они нелюдей раздавили, отомстив за Брена. Но не мог больше. И измученный, загнанный в угол человек в кресле, произнесший такие слова жестокие, был ему чужим. Но Брен умрет за своего брата... а тот... вот же тварь!

– Повторю: не суди обо всех по себе. Я скажу «спасибо», если меня повалят и на плоть натянут и мне понравится, и ты скажешь, и они скажут, – Райн махнул рукой в сторону двери, где была стража, – а Брен не таков. Он...

Райн представил себе спящего друга... тонкое лицо на белом шелке простыней, рука поверх покрывала, а на пальцах мозоли от стилоса – и слезы закипели. Сам не стану «заваливать» и никому не позволю, пусть себе Север что угодно болтает. Но, если керлу не внушить, насколько опасен такой способ... он же может нанять человека, который изнасилует Брена... не дам!

– Ты не умеешь любить, Север Астигат, вот так-то, – слова давались легко, ведь не для себя говорил Райн – для друга. – Ты потерял высший Дар, что дан тебе был. А после на стенки гладкие кидался, пил, как свинья, а так и не понял ничего. Кель Хисб! Заслужил ты все это! Пусто тебе и тошно в твоём дворце, хоть ешь ты на золоте, и народ вслед кланяется, когда по улицам едешь... а душно тебе и сдохнуть хочется. Отчего так? Прикажи убить меня, керл, если не прав я! Ты свою любовь гордыней удавил, а теперь мою давишь? Хватит на брате ездить, понял?! Если очнется он – то добровольно, и только посмей... убью. Хотя что тебе грозить, ты не живешь. Потому что любви не знаешь... и вовек тебе не понять...

Райн с трудом перевел дыхание, отошел к двери и поклонился. Север не смотрел на него, будто не слышал, но лицо у керла было таким страшным, точно душу вынули... а губы шептали что-то. Может, поймет наконец?

– Керл, так что мне? Пойти командиру стражи доложить, что ты меня казнить велишь? – десятник видел, как Север провел рукой по ткани туники расшитой, там, где сердце, и сжал ладонь в кулак. А потом кивнул молча: убирайся, мол, прочь. И Райн вышел.

Сруб и впрямь оказался большим и удобным. В первый же день они назвали этот дом «виллой» – в шутку, конечно. Райн гонял сторожей и легионеров, чтоб дровами запаслись – весна была холодной, а Брен... Вечером по приезду друг поймал пробежавшего мимо его ложа Райна и заставил посидеть с ним – отдохнуть. «Да я не устал, тут же прибраться надо, тебе спать будет плохо», – отговаривался десятник, вглядываясь во встревоженное лицо. В свете жаровни глаза Брена казались веселыми, только друг все за брата переживал... Райн не стал рассказывать о разговоре с керлом, но самому до сих пор было горько. Не диво, что Север раскусил сына стратега, просто после таких слов он еще строже себя с другом держать станет – пальцем не дотронется. Назло керлу, вот так! Но как же тяжело, когда Брен сам руку тянет. Райн осторожно сжал уже перепачканные мастикой пальцы – успел-таки кому-то написать, как ни следи! – и попросил рассказать о Клезе. Брен всегда это умел, еще в детстве всякие истории рассказывал и на братьев обижался, что те слушать не желают. Оно и понятно, Райн и сам, может, не стал бы над мудреным голову ломать, да больно хорошо было с младшим сыном вождя.

Оказывается, деревню Клеза велел заложить дед Брена – Вильдан Астигат, сын знаменитого Райна. Вождь здесь свои последние годы доживал, потому сруб такой хороший, богатый по тем временам. Столько толстенных бревен ушло! Нелегко в жизни деду братьев пришлось, но зато с сыном повезло – еще при жизни отца Брендон все на себя взял. И теперь его внук и правнук родной сестры карвира Инсаар радовались не деревянным стенам, не старым шкурам, что спешно проветривали, а вековому лесу за окном. Прямо к маленькому атриуму тянули лапы огромные ели, а около крыльца росла рябина – осенью ягоды будут, и рябину соберем, и ботаву! Брен вдруг приподнялся немного на ложе, привычно вытер испарину со лба и сказал – неожиданно звонко:

– Райн... я даже не верю – это мой дом! Понимаешь, Север же мне его подарил. Можно тут что угодно делать!

Райн глядел – и сердце таяло. Он любил Брена всяким, но таким – всего более, будто и нет никакой хвори. Так что пусть керл заткнется да на себя посмотрит. Не будь он сам таким развратником, не притащи блядину Эйрика в дом, никуда б его карвир не делся, и все же... все же Райн на месте Иллария простил бы! Разве можно сравнить страх перед изменой со страхом потерять вовсе?

– И что ж мы тут делать будем? – Страсть как хотелось убрать с лица светлую прядку. Брен – в белой тунике, съехавшей с плеча... такой красивый и настолько мой... никому не отдам! Нет, отдам, если полюбит кого – только живет пусть. Вечный Лес, слышишь ты меня? Пусть он очнется, а я все стерплю. – Танам пить, а потом на столах плясать, как мой папаша?

Друг засмеялся, качнул головой. А его, похоже, лихорадит немного, вон глаза как блестят, и скулы краска залила. Не к добру, нужно все окна-двери позакрывать.

– Нет, мы здесь потом гимнасий сделаем! Как ты думаешь?

Брен мечтал вслух о гимнасии для мальчиков, а Райн слушал и поддакивал. Он сомневался, что многие лонги отдадут детей учиться так далеко, но хоноры отдадут, только для знати можно и в Трефоле гимнасий устроить. Друг возражал: он скажет брату, и тот прикажет везти сюда мальчишек со становищ. «Ты еще для девчонок школу у керла выпроси, – спорил Райн. – Керл-то послушает, он для тебя все сделает, но это ж глупость!» – «Нет, не глупость!» Это был их старый спор, брат керла все доказывал на примере племянницы – девочек из лесных племен можно и нужно учить грамоте, как учат имперок! «Не надо сравнивать Лиссу с другими девчонками становищ, им же замуж выходить, детей рожать, для чего им твои буквы, что делать станут?» – «Но в Риер-Де и Остериуме!..» Райн улыбался горячности друга и приводил убойный аргумент: «А Иллорий говорил, что и в империи не все женщины грамотные. А если поразмыслить, то и Лиссе грамота ни к чему – муж-нойр ей, чай, свитки не станет покупать, риров у него нет». Тут Брен и вовсе раскипятился, и десятник сразу же отступил: пусть только не дергается попусту, и так надергался. А ночью Райн в лесу погуляет – от чащобы огромная сила исходит, легко в тело вливается, недаром Инсаар испокон веку в лесу живут! – и утром отдаст все другу. У него самого много.

– Как же хорошо тут... спасибо Северу. И тебе – спасибо, – Брен повернулся на бок, закрыл глаза. Он часто засыпал так, едва ли не на полуслове – слабость одолевала. Райн очень осторожно, чтоб не коснуться ненароком, поправил меховую полость, и друг, будто случайно, подался навстречу руке. Десятник торопливо отдернулся – не хватало еще вечер испортить! – встал и потушил ближнюю лампу.

Брен стал вставать с постели дней через пятнадцать, и Райн спорить был готов: спокойнее и краше, чем эти дни, в его жизни просто не было. Они часами разговаривали по вечерам – обо всем на свете, в Трефоле никогда так не удавалось. Неловко десятнику стало только раз – от вопроса, почему он не привез на «виллу» своего любовника из Пятого легиона. Райн смутился даже – он предпочитал скрывать от брата керла свои отношения с мужчинами. Брену-то все равно, конечно, но вдруг неприятно ему станет, что друг, с кем-то на ложе повалявшись, дотрагивается до него? Сказать-то он ничего не скажет никогда, но зачем его мучить? А оказалось, друг все знает давно! Райн справился с собой и пояснил: имперец Авлий, десятник из Пятого – парень странный. Встречаются они не чаще, чем раз в месяц, обряды вот справляют, а так – живут каждый жизнью своей... «Ты прости, если скажешь – я к нему больше не пойду!» Брен нахмурился строго и спросил: «А не боишься обидеть его?» Десятник не боялся, он бы ничего не побоялся, если Брену нужно, только Авлию и самому это не особо надо. Сын стратега объяснил все это другу, стараясь не смотреть тому в глаза – вдруг выдаст себя? А Брен сказал привычно-обреченно: «Я калека, но другие могут и должны. Ты – Дароприноситель, Райн, помни об обязанности перед миром! Помни, что говорил Инсаар из Абилы». Вот всегда он так, обязанности у него на первом месте! Райн, не выдержав, ляпнул: «Инсаар больше радуются, если обряд мужчина с любимым справляет, разве не знаешь? А с Авлием часто – ну точно в кулак гонять! Да и с другими...» Брен помрачнел, долго думал о чем-то, а потом принялся про нить выспрашивать – ведь Авлий Райну, выходит, обрядовый любовник. Чует ли Райн нить раскаленную? «Нет, если честно, – признался сын Крейдона. – Жрецы учат: нить возникает всегда, но не с каждым она крепнет. Для нее нужна страсть безумная, сила равная, отдача – чтоб каждый рывок одного ответный встречал, тогда чары Инсаар...» – «Чары мира», – быстро поправил Брен. «Ну да, но

привычней о Быстроразящих говорить... словом, не по обязанности делить ложе, не от скуки... ну и сила, опять же. Авлий – раф, сам Райн – слабый аммо, куда им до карвиров или до знаменитого тезки Райна Астигата и любовника его нелюдя». – «Тут ты прав, – согласился брат керла, – одинаковая сила «пьющих» нить крепче снасти корабельной делает. Оттого люди и получают чары нечеловеческие, но расплата за это страшна». О расплате говорить не хотелось, не то Брен вновь расстроится, а ему нельзя – вон только поправляться начал, садиться на ложе, ложку через каждый миг не роняет бессильно.

Утром того дня, как друг впервые за порог вышел, прискакал первый гость из Трефолы. Десятник Рейгард только вздохнул, обреченно глянув на значок купеческой гильдии виноторговцев. Выкинуть бы взащей! Но Брен кинулся к приезжему, точно к родному. Все Астигаты таковы! Можно про род вождей что угодно думать, но дело они делают споро и без работы не сидят. Живут долгом проклятушим, а удача и талант заставляют забывать об ошибках и промахах. Брат керла уселся с гонцом прямо на бревнах во дворе, а Райн за спиной встал: только почует, что плохо другу, гость тут же на корм медведям отправится! Но купец оказался понятливым и, опасливо косясь на сына стратега, жалобу изложил шустро. Остериум повысил пошлину за провоз вина, а за гестийское и вовсе по десять ассов за галлон дерут. Где такое видано? И потому виноторговцы кланяются и просят: пусть роммелет Брендон им в этом деле подсобит, напишет магистратам остеров. «И вот почему купчишки не идут с таким делом к керлу или протектору не напишут?» – кипел Райн про себя. Торгаш, точно мысли его прочитав, с кучей оговорок поведаль: они-де жаловались керлу, уж месяца два назад, но у того все руки не доходят. И протектору писали... «Но, роммелет Брендон, не знаешь разве: надавят карвиры на Остериум, те для вида согласятся, а втихомолку все едино будут драть. А у тебя знакомства с магистратом хорошие, ты ж им приличные налоги на торговлю в Заречной выбил, они тебя ценят... напиши, а?» Брен кивнул, а потом выдал такое, отчего Райн едва улыбку сдержал. Он напишет остерийским магистратам, только пусть гильдия виноторговцев даст деньги на новый мост через Лонгу – у Глубокого брода. Гость перепугался даже: «Да как же это? Мы одни, что ли?! Да мост таких денег стоит – ни у кого, кроме карвиров, столько нет!» – «Не одни, – возразил брат керла. – Другие тоже примут участие». Керл повелел собрать триста тысяч риров – первый взнос на мост, так что долю виноторговцев Брен посчитает и объявит. «Хитер ты, роммелет Брендон», – улыбнулся купец. Он передаст слова брата керла старшинам, но ежели взнос приемлем, то и возражений не будет. А как же с пошлинами остеров?.. «Через месяц ответ вам будет», – кивнул Брен и поднялся. Умница какой, восхитился Райн: и купца обставил, и выпроваживает его сам. Торгаш все понял и пошел на конюшню – коня кормить, а Райн догнал его и предупредил строго, чтоб тот больше к брату керла с делами не лез. На отдыхе роммелет Брендон!

Брен сказал ему в доме: «Устал, лягу. Ты посидишь со мной?» Они вновь сидели и разговаривали – как же хорошо, свободно... Потом друг заснул, а десятник сидел и смотрел на ворох пшеничных прядей на покрывале и думал: какая ж ему хорошая судьба досталась, прочим не чета. Ведь многие вообще без смысла жизнь свою проживают, а у него Брен есть.

А еще через пару дней они в лес выбрались и нашли целую поляну, где ботава росла. Вот досидеть бы в Клезе до осени – наедемся! В Трефолу, оно конечно, ягоды всякие везут, да разве можно сравнить с тем, какая ботава бывает, если ее прямо с куста рвать и в рот горстями?

Гулять они стали ежедневно, забирались все дальше, и вот однажды... Райн строго следил за тем, чтоб Брен не утомлялся, если замечал сбитое дыхание или румянец

слишком яркий – тут же заставлял в дом вернуться, но как-то за разговором проглядел. Забрались они тогда далеко – риеров за семь от «виллы». Уже лето началось, и лес стоял во всей красе. Навстречу им бежал ручей, голосили птицы, сильно пахло свежей хвоей. Они остановились на поляне, где по колено росла трава и в густой зелени темнели синие цветы – Райн знал их название, да запомнил. Он вдруг понял, как далеко они от дома, а Брен... Кэль Хисб! В закатанных штанах, босой, туника соком трав перепачкана, растрепанная гривка пшеничная... улыбаясь, наклонился над цветком, уже слегка загорелые пальцы обвили стебель... друг же совершенно не устал! Открытие так поразило Райна, что он даже испугался. Не может такого быть, это ж как сон – счастливый сон, что в жизни не случится, Брен же трети риера пройти не мог! А здесь тропинки не чета каменным плитам стоицы Заречной – трава высокая, кочки, рытвины, пеньки торчат – лес же, Вечный Лес, колыбель их народа. А брат керла отшагал семь риеров, да еще улыбается, цветы рвет... Райн, не удержавшись, шагнул к Брену и тут же замер. Да-да, испогань своим дурным порывом его радость. Злые слова Севера всплыли в памяти – «завали и поимей... спасибо скажет». Гадина керл, конечно, но ведь он еще про стену говорил, кою будто б надо из нутра брата выбить... силой выбить, сломать. Потому что сам Брен ее сломать не может? А если керл прав? Север Астигат всегда плевать хотел на людские обиды и желания, как правителю и положено, но он пьющий огромной мощи и про силу много знает – не потому, что рассказывал кто-то, а вроде как по наитию. Ну, вот как охотник чувствует, когда птица сорвется с ветви, чтоб стрелу спустить... или как сам Райн знает, когда Брен устает и плохо ему...

Жаркое, горячее поднималось со дна души. «Завали... поимей... семья и страсть почует, благодарить будет...» Они одни здесь – на поляне, и Брен такой... плюхнулся в траву, машет цветком синим у лица, улыбается. Не устал – ни капли! Неужели Север прав, и Райн своей трусостью отказывает другу в праве проснуться?! Десятник закусил губу, отвернулся.

– Райн! – брат керла смотрел на него, нахмурившись. Потом опустил глаза и сказал быстро: – Я все понимаю. И не буду в обиде, если ты уедешь или женишься, например... что за радость годами сидеть возле калеки? Из-за меня ты не воевал, не жил, я обуза, – и с горькой силой: – Я знаю. Ты для меня и так уже столько сделал, так что я не буду тебя удерживать, если захочешь уйти. Пусть тебе любая дорога будет прямой и удача рядом...

Райн не дал другу договорить – хлопнулся рядом на колени. Как же жаль, что нельзя коснуться, показать – как важен, как дорог! Еще выдашь желание, а Брен не терпит... Инсаар проклятый всего лишил! Но Север говорил – стенка... друг ее сам поставил, а теперь избавиться не может... «завали... все перепробовали... в радости отказываешь». Заткнись, язык змеиный! А хоть бы и был ты прав, Север, только брат твой все едино не хочет, а силой не возьму. Обнять было нельзя, и Райн просто сказал:

– Дурь не неси, Брен Астигат, умный же вроде... Райн Рейгард делает лишь то, что хочет, ясно тебе? Вот поправишься ты – и буду я воевать. А жениться – так у меня три младших брата, двое уже женатые, дети у них есть. Отец на меня рукой махнул – внуков у него хватает, да еще родятся. Понял?

Брен похлопал ресницами густыми, темно-русые с золотым отливом брови сошлись на переносице. Потом рука потянулась – крутить пшеничную прядь. Кисть-то вроде не такая прозрачная уже... или кажется? Поглядел бы на него Север или Иллари, да хоть папаша – опытные илгу силу быстрее и четче видят... лучше ли другу? Райн повторил с нажимом:

– Так понял?

Брен улыбнулся мягко:

– Я тебя обидел? – и чуть качнулся вперед, к Райну, ладонью бедра коснувшись. Ох ты ж... привязывать ему руки надо! Десятник опустил голову, но ответил твердо. Пусть знает и ум ерундой не забивает, а душу – горечью.

– Обидел. Как есть обидел, Брен. Что я, мальчишка, по-твоему, не знать, с кем и где мне лучше? Я – с тобой, значит, нужно мне это. Не керлу, не союзу, не Заречной – мне самому. Так-то.

Узкая ладонь сжала грубую ткань штанов, Брен задышал чаще. Даже носом шмыгнул тихонько. Помолчал, потом сказал:

– Извини. Просто знай: без тебя я бы не смог... да и дальше не смогу, наверное. Но если захочешь уйти, только...

– Ох молчи! – Райн рассмеялся и легко толкнул Брена в плечо. – Давай, брат керла, плати виру за оскорбление! Большую виру, не расплатишься!

Брен захохотал, повалился в траву, голые ноги задрал и выдал со смехом:

– Так мое здесь все – что хочешь, то и требуй. Вот ручей, видишь? Дарю!

Райн улегся рядом. Еще часа с два они дарили друг другу сосны, поляны и ручьи – и никогда раньше сын верховного стратега не чувствовал себя таким молодым, хоть и шел ему всего лишь двадцать первый год.

Домой они добрались не скоро. Брен устал немного, конечно, да разве ж можно сравнить? Друг шел сам, почти не останавливался, и в доме не свалился ничком, а сел возле очага – просто как усталый путник, а не как смертельно больной. Они поужинали вместе, обсудив, в какую сторону дальше пойдут – Райн посоветовал добраться до поляны, на коей древний идол стоял, и Брен согласился, любопытством загоревшись, – и брат керла тут же на шкурах и заснул, в тепле пригревшись. Десятник привычно поднял его на руки, отнес в постель, раздел быстро. И не удержался, коснулся губами старого шрама возле соска – легко, невесомо. «В радости отказываешь!» Ох, Север, Север, кто ж тебя за язык-то тянул... а лежа ночью без сна, Райн думал: какой бы скотиной ни был керл Север, брата он любил. Отец братьев, да и папаша собственный не раз и не два повторяли: «Только младший Севера и интересуется, так иные к любовникам привязываются, к женам, к наложницам». Но никто не вопил про нарушение закона Инсаар о запрете на связь между родными братьями – все знали, что Север в жизни Брена пальцем не тронет, на ложе не завалит. Просто любит – и все, хоть и не часто такую привязанность у сыновей вождя, от разных матерей рожденных, встретишь. Они обычно соперниками вырастают. И сказав те слова гадкие, не желал керл брату зла, просто боялся. Помнил Райн, как у развилки под Трефолой рухнул тогда еще вождь племенного союза на колени, как подхватил умирающего Брена на руки, не брезгуя ранами гноящимися, не страшась бледности восковой, как прижал к себе крепко – и все, кто рядом стоял, зажмурились. Солнце пылало, и они, еще не зная ничего о силе, видели ее – вечный Дар жизни. Такое не подделаешь, не обманешь. Ради брата дрался илгу Север с нелюдьми... так что не мог он зла Брену желать! Да только как выполнить то, что приказывал керл? Как сломать стену?

Вдруг она сама пропадет? От радости выздоровления – только б впрямь слабость навсегда исчезла, страшно поверить! – от близости леса и малости забот? Хорошо б так!

Наутро другу трудновато было пойти гулять далеко – все ж измаялся с непривычки вчера. Но все равно с тех пор прогулки становились все длиннее, благо, из Трефолы в Клезу не так много народу таскалось. Оно и понятно – не все ведали, куда брат керла делся, да и сам Север, видно, приказал Брена не трогать. Но некоторые скотины настырные все ж приезжали. Воры, как есть воры – крадут у друга часы радости. Брен и сам старался с делами не затягивать, жалел только, что не знает всей правды о Севере – как он там? А купцы да сборщики податей – забота привычная, куда от нее денешься? К середине лета они уходили в лес надолго, и в первый раз, как выбрались на три дня, Райн и уверился: выздоравливает друг! Они поставили шатер рядом с небольшим озерцом, и пока Брен под присмотром охраны считал, сколько с гильдий на мост содрать, сын стратега на охоту сходил. Давно не охотился – незачем было, а тут хотелось друга парным мясом угостить, вот и принес к шатрам фазана пятнистого. Друг тут же бросил стилос, воды помог натаскать да вскипятить, костер развел, птицу потрошить подсобил, а Райн смотрел на то, как легко двигается Брен, и замирала душа от счастья. Годами же не мог ведра полного поднять! Точнее, поднял бы, да с трудом, а в иные дни с постели не вставал, а тут – веселый, быстрый, будто не было хвори! Ночью, поев и даже выпив вина немного, они улеглись на шкурах рядом с шатром и принялись звезды считать. Райн, подождав, пока друг, клубком у него под боком свернувшись, заснет, отдал ему накопленную в лесу силу, и Брен во сне улыбался. Вернулись они в Клезу, мошкаркой покусанные, и оба смеялись: хороши лонги, лесные жители, разучились в лесу жить, забыли жиром смазаться, чтоб не чесаться сейчас, точно на муравейник оба уселись... Но провались мошкара пропадом, в следующий раз имперское снадобье от укусов возьмут – оно не воняет – и еще дальше пойдут: посмотреть, что за небольшими холмами на юге. Дом стоял в золотом свете макушки лета, плавали в воздухе пылинки, и звенели птичьи голоса, а Брен шагал с ним рядом, размахивая палкой, и не задыхался ни капли. Райн, про себя взмолившись разом и Вечному Лесу, и духам предков, и, на всякий случай, Матери-Природе имперской, рванул с места, крикнув: «Догоняй!»

Ему было страшно, и бежать десятник старался так, чтоб случись что – тут же подхватить друга, поддержать, но не нужно было. Выбежали они к забору «виллы» одновременно, и сын стратега взгляделся с тревогой в загоревшее лицо. Брен дышал ровно – ну, почти – и радость на лице, блеск глаз говорили: хорошо ему. И тут их окликнули. Вот же проклятье! На бревнах сидели гонцы в остерийских хламидах – ишь, даже в дороге толстозадые не удосужатся свои тряпки снять! И чего остеры хотят? Оказалось – вот же притча! – сам архонт Остериума Брендону Астигату прислал гонцов. Ну и ну! «А что тут удивительного, Райн?» Брен легко взбежал на высокое крыльцо, махнул послам рукой, а те во все глаза глядели на брата керла – в затрепанных варварских штанах, высоких мягких сапогах, загорелого, лохматого... «Архонт Остериума давно не имеет никакой власти, да надел земли в его владении большой имеется, оттого магистраты с ним считаются», – сказал Брен на лонге и приветливо пригласил гонцов в дом, уже на остерийском. Старший сторож Клезы поклонился брату керла и доложил: «Только два дня назад пришло письмо от протектора Каста, принести сейчас?» – «Да, – ответил Брен. – Сначала письмо, а пока гостей покормите. Успеется их дело». – «Ну да, – хохотал десятник, – керл остеров точно б месяц мурыжил, прежде чем принять, потому они к тебе и рванули». – «Север неправ относительно остеров, – хмыкнул Брен, – они нам весьма полезны, просто за ними приглядывать нужно... ой, гляди, что Иллорий пишет!» От друга пахло ягодами и солнечным ветром. Так бы и прижаться губами к жаркому плечу, но десятник нарочно отодвинулся, а Брен вдруг притянул его за рукав. Райн заглянул через плечо в пергамент и прочел:

«Ходят слухи, что архонт остерийский весьма заинтересован в союзе Лонги. Якобы магистраты жмут его сильнее прежнего, и он просит нашей защиты. Хорошо бы, слухи оказались правдой – союзу это выгодно чрезвычайно...»

Год от основания Отца городов Риер-Де 879
Десятый год союза Лонги

Вилла Клеза

«Ходят слухи, что архонт остерийский весьма заинтересован в союзе Лонги. Якобы магистраты жмут его сильнее прежнего, и он просит нашей защиты. Хорошо бы, слухи оказались правдой – союзу это выгодно чрезвычайно...»

Что так долго можно делать в лесу при наличии рабов и охраны? Брен лениво смотрел, как ветер шелестит пергаментом и катает по столу стилосы. Вот не пойдет он в дом, и пусть Райн сколько угодно твердит об упрямстве Астигатов. Посидит и дождетсЯ, а пока полюбуется на Клезу – что ему никогда не надоедало. Дворцы союзников в Трефоле и Гестии принадлежат карвирам и сыновьям Севера, и только вилла принадлежит ему, Брендону Астигату-старшему. Он тут хозяин и будет упрячиться, сколько угодно...

Тогда, в первое лето в Клезе, он тоже упрямился. Твердил себе: «Еще день, и я уеду, вернусь в город, ведь Северу плохо!» Но уезжать было страшно – а вдруг с таким трудом обретенная власть над собственным телом исчезнет, стоит лишь завидеть башни и стены столицы брата? Слабый не выполнит того, что должно, а ему должно выздороветь и помирить карвиров. Иначе все бессмысленно, без них союзу не выжить, а вокруг Лонги бурлит война, и армии врагов лишь множатся. Кроме того, Брен скучал по карвирам, по их перебранкам и шуткам, по безумным выходкам и невероятным решениям – он так никогда не сможет. И не желал больше видеть пустые глаза брата и читать о бессмысленности бытия в письмах Иллария.

Смешно, но в то первое лето он не сразу понял, что выздоравливает. Когда годами привыкаешь к боли и слабости, то хворь, исчезая, оставляет после себя некую пустоту. Ему словно не хватало обмороков и ломоты во всем теле, как не хватает костылей человеку, долго лечившему перелом ноги... А потом увидел по свету в глазах Райна, что слабость прошла! Они не говорили об этом, боясь спугнуть счастье, ведь это была общая радость, они вместе боролись против недуга, скрывая его от посторонних, и друг даже научился тому, на что ammo обычно не способны – придерживать свою силу. Это само по себе чудо – чудо, совершенное ради него, Брена. Как он был благодарен! И, впитывая живые Дары, купался в счастье, которого не заслуживал – он же не может отдать взамен, ему пока нечего. Зато больше не падает в обмороки и может пройти за день десять риеров! Простые вещи – бег, смех, купание, сбор грибов – были настоящим счастьем. Однажды они купались в озере, и Брен мылся сам, думая, что наконец-то избавит Райна от сомнительной радости созерцать некрасивое тело. Авлий был куда стройнее и сильнее – не нужно, чтоб друг сравнивал невольно. Нет, тут никакой обиды, просто... не хочется огорчать Райна. Но тот, увидев, как Брен выронил тряпицу, пропитанную хвойным мылом, что отлично делали на мыловарнях Трефолы, подошел, обхватил за плечи и ласковыми движениями ладони принялся смывать грязь. Брен сказал: «Не нужно, я и сам могу», и друг тут же отступил. Отчего показалось, что он расстроен? Разве приятно касаться такой худышки? Да еще шрам этот отвратительный, каждый раз напоминающий

о трусости и том утре... Но теперь Брен будто заново привыкал не только к себе – здоровому, но и к лесу.

Лес. Серебряные тьелы на деревьях, тени вокруг поляны и Флорен. Лес и Флорен, его любимый. Неразрывная связь. Нить не порвалась, вовсе нет, просто на ее месте вырастала новая. Словно бы в соитии, в коем для мужчины таится не только наслаждение, но и боль, так и в чаще – не только страх и потеря, но и звон ручья, свет солнца сквозь хвою, рассвет с птичьим пением. Шепот ветра в листве, и мягкость травы, и жесткая, живая кора деревьев. «Вечный Лес, я твоя плоть и кровь, и я хочу жить. Я живу! – он закричал это мысленно, когда однажды в одной из дальних вылазок выбрался из-под бока спящего друга и вышел из шатра. – Я живу, слышишь меня?! Спасибо!»

Дни бежали стремительно, и Брен наслаждался каждым мигом, как драгоценностью. Истинное наслаждение жизнью – голосом и шутками Райна, спелой ягодой в ладони, пьянящим вином, работой, свитками... ему легко думалось, легко дышалось и спалось. Он не смел мечтать, что однажды отплатит миру за эти Дары – своей силой, силой мужчины. Отдавать все еще не получалось – стена, некогда поставленная в полузабытии морока Инсаар, держала крепко. Спасибо еще, что позволила наконец-то накопить силу, достаточную для обычной жизни. Может быть, с годами он даже сможет – ну, попробует... Он теперь раф, но раф такие же Даропринесители, как илгу и аммо, просто приносят мало. Стоило представить себе Ка-Инсаар, как странно и тянуще заныло все тело, но теперь он хотя бы в обморок не грохнулся, увидев, как двое охранников занялись любовью в конюшне. Пусть! Они дарят миру себя, а он не может... Просто легкое отвращение, даже голова не закружилась. Как бы карвиры обрадовались, увидя его!

Север и Иллари. Гордые, сильные – и такие слабые в пустоте одиночества. Он тянулся к ним отчаянно, каждый день приказывая себе: возвращайся! Прочитав письмо Иллария, а следом письмо архонта и выслушав гонцов, Брен в первый миг засмеялся, потом – испугался огромной ответственности... и вдруг понял. Протектор писал о слухах, всего лишь слухах, достигших Гестии – архонт, замученный собственными магистратами, желает завещать свои земли карвирам в обмен на защиту. Архонт был стар, сыновей не имел, и все, чего ему хотелось: спокойно дожить до погребального костра. Но слухи – опять слухи, ха! – о холодности между союзниками Севером Астигатом и Илларием Кастом беспокоили его. Что если однажды его земли окажутся между двумя Лонгами, вновь поднявшими друг на друга оружие? Остер имел точные сведения: карвиры вот уже три года живут врозь и ни разу не виделись, чем роммелет Брендон объяснит подобное? Не таят ли союзники друг против друга злых умыслов? Он хочет покоя, всего лишь покоя, потому позволяет себе интересоваться личной жизнью соседей. Может ли роммелет Брендон – о, архонт не сомневался, что союз клюнет на предложение завещать земли! – подтвердить от имени карвиров чистоту их намерений хранить мир? Архонт прямо писал, что убедит его в «чистоте намерений»: если керл Север Астигат и протектор Иллари Каст соблаговолят приехать в Мирас, что на границе Остериума и Предречной Лонги, на встречу с ним. Он уже стар, многое повидал на своем веку и научился верить лишь собственным глазам. Что ж, старик не прогадает, а жадные и наглые остерийские магистраты узрят силу гнева карвиров, известную всем от Теплого моря до Холодного. Но как же так получилось, что до протектора Предречной дошли лишь смутные слухи о намерениях архонта, а Брендон Астигат, младший брат керла, даже не входящий в Совет хоноров Заречной, получил открытое письмо с предложением? Брен даже засмеялся: «Что-то тут не так!» – «Все так, – хмыкнул Райн. – Давно известно всем от... хм, Теплого моря до Холодного: если хочешь, чтоб дело твое решилось быстро и хорошо и чтобы перья из хвоста не повыдергали – пиши брату керла! Остер выгоду свою блюдет строго, и

союзу здесь выгода прямая, да только пустое все – не поедут карвиры на общую встречу, ты ж знаешь. Им это что нож острый, окаменели в гордыне и ни с места. Даже ради новых земель не пожелают через себя переступить...» Как это не пожелают?! Брен, уже не слушая Райна, вскочил и кинулся за письменным прибором. Он писал брату: «Ты нужен мне, Север, приезжай! Немедленно».

От Трефолы до Клезы было около двух дней верхом, и керл пожаловал быстро. «Мелкий, а ну-ка повернись! И еще раз, и еще! Да ты... ты же здоровей меня, братишка!..» Север все никак не мог поверить в чудо, и Брен дал брату вдоволь насмотреться на то, как бегают по лестницам. Даже, чуть подпрыгнув, повис на толстой ветке, отчего у Севера глаза стали как плоски, а потом заискрились смехом – а ведь младший сын вождя так давно не видел искренней улыбки брата. Вечером они сидели вдвоем, керл пил вино и не сводил глаз с младшего, словно опасался – тот вот-вот в воздухе растает. «Не растаю, я настоящий», – смеялся Брен. «Вижу, – буркнул Север. – Жаль только, что раф ты, не так, как раньше было... ну, да не все сразу. Не помню случая, чтоб Инсаар лгали – не умеют, видно, вот только толкуют все иной раз странно. Так что и Абилец не лгал, когда говорил: вернется твоя сила, сила...» – «Обильного аммо, – спокойно продолжил младший. – Но мне и так хорошо. А теперь послушай-ка, брат, и прочти письмо. И знай: я не выпущу тебя отсюда, спорить буду, пока не согласишься». – «На что соглашусь, – улыбнулся Север, – виллу еще одну тебе подарить? Да запросто!» Брен взмахом руки оборвал брата и начал рассказ. Он навсегда запомнил и свои тогдашние усилия, и то, как менялось лицо керла – от выражения неутолимой обиды и злости до тоски и отчаянья.

– Нет. Сколько раз еще тебе повторить?! Я не стану мириться с ним – даже ради всех земель Риер-Де, а не жалкого Остериума, да и то не всего, а куска только! Архонт не всеми землями там владеет...

– Ничего себе «жалкий»! Поостерегись, керл, сказать подобную глупость на Совете хоноров. Жалкий кусок – это пятьсот риеров земли, на которой склады, дома, мастерские, торговые лавки, пашни. В самом сердце Остериума. И эта земля будет принадлежать союзу, будет нашей. Ради этого ты...

– Ни ради чего не стану! Никогда.

– Тебе просто нужно поехать в Мирас и просидеть день рядом с Илларием в кресле! И все! И кивнуть ему пару раз на глазах архонта – тот останется доволен. Ну что за упрямая...

– Скотина? Да, скотина! Но он – скотина не меньшая. Не поползу я к нему на брюхе! Пойми это и уймись, наконец.

– Так тебя волнует, кто из вас первым сделает шаг навстречу? И все? Думал, ты поумнел с тех пор, как нить рвать перестал...

– Замолчи, братец! Ты у нас здоровый теперь, тебя и выпороть можно. Смерти от разрыва нити я ему не хочу, но унижаться...

– Не будешь ты унижаться! И он – тоже! Я буду, тебя это устроит?! Поеду к Илларию...

– Нет. Запрещаю. Мы без него проживем!

– Ты не проживешь. Тебе двадцать восемь лет, Север Астигат, а иной раз кажется, будто сорок! Ты давно как мертвый, разве не так? И неужели ты не понимаешь – в любой день из Гестии может прийти весть о...

– Замолчи!

– Боишься потерять его?

– Чуть не потерял, ты ж знаешь... не гневи духов, мелкий. Боюсь... спать не могу, так боюсь, что Лар, как Алер...

– Алерей. Дароприноситель по имени Алерей, коего ты погнал бегать с железом, и он погиб. Тебе не было жаль, Север?

– Сказал же: молчи! Что я тебе сделал, что травмишь душу так?! Не желаю я быть в темноте ночи да в окно пялиться, если...

– Ты загубил Алерея, ты губишь Илларию, и себя тоже губишь. Одумайся.

– Да чтоб я сдох!.. Чтоб тебя пчела за зад укусила, мелкий, ты... Лис ты хитрый! Я одумался давно, неужели не видишь?! Умираю без него, каждый день – как последний... но он-то не одумается! Никогда! Разве ты его не знаешь? Задница Холодная свою гордость еще как ценит! Не поедет он на эту встречу, и думать нечего.

– Первым делом прекрати говорить «он». У него есть имя. И ты сейчас скажешь...

– Не могу. Не стану!

– Говори, ну же! Иллариус Каст, карвир твой, с кем навеки ты связан...

– Не могу! Замолчи. Заткнись ты, чтоб тебя!.. Иллариус... Каст... Проклятье мое. Жизнь моя.

– Тихо, Север! Не нужно, чтобы ты... я поеду в Гестию – к Илларию. И буду говорить с ним.

– Лар не захочет, но если ты... скажи ему, что... нет, ничего не говори, пусть клятву вспомнит нашу. И шатер на той поляне. Знаю – он помнит, он ночами ее шепчет, а я слышу... Чтоб ему... Бестия имперская... Брен, если он согласится поехать на встречу, до погребального костра ноги буду тебе целовать!

– Так-то. Я еду в Предречную завтра же. А ноги мне целовать не нужно, лучше подумай, что делать с остерийскими магистратами.

– Да провались они, магистраты те... Я сам остерам любые земли подарю, пусть только Лар тебя послушает...

Брен встал, обнял все еще сидящего брата. Сжал напряженные плечи, заглянул в глаза, где страх пожирал надежду, и коротко поцеловал в макушку.

– Он послушает. Обещаю.

Пред отъездом из Клезы Брен пришел на опушку леса, долго стоял, глядя ладонью теплый ствол сосны, а потом позвал одними губами:

– Ланий! Вдруг ты слышишь меня, Пушистый, брат любимого моего, отзовись!

Лес молчал, молчала высокая луна, и младший брат керла, вздохнув, пошел к дому. Он просто хотел сказать Пушистому: ты дал мне надежду своими словами, и мечты начинают сбываться. Ничего мне не забыть никогда и не полюбить так, как любил я рожденного с тобой в одном тьеле, но передо мной новая дорога. Помоги мне идти по ней.

«Иллорий!

Прошу встретить меня у Жемчужных ворот. Слухи о намерениях остерийского архонта подтвердились самым неожиданным образом. Заречная готова к договору, а ты готов ли?»

Год от основания Отца городов Риер-Де 874 Шестой год союза Лонги

Гестия, столица Предречной Лонги

«Иллорий!

Прошу встретить меня у Жемчужных ворот. Слухи о намерениях остерийского архонта подтвердились самым неожиданным образом. Заречная готова к договору, а ты готов ли?»

Высокий человек в длинной белой тунике, серебро в густых прядях, перехваченных тесьмой... это Иллорий Каст? Всю дорогу от реки Лонга до Гестии Брен нетерпеливо расспрашивал высланную протектором охрану и твердил Райну, что прыгнул бы Илларию на шею, да тот не переносит вольностей. А теперь оба растерялись. Райн Рейгард сумрачно молчал, глядя на незнакомца в одеждах имперского аристократа, а Иллорий не подошел, не улыбнулся. Тонкое, замкнутое, строгое лицо, мягкие завитки волос, легкие морщинки под нижними веками... Брат керла спрыгнул с лошади, шагнул вперед, и маска чужака треснула, разлетелась осколками. Метнулся по лицу страх, дрогнули сжатые губы, и протектор Лонги стиснул запястья Брена Астигата.

– Ты... неужели ты?... Как же я рад видеть тебя... – Иллорий проглотил комок в горле и выдавил глухо: – ...таким. Видеть тебя – таким.

Потом он словно бы спохватился, поздоровался с Райном, отдал несколько негромких приказов и, подхватив гостя под локоть, повел по вымощенной мрамором широкой аллее. Рука протектора была по-прежнему твердой, дрожь в голосе исчезла, но Брена не оставляло ощущение – это не Иллорий, подмена. «А вот я совсем не рад видеть тебя таким», – хотелось сказать брату керла, но он лишь прижал к себе загорелую руку. Иллорий говорил о том, что завтра они уедут на его виллу – благо, во время последней войны, после коей и был заключен союз, дворец не пострадал, войско вождя лонгов просто прошло мимо быстрым маршем. «Там отменный воздух, есть где охотиться и гулять, а еще магнолии... ты видел когда-нибудь магнолии? Да, там их много – розовые, белые... но тебе же нужно отдохнуть! Неужели ты сам – верхом – добрался до Гестии?» – «Добрался», – отвечал Брен, сиюсь поймать синий взгляд. Иллорий был необычайно

красив – именно таким, совершенно непривычным обликом. Складки туники вокруг открытых сандалий, серебряно-русые пряди на плечах, смягчившиеся черты лица... но в тридцать один год протектор Лонги словно превратился в призрака. В духа подземных вод из имперских сказок, коих рисовали не юношами, но зрелыми мужчинами. Они, в отличие от духов огня, не собирали жертвы немедленной смертью, но горе путнику, что посмотрит в глаза такого духа! Тут же превратится в камень и вечно будет плакать росой над бедами всего мира...

Протектор сыпал вопросами, и Брен отвечал, силясь сообразить: насколько серьезно был болен Иллариий, если так изменился? Они неторопливо шли по аллее, Райн – на пару шагов позади, и когда брат керла в десятый раз заверил, что ничуть не устал от путешествия и жизнь в Клезе помогла ему обрести утраченные силы, протектор вздохнул. «Ты – раф, – горько бросил Иллариий, тут же напомним Севера. – Но даже если сила ammo не вернется, ты здоров! А в Гестии станешь еще здоровее, вот увидишь. А теперь расскажи мне, как твои племянники». Брен рассказывал о Лиссе и мальчиках, постаравшись с первых же фраз дать понять: Север не живет с женой, это номинальный брак. Вновь увидев дворцы и мостовые столицы Предречной, ухоженные предместья, отменные дороги, брат керла уразумел то, что не доходило до него в бестолковой Трефоле, – и испугался. И было отчего, ведь получается, что именно его письма едва не свели Илларию с ума! Нужно было сразу же объяснить, что значит Ари для брата и отчего они сошлись – а Брен, как последний дурак, не учел разницы обычаев! Белые законы⁹ предписывали протектору жениться, что, впрочем, не мешало ему и сотням ему подобных не связывать себя узами брака. В Риер-Де многие мужчины, богатые и знатные, не желали ни жены, ни детей, и никто не видел в том ничего странного – не то что у лонгов и других лесных народов. Для Иллариия примирение карвира с женой было серьезным шагом, перечеркнувшим все надежды. Брат керла вспомнил давний рассказ протектора: его отец расстался с любовником, когда жрецы объявили о помолвке между ним и матерью Иллариия. Отчего-то многие имперцы резко разделяли два вида любви – должно быть, из-за Ка-Инсаар, на которых делили ложе не с равными, а с рабами или пленными. Аристократы считали, что женатому не пристало спать с мужчиной помимо обряда. Разгул остался в юности, зрелость требует определиться. И Иллариий решил, что Север сделал свой выбор. Брен даже стиснул кулаки и замер на месте, вынудив протектора и Райна остановиться. Как можно было быть таким тупым и не написать о самом важном?! Конечно! Он хвалился Лиссой, расписывал встречу с девочкой, написал про Ари, потом приглашал Иллариия на праздник по случаю рождения Рена, поворачивая нож в открытой ране, лишая брата и его любимого надежды на примирение. Жестокая равнодушная бестолочь – вот что такое Брен Астигат. Для чего рождаются на свет те, кому Мать-Природа даровала смешанную кровь? Он должен был соединить разорванное, пояснить непонятное, вместо этого же... а брат так ждал карвира на тот праздник! Для любого лесного жителя делить такую радость с любимым – самая естественная в мире вещь, но протектор посчитал себя лишним.

Брен еще по дороге прикинул, как станет вести переговоры. Он знал, что наскоком и давлением просто все испортит, протектор замкнется в своей гордости и станет твердить то же, что и Север: пусть «он» первым сделает шаг навстречу... Лучше немного отложить рассказ об архонте и вырванном у брата обещании приехать в Мирас. Скоро Иллариий поймет – нужно просто рассказывать ему о брате, и картина постепенно сложится. У самых массивных ворот бывшего консульского дворца протектор вдруг прервал рассказ Брена о постройке нового моста и сжал ему локоть.

⁹

Белые законы – см. в Приложении.

– Я хочу, чтобы ты передал... – протектор говорил небрежно, но синева вновь спряталась за серой завесой усталости, – ...мы часто говорили с ним... с твоим братом о городе из видения Амплиссимуса, о тех бедах, что принесет миру «погибель». Север хотел... мы хотели знать...

Тоска бывает разной, думал Брен, глядя на сжавшуюся на его локте руку Иллария. Острой и пронзительной – настолько, что кажется, и не вздохнешь больше. Отупелой и равнодушной, как зимний пасмурный день. Но самая страшная тоска – вот такая, жгучая, будто зубная боль, и привычная, как давняя рана, без надежды на выздоровление. От нее не спрятаться и не скрыться, человек просто живет и терпит – пока может. Илларий, помолчав, сказал с силой:

– Хотели знать про город, что уйдет под землю со всеми жителями. Я узнал. Передай ему, расскажи, он хотел. Ты не забудешь?

Брен лишь кивнул, а после выслушал удивительные и страшные вещи. Он давно привык думать о себе как о невольном виновнике тысячи событий, что погубили мириады жизней, изменили мир – и для его родной земли к лучшему. Но для Земли Тигра, как имперцы называли страну, лежащую за горами на юге от Риер-Де, появление на свет Брендона Астигата обернулось бедой. В тот год, когда карвиры воевали с Инсаар, а река Лонга, выйдя из берегов, убила и razорила тысячи людей, в «тигриной» стране действительно ушел под землю целый город – просто провалился во внезапно раскрывшуюся огромную трещину. Спасти не успел никто, ни один человек. Илларий получил эти сведения от путешественников, побывавших в Земле Тигра просто из тяги к знаниям, но по следам первопроходцев пошли купцы – отважные открыли новый путь в страну Хат-Шет, как звали свою родину тамошние жители. Теперь имперцы будут бывать там чаще – это удивительная земля. Лязгнуло пастью проклятье, и город Муссумма погиб, а в далекой Лонге двое мужчин и юноша не знали ничего – они боролись со своими бедами.

– Амплиссимус был прав во всем. Он и словом не солгал. Я – погибель, – Брен вымученно улыбнулся, подумав: брат, узнав о Муссумме, успокоится. Ведь Север часто поминал о еще не исполнившемся предсказании и боялся: а что если опасность все еще висит над каким-то городом? В видении карвиры отметили такие дома и храмы, каких не строили ни в Риер-Де, ни в Лонге – и все же становилось не по себе.

– Он не был прав ни в чем, – твердо оборвал его Илларий. – Амплиссимус сам запустил маховик гибели – не преследуй он тебя, ничего бы не случилось. И не смей думать, будто несешь смерть всему живому или нечто в этом духе... такой трагизм только в поэмах хорош, а мы должны радоваться, что беда прошла мимо наших земель.

Протектор прищурился и легко сжал пальцы собеседника:

– Ты образованный человек, значит, ищи ответа в корне вещей. Так говорят «Сентенции»? – и усмехнулся лукаво, словно бы по-прежнему. Но радость не коснулась глаз, и Брену стало ясно: Илларий отдал бы полжизни, чтобы самому рассказать карвиру о добытых сведениях. – Нелюди вынудили нас убивать их и прекратить обряды. Они нарушили союз Дара и поставили мир под угрозу. Это на их совести жизни погибших в Муссумме и на берегах Лонги – как и смерть тех, кто той зимой голодал в Трефоле и Остериуме. Всегда помни об этом, Брен! Мы воевали не напрасно, но и мы в долгу перед миром. Только... мир не спешил оплачивать свои долги, иначе вернул бы тебе здоровье и силу гораздо раньше. Я не жалею о той войне. А ты?

– Иногда я жалел, что родился на свет, – вырвалось у Брена. Он тут же обругал себя – зачем портить встречу? Но... ни брату, ни Райну он бы такого не сказал – из страха огорчить слабостью. А Иллариий был одновременно своим и чужим, невероятно близким и все же далеким. Ему можно было сказать то, чего губы не отважатся произнести ни при ком другом, ведь протектор все всегда понимал правильно. – Мне хотелось исправить такую несправедливость – умерло столько достойных, а я жил. Зачем? Умер тот, кто подарил мне великое счастье, а я видел его смерть и ничего не мог сделать. Долг и любовь – самые тяжкие вещи на Матери нашей земле... но не гордость, Иллариий!

Иллариий пристально смотрел на него, и Брен вдруг понял, что проболтался. Впервые заговорил о том, что мучило долгие годы – о Флорене. Но почему именно сейчас? Все просто! Протектор должен понять, как страшна окончательная и бесповоротная потеря, когда смерть ставит точку в конце витиеватых строк бытия. Будет поздно биться в припадках и проклинать, огромный мир сузится до золотых искр в любимых глазах. И тысячу лет ты станешь искать их в толпе и кидаться за миражами – и замирать в жестоком понимании. Поздно.

– Я знал тебя. Любил тебя... Мне никогда не позабыть твоих ладоней и чистоту воды, что пил я с них. Мне все равно, что разум не постигнет, а тело не поймет и не простит разлуки вечной. За что, любимый? Лишь на один вопрос ответь: за что? Ты – прах и тлен, но я с тобою вместе брожу по высохшей земле, и что мне до великих дум о чести? Нет чести в том, чтоб рвать одежды, стеная горько... Как там дальше, Иллариий?

– ...стеная горько, что не дал мне уйти с тобой. За что, любимый? Я знал тебя, но ты – не знал меня. Иначе б не оставил на земле¹⁰, – губы Иллариия были белыми. Он оборвал себя на полуслове и посмотрел Брену прямо в глаза. – Ты что-то скрыл от нас? Почему?

Брат керла горько рассмеялся. Он мог говорить о Флорене, и это само по себе было чудом. Исцелением.

– Потому что был капризным дураком. Быть может, Расскажи я о тайном тебе и брату, что-то пошло бы иначе, но времени прошло много, и сейчас все кажется другим. Иногда я тешу себя мыслью, что Флорен остался бы жив, не будь маленький аммо так глуп. Но маленький аммо желал – и сейчас желает! – остаться человеком, а не коровой. Нить все едино порвалась бы, и Флорен...

– Кто такой Флорен? – протектор стиснул его руку. Глаза Иллариия стали колючими и внимательными – Брену это нравилось. Он приехал в Гестию для того, чтобы исцелять чужие раны, а не растравлять собственные, но говорить было легко. Любимый не осудит его за радость жизни! Умирая на той поляне, Инсаар приказал любовнику: живи. Я живу, Флорен! Радуюсь каждому риеру пути, игре солнечных лучей на куполах Гестии, долгожданной встрече с Иллариием, великим стихам Квинта... низкому смеху Райна и тому томительному чувству, что оставляет после себя этот смех – будто внутри задела что-то сокровенное. Но Райн шарахался от друга... может, он тоскует по красавцу Авлию? Брат керла потрянул головой. Он не даст себе портить такой день. Райн Рейгард с ним не только потому, что так приказал Север, Райн сам это сказал, а сын Крейдона никогда не лжет. Ну, разве когда думает, что правда может повредить другу.

¹⁰ Брен цитирует поэму Квинта Иварийского «Проклятье Лонги».

– Я все расскажу тебе, Илларию, но после. Ты обещал показать свою виллу, а мне не терпится сравнить ее с Клезой, – он улыбнулся и, обернувшись, позвал Райна. – А еще мы голодны с дороги. И заодно я хочу содрать с карвира брата моего несколько тысяч риров на престолах для мальчиков...

Протектор ухмыльнулся довольно и, вновь сжав его локоть, повел к воротам:

– И сдерешь – непременно, маленький ты хитрец. Я помню твою мечту о престолах, и у меня есть некоторые соображения на этот счет.

Наутро протектор и его гости – Илларию, правда, настаивал, что в Гестии Брен у себя дома – уехали на виллу правителя Предречной в ста сорока рирах от столицы. Протектор Каст, сменив шелковую тунику и тогу на короткую военную одежду, вновь стал похож сам на себя – если не принимать в расчет серебряных длинных пряжей и не смотреть ему в лицо. Илларию шутил, что внешний вид скушающего аристократа его заставили принять толпы соглядатаев, наводнившие Предречную стараниями стратега Друза. «Брат императрицы и командующий легионами Кадмии лезет в каждое блюдо, что подают мне на стол, и пересчитывает мои простыни, – смеялся протектор. – А еще его интересует, с кем спят магистраты Гестии и командиры легионов, но те не радуют разнообразием любовных походов, а уж обо мне и говорить нечего. Бедняга Друз! Каждый раз ему доносят, что протектор Лонги разводит магнолии и читает философские трактаты – так и заскучать недолго. Вот и пусть скушает, верно? Когда начнется война, скушать станет некогда». Война стучалась в двери союза – для Брена это не было тайной, – и карвиры хотели воевать, каждый по-своему, но по одной причине. Они были воинами и стремились все сомнения и беды разрешить привычным способом, а вот брата керла пугало столкновение с имперским стратегом. Ночью, перед отъездом на виллу, он даже отругал Райна за желание полезть в бой. А вдруг Друз все же предпочтет договориться? Брен уже лежал в постели, радуясь и жалея о том, что вымыться ему помог раб – хоть он и не нуждался больше в таких услугах, невольники протектора были настолько вышколены, что избежать их помощи возможным не представлялось. Но хотелось, как раньше, закрыть глаза и чувствовать на себе ладони Райна. Будто бы сила льется от жестких прикосновений...

Однако Райна сразу после ужина зазвал к себе Илларию. Брен догадывался, о чем они говорили – протектор, как и брат, все не верил в выздоровление. Скоро поверит! Брат керла и сам боялся большого города – вдруг в толпе силы начнут таять? – но слабость не возвращалась. Райн, должно быть, заразился от Иллария стремлением к войне и только о Друзе и говорил. Сидел на краю огромного ложа и потрясал у друга перед носом сжатым кулаком: «Вот так мы с имперцами! Пусть только полезут! И нечего ворчать, ничего твоим купцам и налогам не сделается, война дорого обходится, верно, но и добыча бывает богатой». Устав спорить, Брен замолчал и просто смотрел на Райна. Как и зачем воин смог просидеть столько времени возле калеки? А ведь друг отменно воевал – Север говорил об этом – и мог бы давно стать командиром. Но, Мать-Природа, а вдруг... как возлюбленный Квинта Иварийского, как Флорен... Он не имеет права запрещать Райну идти в бой, если тот хочет, но как же хотелось не допустить этого! Оставить подле себя, в безопасности. Но такая забота подла и несправедлива!

Райн, заметив, что друг перестал возражать, тоже замолчал, поправил покрывало и легко коснулся пальцев.

– Спи, Брен, – и, помедлив, протянул: – Можно я с тобой лягу? Вот здесь? – сын стратега показал рукой на закрытую расшитой тканью лежанку. – Иллариий говорил про соглядатаев всяких... не хватало, чтоб ночью к тебе кто притащился.

Брен был рад. Рад, что друг не торопится сбежать от него и они будут спать рядом, как в Трефоле и Клезе, и потому быстро поделился подушками и покрывалами. Райн разделся и вытянулся на лежанке. Брен невольно заметил загорелые широкие плечи, литые мускулы на животе и длинных стройных ногах... и волосы, темные кольца – почти до талии, гордость любого лонга. Как красиво, недаром Иллариий не стрижется. Потом еще порадовался тому, что и сам теперь не выглядит совсем уж замухрышкой, и провалился в сон.

В первый же вечер на вилле Пандия, окруженной Вечным Лесом и сиявшей белизной мраморных стен и изумрудом лугов, Брен рассказал протектору о Флорене. Они сидели у раскрытого окна, ветер нес запах скошенных трав и поздних летних цветов, громко трещали цикады. Зачем вспоминать о страшном в такой вечер? Но боль и ужас потерь не желали оставлять души живых, и Брен говорил. Говорил для того, чтобы разгладилась морщинка между темными бровями у сребровласого человека напротив, чтобы Иллариий понял, как коротка жизнь, как близка смерть. Нужно ценить каждый миг! Рассказывать было легко – точно наконец закрылась рана, ушла вина, и ее место заняла любовь. Он всегда будет любить свое златоглазое видение, но отныне станет жить, как и хотел Флорен.

– Я видел, как он умирал. До последней минуты слышал его голос... и тогда думал, что ничего более жестокого нельзя придумать. Я убил Флорена разрывом нити, Инсаар не живут без... взаимодействия силы. Они слишком зависимы от связей, что устанавливает мир, не то что мы, люди. Я пережил разрыв, хоть и искалечился, а Флорен – нет. Но он не винил меня, напротив! Он вообще никого не винил, даже Амплиссимуса, а я так хотел смерти этого... он убил Флорена! Заманил в ловушку, заставив пить меня, а потом предал. Как хорошо, что ты и брат выпили Главного, я бы не смог жить с ним на одной земле. А Флорен все простил Старейшему – ведь тот принес миру столько Даров. Дары... Иллариий, нелюди и впрямь воевали и будут воевать лишь за них – за вечный Дар жизни. Все остальное для них неважно, и возлюбленный отпустил меня, чтобы я поил силой леса и реки... Он так этого хотел. А я пока не могу. И мне стыдно перед ним.

– Брендон, – голос Каста был хриплым, и протектор отчего-то прятал глаза, – значит, тот твой припадок... когда мы думали, что ты уже здоров... Проклятье! – Иллариий вскочил на ноги и отвернулся к окну. – Прости меня. Мы думали, ты лишь покорился нелюдю, что взял тебя силой... покорился, чтобы выжить. А ты его любил, и он – тебя ... Брен! Клянусь, я бы пошел тогда искать Главного – в ту же ночь. Почему ты не сказал? И... твой брат бы пошел.

– Амплиссимус все равно умер. А я в ту ночь требовал глупость, ведь вы могли погибнуть. Просто в вас было столько силы – два солнца... Мне никогда не забыть... Иллариий, подумай! Нить – драгоценна...

– Я знаю, – протектор резко обернулся и опустил перед Бреном на корточки, русая прядь упала на лицо. – Только не говори мне... о нити, хорошо? Ты самый сильный человек на Матери нашей земле. Давай помолчим... я не могу говорить. Прости меня за малодушие.

Они молчали долго. Текли минуты теплой южной ночи – осень еще не скоро придет в Лонгу. Завтра они втроем поедут на прогулку, Иллариус обещал показать Брену и Райну здешние леса – их не так много осталось в Предречной, все давно вырубил. Высоко в небе сияла звезда, точно видела двух мужчин, две склоненные головы, белокурую и серебряно-русую. Все видела и обещала надежду.

– Прости, что заставил тебя слушать, – он не мог сказать Илларию: «Я намеренно мучил тебя, чтобы ты понял – нить не порвать». Лишь великая страсть кует такие связи – до смерти, до последнего вздоха; не смертному распоряжаться нитью, чарами мира, да и бессмертие тут бессильно. – Никому другому не смог бы, а мне нужно выговориться. Прости.

– Я чувствую себя набитым дураком, – глухо пробормотал Иллариус, – сущим младенцем. И вот что, Брендон Астигат. Если я еще раз узнаю, что ты скрываешь что-то от меня, боясь ранить или обидеть... я думал, что больше не нужен тебе! Самовлюбленный глупец. Кто знает, расскажи ты нам сразу... кто знает?! Может быть, война с Инсаар была б иной, возможно, твой возлюбленный пошел бы с нами на переговоры, чтобы не потерять тебя. Я считал нелюдей бездушными чудовищами, а твой... Флорен отдал за тебя жизнь... это много больше, чем сделал я. А ведь так гордился своей человечностью. Глупец!

Протектор поднялся, провел ладонью по волосам, рассмеялся невесело:

– Амплиссимус в день своей смерти сказал мне: «Ты просто дурак, зарвавшийся илгу». И был прав. Пойдем, Брендон, час поздний, – и будто про себя прошептал – а Брен видел, как расширились черные точки в синеве: – И не приведи Мать-Природа, если он был прав и во всем остальном.

День уже перевалил за середину, а в воздухе был разлит тот прозрачно-перламутровый свет, за который поэты нарекли Предречную Лонгу Кандидой – Сияющей. Протектор и его гости, носясь по окрестностям виллы Пандия, нередко оставляли охрану далеко позади, и Брен посмеивался над Райном – десятник Рейгард никогда б не признался, что его беспокоит ответственность сразу и за Илларию, и за брата керла. «Едва ли этот Друз покусится на тебя, но рядом с протектором ты как мишень», – ворчал друг. «Мы будем осторожны», – заверял Брен, но они часто забирались в такие уголки, где, случись что, и помощи не дозваться. Оказалось, что вокруг Пандии издавна не вырубали лес – вначале он принадлежал императору Диокту, а после жрецы объявили вековые деревья священными. С содроганием Брен узнал, как вилла оказалась в собственности императорской казны, чтобы после перейти к Илларию. Протектор рассказывал о битвах, бушевавших здесь полтора столетия назад. В этих лесах лонги дрались с имперцами задолго до рождения Диокта и Райна Астигата, и один не в меру храбрый поселенец построил тут небольшую крепость и нарек ее именем жены – Пандия. Дом семейства сожгли, а всех домочадцев, и даже рабов, привязали к согнутым к земле деревьям, чтобы после перерезать веревки – вождь лонгов Рес Желтоглазый велел швырять легионерам под ноги куски мяса. «Так проходят все завоевания, – пожимал плечами Иллариус. – Самого Реса четвертовали на площади Гестии, на тот момент еще небольшой крепости, со всех сторон окруженной враждебной чащобой. Тогдашний консул Квинт Валер – да-да, предок Луциана! – отбив у врага Пандию и окрестные леса, разместил на месте пепелища своих солдат. Наследников убитого владельца не отыскалось, и консул решил: ныне земля принадлежит императору».

Каждый раз, уезжая от Пандии, Брен приподнимался в седле, смотрел на белые стены и думал о том, сколько крови было пролито в борьбе за Предречную – ведь еще почти сто лет лонги дрались за эти леса и лишь при деде Брена окончательно ушли за реку! – и столько же крови впитала земля Заречной. Пусть же Мать-Природа благословит Севера и Илларию, навсегда остановивших бойню! Уж хотя бы потому мир должен помочь им. Утром протектор и Райн с Бреном выехали из небольшого поселения – всего-то три дома, где жили лесники – и направили коней на запад. Охрана должна была нагнать их к вечеру, но Илларий был уверен, что уж сюда-то люди стратега Друза не доберутся. «Мы здесь в полной безопасности, это вам не Заречная. В окрестностях Гестии не водятся медведи и росوماхи, последнего бурого обитателя чащи видели здесь лет тридцать назад. А если и попадется что-нибудь крупнее волка, то справимся, нас же трое». Так странно было думать об опасности, исходящей от четвероногих, в местах, где зверство двуногих перешло все мыслимые пределы. Тропинки терялись в лесу, копыта лошадей мяли высокую траву, и солнце золотило кроны. Они забрались уже очень далеко, а Брен лишь радовался – он ни капельки не устал, а уж Илларий и Райн и подавно. Между ними брат керла казался себе перепелкой, которую стерегут два ястреба. В темных туниках армейского покроя, в высоких сапогах и железных наручнях, закрывавших запястья, друг и протектор были неуловимо схожи. Для таких людей никогда не наступает мир – слишком много битв миновало, слишком много ждет впереди.

Отведя от лица острую ветку, Брен вдруг заметил впереди широченный ствол с характерными наростами на коре. Неужели йермал?! Он лишь читал об этих деревьях, но никогда не видел. Некоторые ученые писали, что в шишках на стволе йермала сокрыто некое чудное масло, добыть его очень трудно, однако в конце лета жидкость сама струится по коре... вот бы посмотреть!

– Я сейчас! – он послал коня вперед, закрутив поводья вокруг луки седла – приходилось отстранять ветви руками, иначе он бы остался без глаз. Чащоба здесь была точно как в окрестностях Трефолы! В отсутствие медведей уже не очень верилось – какой-нибудь особо шустрый зверь мог и уцелеть во время облав. Йермал вымахал в три обхвата, а его листва тут же скрыла синеву неба – точно под полог шатра залез. Брен спешился, дотронулся до жесткой, звенящей от зноя коры и тут же вздрогнул. Почудилось, что дерево ответило ему смешком... ну точно, где-то смеются! И это не протектор с Райном – в другой стороне... Оставив шишки, на которых, впрочем, не обнаружилось никакого масла, брат керла пошел вперед и, обойдя еще несколько таких же гигантов, выбрался на густо заросшую ягодами поляну. Кусты нещадно царапали колени, и он пожалел, что в гостях перестал надевать штаны – ему было удобней в тунике и набедренной повязке, чего никогда не мог понять Север... Смех перешел в залиvistый свист. Кто же может забраться так далеко от любого жилья? Охотники обычно не шумят на весь лес. Тьма ударом обрушилась на разум, сердце зашло болью, кровь потекла в рот... Он увидел всех троих одновременно – и тех, кто смеялся, и того, что опасней любого хищника. Двое парней в домотканых туниках хохотали и барахтались в траве, рядом валялись рожки и мотки веревки – должно быть, пастухи, в летний зной бросившие свое стадо, – а позади них выросла черная тень. Мальчишки – один рыжеватый, второй темноволосый, как Райн, – им же лет по пятнадцать! И они не видят... нет, увидели! Тот, что постарше, обернулся и заорал коротко, а тень двинулась к ним. Уши резал нестерпимо высокий вой, и пот заливал глаза. Он не успеет! Нет, успеет... он не даст загубить еще две юных жизни, как загубили его собственную. Отнять радость любви, отнять силу... один из парней – аммо, и серокожий, конечно, нацелился на него. Вот поднялась когтистая лапа... сейчас Инсаар ударит раф, чтобы тот не мешал, пока нелюдь станет насиловать и пить его товарища, а аммо покорно разведет колени, потому что не сможет сопротивляться мороку.

Брен точно знал, что толкнуло его навстречу тьме. Никогда. Никого. Больше. Не покалечат. Иначе зачем была его изломанная жизнь?! Зачем была война?! Он не илгу и не может драться с нелюдем, зато может отвлечь Ненасытного – пусть пьет его, а мальчишки сбегут... они здоровы и полны жизни, пусть живут! Три шага или тридцать? Он не знал. Гибкая, как молодая ветка, лапа замерла в воздухе, огромные черные глаза в упор разглядывали новую добычу.

– Пей! – заорал брат керла. – Меня пей! А вы – бегите!

Парни приникли к траве, внутри нелюдя родилась воронка – серокожий был еще молод, сила пьющего не так велика... но Брену хватило. Будто молот ударил куда-то в живот, ноги подкосились, и он рухнул в траву на колени. Пронзительный вопль – должно быть, собственный – звенел в голове... тошнота, боль... и тьма. Сила рвалась из него наружу – огромная, всепобеждающая... и хорошо, сейчас Быстроразящий напьется, а мальчишки останутся живы. Силы много, хватит на всех, на весь мир, пусть в последний раз перед смертью высушенный ammo напоит леса и реки... качаются холодные волны, несут его куда-то, и смеется Флорен... звезды над головой, а потом – на ладонях. Звезды силы, искры боли и невиданного счастья... отдать себя. Дар. Дар жизни, любви и силы. Пей меня, пей!

– Прочь! – высокий человек прыгнул навстречу клубящейся тьме – Иллари! Чьи-то руки подхватили Брена, попытались поднять с травы – но боль наконец ушла. Ему так хорошо, и волны качаются, держат его... это руки Райна. Две воронки сцепились лишь на секунду, а потом нелюдь уступил илгу, и клуб тьмы окутал всех разом.

– Вот же мразь! Протектор, а ты не умеешь... ну, этот... ноо делать?! Давай догоним!

«Не сходи с ума, Райн», – хотелось сказать Брену, но сил не осталось совсем...

– Благородный Иллари! Мы ничего не делали, просто...

– Да знает благородный, что вы ничего не делали. И все едино – казнить бы вас! Не могли в каком-нибудь хлеву в зад друг дружку отодрать? Обязательно в лес нужно тащиться? Из-за вас серая сволочь сюда пришла! – Райн держал его на коленях, прижимая и укачивая, точно ребенка. А виноватый мальчишеский голос – это те пастухи, наверное... Солнце все так же медленно и величаво клонилось к закату – Брен пробыл без сознания недолго. Мать-Природа Величайшая! Он выжил, Инсаар не тронул его, но почему?!

– Брен, выпей, – у Иллария был странный голос – монотонный и пустой. – Как ты себя чувствуешь?

Брат керла с наслаждением глотнул воды, потом гестийского из фляги и постарался улыбнуться, чтобы успокоить протектора. Говорить не хотелось совершенно. Хотелось лежать вот так – на руках Райна – и, зажмурив глаза, следить за солнцем... тепло! Тело было знакомо и ново – томительно, щемяще-сладко... так странно!

– Брендон! – Каст начал злиться. Нет, просто боится, потому и говорит так.

– Голова немного кружится, Иллариий, а так все хорошо. Я сейчас встану.

А волны все качаются. Огромные валы внутри него – точно большой ласковый зверь.

– Никуда ты не встанешь. Астигаты безумны – все, без исключения, я всегда это говорил. Для чего тебе это было нужно? Ты забыл, что ammo и раф беспомощны перед Инсаар? Отвечай! Отвечай, я сказал! – в противоположность сердитым словам Иллария, сильная рука поглаживала плечо Брена – ласково, встревоженно. Брену стало стыдно.

– Благородный Иллариий, мы...

– Райн, вели этим вонючим дурням немедленно убираться.

Бедные мальчишки! А что бы с ними было, если бы нелюдь выпил его? Но почему серокожий не забрал его силу?

– Слышали, что протектор велел? Пошли отсюда, а то сейчас так обоим... Неутомимый медом покажется! Вот срублю вон ту дубину и...

– Райн, пастушки не виноваты! Они просто смеялись и хотели жить.

Друг наклонился к его лицу, отвел волосы от глаз и тут же убрал руку – а жаль. Теплая волна внутри потянулась навстречу – приласкать, обнять, напоить...

– А кто виноват, ты? Зачем полез-то? Вот же...

Брен, не чинясь, взял Райна за руку, притянул к себе прохладную ладонь, прижался лицом – так хорошо! Друг коротко вздохнул и притих. Вот пусть сидит так и молчит – и не ругается. Хватит того, что Иллариий сейчас оторвет ему голову.

– Твой поступок – огромная глупость, – голос протектора был как зимняя стужа. Брат бы сказал сейчас: «Вот она, Холодная Задница!» – Счастье, что Инсаар узнал тебя – а может, меня – и вспомнил про договор. Нападение на кого-либо из нас – повод разорвать все соглашения, отменить обряды и вновь начать войну, и нелюди об этом помнят. Давно они не набрасывались на людей – последний раз в начале лета. Выпили десять человек на дальней стоянке. Должно быть, им не хватает, потому и берут силой – вновь. В первый год нападений не было.

– В первый год в Заречной обряды справляли чуть не дважды в месяц, – вставил шепотом Райн и, осторожно отняв ладонь, приподнял Брена. – Сесть можешь?

– Заверни его в плащ и посади в седло. Мы уезжаем. И прошу тебя, Брендон: в следующий раз, когда решишь свести счеты с жизнью, предупреди меня, пожалуйста!

Только на подъезде к вилле протектор перестал злиться. Брен не винил его – жизнь с половиной души и силы подточила мощь илгу, Иллариий испугался, что не сможет выпить Инсаар, защитить брата Севера. А страх у карвиров всегда был поводом для ярости. Протектор сам довел гостя до лежанки, хмуро проследил за тем, как рабы купают его и устраивают в постель, и не позволил ни шагу самостоятельно сделать, несмотря на все уверения: Брен-де себя неплохо чувствует. Потом велел спать и ушел, а брат керла еще долго лежал, наслаждаясь медленным покачиванием внутри себя. Толчки огромных

волн точно смирялись от усталости и покоя, но продолжали будить в нем нечто сокровенное и совершенно непонятное. Засыпая, он чувствовал близость сидящего рядом Райна, и волна неудержимо катилась к другу. Как же он все-таки отважился на такое безумие – кинуться навстречу нелюдю? Илларию прав, что ругался.

Утром раб принес Брену отменный завтрак. Перуниец улыбался во весь рот, расхваливая кушанья, кои кухонные работники с рассвета готовят для роммелета Брендона. Уходя, парень зачем-то поцеловал ему руку, что немало подивило – слуги Иллария всегда отличались сдержанностью и лишней раз не угодничали. Две рабыни вытирали пыль в большом приемном зале и пели, а после к звонким голосам добавился бас – девушкам подпел командир стражи, и песня прервалась громким смехом воинов. Брен торопливо поел, гадая, разрешит ли протектор ему сегодня встать. Он же хорошо себя чувствует! Но, когда тот вошел в его спальню, брат керла по сдвинутым сердито бровям понял: не видать ему прогулки, сейчас начнется очередная выволочка. Протектор замер у двери, посмотрел на гостя так, точно тот был особо важной картой в расположении войск противника – внимательно, настороженно, – и вдруг в два шага преодолев расстояние от двери до кровати, порывисто обнял, прижал к себе, не желая отпускать. Илларию улыбался, и эта белозубая улыбка – счастливая, торжествующая – казалась настолько странной на измученном слабостью лице... Брен и Райн только переглянулись пораженно, когда протектор, еще раз стиснув плечи брата карвира, чуть не бегом вылетел из спальни, предупредив, что едет сегодня по делам, но вечером вернется. Илларию Каст никогда не позволял себе таких вольностей, он и любовника-то на людях не обнимал, что на него нашло, недоумевали оба. Что вообще на всех нашло?! Утро было чудесным, и все обитатели Пандии точно купались в счастье. Гости виллы бродили по усаженным розовыми магнолиями дорожкам, и Брену казалось, что в темных глазах Райна таится то же блаженное сумасшествие, что и в синих глазах протектора. За ужином Илларию то и дело замолкал на полуслове, и брат керла был уверен: тот наблюдает за ним, вслушиваясь в неведомое... Более подходящего для важного разговора расположения духа представиться не могло, и Брен решился. Попросил Райна оставить их наедине и начал излагать свои мысли, еще раз перечислив все доводы, свидетельствующие о выгоде договора с архонтом Остериума. Пусть только карвиры встретятся в условленном месте. Хозяин и гость сидели на веранде, вновь трещали неугомонные цикады, Илларию потягивал легкое вино – а Брен очень старался! «Только на один день, вы встретитесь, поговорите с архонтом, и он напишет завещание союзу Лонги на свои рiereы земли. Чего проще?» Расписывая склады и торговые дома, принадлежащие архонту, напирая на урезанные аппетиты магистратов города ученых дураков, Брен вдруг заметил, что собеседник не слушает его. Просто смотрит внимательно, чуть кривя жесткие губы. Не верит. Не хочет.

– Все это прекрасно, Брендон, – Илларию точно выталкивал из себя слова, – но он не согласится.

Опять это «он»! Жалея, что не может отвесить протектору подзатыльник или хотя б наорать, как орал на родного брата, Брен спросил в упор:

– А ты – согласен?

Тишина стала осязаемой – даже цикады, кажется, примолкли.

– Что тебе сказать, Брендон? Хочу ли я его видеть? Я каждый день не хочу просыпаться, потому что никогда его не увижу, – Илларию произнес это просто и спокойно. Безднадежно. А брат керла счастливо рассмеялся:

– Тогда дело за малым – я напишу брату, и вы встретитесь... Не смотри на меня так, Север согласен! Слышишь? Прежде чем ехать в Гестию, я говорил с ним, и он... словом, не нужно думать, будто Север...

– Он простил меня? – быстро перебил Иллариий и отвернулся. – Я знаю его гордость – глупую упрямую гордыню Севера Астигата... но, накажи меня Мать-Природа, сам я – еще хуже.

Какие они странные – оба! Разве можно вести речь о прощении, когда всевластные чары зовут друг к другу?

– Просто послушай себя – и будешь знать ответ, – Брен встал, с удовольствием потянулся и добавил: – Я пишу брату о встрече в Мирасе, на границе с Остериумом – через месяц. Иллариий?

Пепельный затылок, напряженные плечи. Тишина, молчание. И потом глухое, тихое:

– Да.

«Уговорить Илларию оказалось – чудо просто! – неожиданно легко», – думал Брен на следующее утро – такое же радостное и солнечное. Ему хотелось поделиться с Райном своей победой. Он торопливо рассказывал другу то, что мог рассказать, а тот все равно ворчал: карвиры, мол, и сами бы могли давно понять, ты опять все за них сделал. «Ничего подобного, – возражал Брен, привычно подставляясь ловким рукам своего охранника, пока тот накидывал ему на плечи плащ – они собирались съездить в городок Пандия, что славился ремеслами и особенно ткачами. – Если б Север и Иллариий не поняли, не захотели, ничего бы не вышло. Просто они хотят быть вместе и простили обиды». Райн возмущенно фыркнул и принялся возиться с фибулой. Широкая жесткая ладонь легла на обнаженное плечо, сжала ласково, и теплая волна внутри вдруг стала раскаленной. Огненный поток завертелся внизу живота, бедра свело... Брен прикусил губу, чтобы не вскрикнуть, и отшатнулся испуганно. Жаром опалило даже руки и грудь, его затрясло от непонятного, забытого чувства, такого острого, что колени подогнулись.

– Прости, – Райн быстро отступил, и радость словно губкой стерли. – Ты лучше сам...

Друг вышел, а Брен так и остался стоять посреди своей спальни, разглядывая не застегнутый плащ, упавший на пол. Он обидел Райна? Захотелось побежать, догнать, объяснить: после нападения Инсаар с ним творится нечто странное, – но он не побежал. Что он скажет сыну Крейдона, если сам ничего не знает? Брен вылил себе на голову кувшин холодной воды и до вечера пытался читать, писать, но не мог сосредоточиться. За все время пребывания в Пандии он отослал лишь одно письмо – вчера ночью, в Трефолу. Скоро Север его получит. Просто он разленился, вот и лезет в голову всякий бред! Но отчего так ноет все тело и так кружится голова – не привычно, а будто дурмана объелся?

Райн вернулся вечером. Друг сам съездил в городок, поговорил с мастерами – завтра они придут к роммету Брендону, если тот пожелает. Сын стратега армии Лонги говорил спокойно, без всякой обиды, только старался не поднимать глаз и не остался ночевать в спальне Брена. А Брен долго не мог заснуть, все вслушивался в ночную тишину виллы и задремал лишь под утро – на полчаса, не больше. Сон был легким и

светлым: они с Райном сидели в высокой траве, даря друг другу ручки и поляны... а потом твердые губы нашли рот Брена. Друг целовал его... целовал! И как же это было!.. Неподвластная разуму сила скрутила живот и бедра, в паху все налилось тяжестью, руки Райна сжали его, опрокинули на траву. Брен проснулся за миг до того, как липкая струя испачкала покрывала и судорожно прижатую к паху ладонь. Семя. Он, двадцатидвухлетний мужчина, тупо смотрел на собственное семя – ведь так не было шесть лет, долгих шесть лет бессилия и отвращения. А теперь желание вернулось. Брат керла распахнул окно, высунулся по пояс, и холодная каменная кладка хоть немного притушила пожар в чреслах. Неужели? Он боялся верить. Иллариий – ах, хитрец! – все понял и промолчал! Почему?!

Едва набросив на себя первую попавшуюся одежду, Брен понесся в спальню хозяина, растолкал охрану и вломился внутрь. Протектор не спал. За окнами занималась заря, а Иллариий Каст что-то быстро писал – видно, привык не спать ночами.

– Оно... не исчезнет?

Карвир брата рассматривал его с веселым удивлением. Конечно! Илгу всегда острее чувствуют силу, которую можно выпить – силу обильного аммо!

– Иллариий!

Протектор протянул руку, сжал дрожащие пальцы Брена, усадил рядом с собой. Казалось, илгу чувствует пробуждение тела – запах семени и страсти.

– Долго же до тебя доходило, – усмехнулся Иллариий. – А я еще хотел предложить твоему брату назначить тебя наместником союза Лонги. Ты ведь давно выполняешь подобные обязанности, пусть теперь все знают...

– Иллариий! – Брен был не в состоянии думать ни о чем другом. Да пусть карвиры его хоть императором назначают! – Это все тот Инсаар?

– Я еще не понял до конца, но главное – стены в тебе больше нет, и силу ничто не держит. Берегись, Брен! – протектор смеялся, словно мальчишка. Ну точно, бестия имперская, брат прав!

– Чего мне беречься? – какой глупый вопрос! Обильному аммо грозят тысячи бед – и от людей, и от нелюдей. Но какое же счастье знать, что сила вернулась, и он может поить мир, отдать себя...

– Скажем так: многие возжелают испить из такого источника. Тебе лучше сразу же выбрать подходящего человека, иначе за тобой будет таскаться хвост из жаждущих. Найти любовника...

– Я уже выбрал! – Брен перебил протектора на полуслове и, вскочив с лежанки, кинулся к двери. Ему даже стыдно не было! О чем тут думать? Он пойдет прямо к другу, вот только смоет с себя следы ночного сна. И пусть Райн решает. Если ему нужен Брен на ложе, он скажет об этом прямо, если же нет... Брат керла не знал, что с ним будет тогда, но дивное чувство уверенности, пришедшее вместе с силой, вело его за руку. Нет, тащило за шиворот!

Моясь, он посмотрел на шрам. Друг видел эту отметину тысячу раз, видел и другие – те, что зашивали имперские лекари. Стало страшно. Он с размаху хлопнулся на лежанку в купальне да так и сидел, комкая в руках покрывало, а сила перекатывала волны внутри него. Рвалась на волю из многолетнего заточения. Тут и нашел его Райн – когда в зарешеченное окошко над потолком купальни начали пробиваться первые лучи. Брен лишь измученно поднял на десятника глаза. Сейчас он все поймет, и никакие слова не нужны. У него не хватит мужества услышать прямой отказ, потому что ближе Райна не будет никого в целом свете. Хорош будущий наместник, сидящий нагишом в купальне и облизывающий пересохшие губы. Райн не возился бы с ним, вызывая его тело отвращение, верно ведь? Но друг так быстро отдернулся утром...

Райн потянул из его рук шелковое покрывало, а Брен поднялся и раскинул руки. Вот я – хочешь, бери. А не хочешь, лучше уйди сейчас, потом я смогу вернуться к прежнему – спокойной дружбе. Может быть, смогу. Он без слов умолял друга понять. Тот переставил кувшин на мраморный стол, сделал еще что-то и выругался:

– Брен! Ты уж лучше прогони меня, а? Ну, пожалей! – Райн Рейгард – высокий, сильный, в одних штанах и легкой тунике – стоял перед ним, и Брену даже кулаки сжать пришлось, потому что желание творило с ним страшное.

– С тобой что-то стало... я больше не могу, – задыхаясь, говорил Райн. – Хочешь свихнувшегося на тебе охранника рядом? Хочешь?

– Хочу! – звонкий крик, казалось, перебудил всю виллу, но брату керла было все равно. Он сделал маленький шагок навстречу, сжал ладонь друга, приложил к своей щеке. Сила рванулась, окутав их обоих туманом счастья. Дальше он помнил плохо. Только то, как Райн стиснул его плечи, да огромные темные глаза напротив – непонимающие, неверящие. А потом в них загорелись искры. И танцевал огонь, разделенное пламя, и ладони уже лежали на бедрах, а Райн целовал его – как во сне. Помнил собственный громкий стон и страх ожидания боли, неясного, непостижимого – будто с ним в первый раз такое. Брен рванулся назад, едва не падая, плоть напряглась, точно каменная... опустил глаза, посмотрел на набухшую головку – и его заколотило, словно в припадке, но друг прижал его к себе, удерживая силой, и дрожь прошла. Утихла, подчиняясь ласковой просьбе. А еще помнил, как горели и ныли губы от поцелуев, как Райн потом встал у него за спиной, касаясь губами затылка, обнаженных плеч и наконец рухнул на лежанку, притянув его к себе. Разноцветный мрамор стен плясал в хороводе, босые ступни горели, точно он стоял на углях. Губы дотронулись до его живота... темноволосая склоненная голова – жесткие пряди щекочут кожу... и вдруг осторожное прикосновение – к паху, к истекающей соком плоти. Райн крепко держал его за поясицу, иначе освобождение швырнуло бы Брена на пол. Белые капли собственного семени на пальцах любовника, звон в голове и неутоленное желание. Морок – настоящей, не поддельной страсти – не рассеялся! Бедра сводило от напряжения, телу требовалось еще и еще – наваждение. Голод и истинная близость. Страх от творящегося с ним и огромная благодарность – ты принял меня таким, как есть, Райн! А мне ты так нужен! Всегда был нужен, а сейчас стократ. Брен раздвинул ноги – так, чтобы бедра Райна оказались между ними, свел колени и со стоном придвинулся ближе, подставляясь губам и ладоням. Осторожно коснулся темных волос, потом потянул ворот туники.

– Пожалуйста!

Райн понял. Они всегда понимали друг друга – и это ценнее всего. Стащил тунику, бросил на пол, и Брен дотронулся подушечками пальцев до темного соска. Будет ли другу

приятна та же ласка, что и ему самому? Он смутно помнил, как отзывалось на подобное его тело... так старался все забыть – и забыл... немыслимо! А теперь, будто мальчик на первом Ка-Инсаар, не знает, как ласкать мужчину. Райн быстро прижал его пальцы ладонью, ткнулся головой в живот:

– Ты... ты потом меня не прогонишь? Тебе не станет плохо?

Да что он говорит такое?! Как это – прогнать? Брен не представлял себе, как день начнется и кончится – без него. Стиснул широкие плечи ладонями и стал целовать – с голодной жадностью, чувствуя, как вновь наливается желанием плоть. Райн вдруг отстранил его и встал. Дернул завязки на штанах, стянул... как же красиво, вечно бы смотрел – сильные мускулы на бедрах, твердый живот, темная дорожка в паху. Крупная головка, видно, как вены вздулись от того, что кровь прилила. Такое желание мужчина не подделает! Вновь мучительно свело бедра – как это будет, если он сможет принять это в себя. Сможет ли? Мысли метались в голове, точно листья на ветру осенью, а Райн просто стоял и смотрел на него. Все зависит от тебя, Брен Астигат. Делай, что хочется. И Брен обхватил пальцами крепкую плоть, провел несколько раз – вверх-вниз, и захлебнулся стоном. Любовник быстро обнял его, подхватывая под спину, ладонь легла на ягодицы, но не сжала – иначе Брен бы просто умер от дикой смеси ощущений... Они коснулись губ друг друга, рука не отрывалась от паха, и семя, густое семя его любимого впервые испачкало ладонь. Он смотрел на белые капли, борясь с искушением поднести руку ко рту. Попробовать на вкус, насладиться сполна. А Райн прижимал его к себе и шептал что-то в волосы. Успокаивал, гладил по спине, потом подхватил на руки – да, Брен не мог идти сам. Слабость обрушилась неожиданно, и он заснул, лишь только голова коснулась подушки.

Проснувшись перед закатом, Брен увидел сидящего на краю ложа Райна. Друг спал, свесив голову на грудь. Так было тысячи раз, но сегодня все иначе. Первая мысль, пришедшая в голову, была жуткой: ему все приснилось – и ночной разговор с Илларием, и пробуждение тела, и теплые капли на пальцах! Ничего нет, ни любви, ни близости – он всем на свете должная «погибель»... Но мягкие властные волны, согревающие его изнутри, дарящие миру силу, никуда не делись, и страсть не утихла. А любимый так близко! Брен протянул было руку, но за первой мыслью пришли вторая и третья, не менее пугающие: Райн столько лет провел возле него как самый надежный друг, так почему никогда даже не намекнул? Не хотел связывать себя? Как спросить о таком? Имеет ли он права спрашивать? Да и как он удержит любовника, если не может даже представить, что станет с его искалеченным телом, когда мужская плоть войдет в него? Брен уже сейчас знал, чего хочет: полного обладания собой, хочет с неистовой силой. Только так можно отдать миру свой Дар. И только так можно подтвердить и доказать освобождение и стремление быть рядом с самым близким человеком – принадлежать ему всецело. Он думал о том, как близки ему карвиры, но Райн... каким божествам он должен вознести хвалу за такой подарок?

Пока Брен колебался, Райн проснулся, поднял голову. Страх в глазах десятичника боролся с желанием – отражением собственных тяжких раздумий. И брат керла, отбросив сомнения прочь, потянул любимого за край туники, заставив лечь рядом.

– Ты почему сидя спишь? Я же здоров, – голос плохо слушался, а ладонь помимо воли забралась под одежду, улеглась на твердые мускулы, погладила. Райн быстро накрыл его ладонь своей и ответил шепотом:

– Хотел знать...

Брен не дал ему договорить. Нетерпение убедиться в своем счастье торопило нещадно, и он, приподнявшись, приник губами ко рту Райна. Связный разговор возобновился лишь через полчаса, когда покрывала испачкало двойное наслаждение. Любовник не попытался взять его, даже не дотронулся до входа, и за это можно было только благодарить – им и так хорошо. Невероятно хорошо!

– Ты останешься в моей спальне? Если хочешь, найдем другую, удобней, – он смотрел, как ладонь друга ласкала его бедро, и с незатихающей тревогой ждал ответа. Да, Райн навсегда останется ему прежде всего другом – как иначе назвать человека, коему доверяешь больше, чем себе?

– Мне все равно, где спать, лишь бы с тобой! Только вот что... Брен, я не вижу разве? Ты сейчас будто с цепи сорвался, а после можешь передумать. Ты достоин большего, чем простой десятник... – Райн говорил с трудом, но совершенно убежденно, слова его были выстраданными. И Брену впервые пришла в голову мысль: пять лет подряд – а может, и больше – он был слеп, как крот! Ругал карвиров за недомыслие, а сам не видел рядом такого сильного чувства. Прежде чем осуждать других, присмотришься к себе – когда же до него дойдет эта простая истина?

– Ты для меня лучший. Лучше всех и много больше, чем я заслужил. Вот так.

Они проводили вместе каждую ночь, до тех пор пока Иллариий не приказал готовиться к отъезду. Протектор, со свойственной ему отстраненной сдержанностью сделал вид, что не заметил изменений между братом союзника и охранником, но по тому, как Иллариий говорил с Райном, Брен понял: илгу одобряет его выбор. Во всяком случае, шутил протектор, в его владениях рабы и стражники перестали сходить с ума от близости сильнейшего аммо, вся радость теперь достается лишь одному человеку. И это хорошо, делиться следует лишь с тем, кого выбрало твое сердце, и с миром – а прочие обойдутся. «Только пьющий может думать так, – отвечал Брен, смеясь. – Дары принадлежат всем, в противном случае они превращаются в Жертвы». Иллариий решил проводить гостей до крепости Трибул, где шесть с лишним лет назад познакомились брат только что избранного вождя лонгов и консул провинции, выкравший «погибель» и тем положивший начало великим событиям. Из крепости протектор поедет на юг – к городу Мирас, а гости вернутся домой в Заречную. Уезжая с виллы, Брен никак не мог насмотреться на белые мраморные стены – здесь он был счастлив, а что будет дальше? Вместе с ними в сторону реки Лонга уезжал гонец. Не получив ответа от Севера, брат керла начал беспокоиться – тот должен был подтвердить свою готовность к переговорам – и потому отправил еще одно письмо.

«Я возвращаюсь в Трефолу и очень надеюсь не застать там моего брата и господина, хоть и хочу тебя видеть, Север. Но видеть – счастливым».

**Год от основания Отца городов Риер-Де 879
Десятый год союза Лонги**

Вилла Клеза

«Я возвращаюсь в Трефолу и очень надеюсь не застать там моего брата и господина, хоть и хочу тебя видеть, Север. Но видеть – счастливым».

О, Клезе до сих пор далеко до виллы Пандия! Нет ни разноцветного мрамора, ни изумруда тщательно распланированных лужаек, ни тем более – магнолий, нежные южные деревья не растут под Трефолой. Север и Иллариус сотни раз предлагали ему отстроить в Клезе большой дом из камня, но Брен отказывался, и Райн был с ним согласен – их «вилла» и так хороша. Только теперь деревянный тын сменился высоким каменным забором, да удобств прибавилось, а толстые бревна защищают от морозов и зноя не хуже мрамора. Как бы ни была мила Предречная, дома все равно лучше, особенно когда намечается перерыв в войне. Райн шутил, что имперские стратеги тоже имеют обыкновение уставать, отводить войска на перегруппировку, ругаться между собой и с императором – а вот Брену было не до шуток. Из-за проклятой, насмерть надоевшей войны он редко видел любовника, так что эти дни в Клезе драгоценны, а Райна где-то носит! Здесь они никому не должны и не обязаны – даже карвирам и союзу, только сами себе. И Брен Астигат вполне может себе позволить то, чего никогда не позволит наместник керла Заречной Лонги и протектора Предречной – показать недовольство и даже губы надуть... Любовник приподнимет ему подбородок и скажет: «Такой рот только и целовать, дуйся чаще, Брен!» А потом они пойдут в дом, поднимутся по широкой деревянной лестнице... и будет ложе из мягких темных шкур и острая радость...

Как дорого далось им счастье полного доверия! Каждый день на вилле Пандия, а потом в крепости Трибул Брен давал себе слово: завтра ночью он это сделает. Пересилит страх и сомнения, откроется полностью. Но упрямое тело не слушалось, а Райн не настаивал. И все равно это был отменный год, чуть не лучший в его жизни – шестой год союза Лонги, когда за внешней бездеятельностью совершалась огромная работа. Ткань бытия срасталась петля к петле, и жизнь готовила новые перемены, а дни бежали стремительно. В крепости Трибул еще было жарко, но близость осени давала себя знать – листья пожелтели, и все чаще набегали тучи. Иллариус почти перестал разговаривать – он ждал ответа Севера, не находя себе места, а Брен ругал упрямство брата – отчего тот молчит?! Не может быть, чтобы керл не получил двух посланий! В последний день пребывания гостей протектора на территории Предречной, в крепость влетел гонец с бляхой почтовой службы Совета хоноров. Воин клялся, что гнал во весь опор, но не застал роммелета Иллариуса ни в Гестии, ни на вилле и наконец с трудом отыскал там, где никто и предположить не мог. «Вот пакет, протектор! Не карай за промедление, помощники мало осведомлены о твоих передвижениях, это хорошо против согладатаев, но плохо для союзников». Иллариус при словах гонца прикусил губу. Позже Брен понял: Иллариус намеренно мало кому сообщил о своем желании проводить гостей – дурная, упрямая гордость! Просто не хотел, чтобы его карвир знал: протектор рванул к клину Мирас, так хочет встречи... Неисправимые, ругался мысленно брат керла, но ровно до тех пор, пока Иллариус не сорвал шнуровку и печати с пакета. Брен до сих пор был уверен, что именно то странное и такое своевременное послание дало ему самому решимость сломать в себе последние преграды. Совершенно незнакомый почерк, если подобные загогулины можно было назвать почерком. Иллариус прочел письмо вслух, поднял на гостей невидящие глаза, потом сжал пергамент в руке и быстро вышел, а Райн с Бреном молчали потрясенно.

«Иллариус, я буду в Мирасе на двенадцатый день месяца трав, ровно в полдень».

Год от основания Отца городов Риер-Де 874
Шестой год союза Лонги

Крепость Трибул

«Иллариус, я буду в Мирасе на двенадцатый день месяца трав, ровно в полдень».

Письмо лежало на столе. Протектор Предречной Лонги даже отступил на шаг, но все равно видел дорогой остерийский пергамент. Свернутое в трубку проклятье. Каракули. В каждом слове по три ошибки – только имя написано верно. Ну еще бы, столько раз смотрел из-за плеча, как союзник ставит подпись – косые, ровные буквы – так сам и написал, а вот остальное... Шестилетние дети грамотней Севера Астигата, немислимо.

ИллариЙ отпустил намертво прикушенную губу, отвернулся. Не смотреть, не смотреть, лучше просто уйти....

– Скотина!

И шагнул к столу, схватил письмо, прижал к лицу. Жесткие края оцарапали скулу. Пахло воском, дорожной пылью, болью... Ледяные тиски отпустили на миг, он глубоко вдохнул и отнял свиток от губ. Прочел еще раз, потом еще и еще – не мог насытиться, точно голодный зверь. А после опустился в немилосердно скрипящее кресло – в Трибуле так никто и не удосужился сменить обстановку! – и уронил руки между колен. Чудовище мое неграмотное... сам написал. Наверное, ругался нещадно, швырял ни в чем не повинный стилос, перепачканной мастикой рукой поправляя выбившуюся прядь. Короткие строчки с ошибками – признание готовности пойти на многое ради неверной дряни, ради любовника, с коим три года не делил ложе. Примириться, пересилить собственную натуру, принять и простить – и самому получить прощение. Неужели?... Они встретятся, и ИллариЙ увидит свое счастье, свою вечную беду, и, может быть, даже сумеет втянуть ноздрями горький и терпкий запах лесных трав? Так будет? Он так часто ошибался в Севере! Мальчишкой мечтал о неземной любви, о стихах и звездах, а влюбился в широкие загорелые плечи, золотые встрепанные пряди, бесшабашную ухмылку, злые темно-серые глаза. В страшные ругательства, хамство похода, привычку бить морды. В раздвоенный язык, никогда не говорящий правды, в острый ум человека, знающего, что он хочет, и не признающего желаний других. В дикую гордыню и безумную ярость. В варвара Севера Астигата.

И не было стихов, и в любви признался так, будто пригрозил, а потом сдержал свою угрозу. Ты почти убил меня, Север. Свел с ума – это не метафора, правда. Поэты глупцы, все до единого, они пишут, как сходят с ума от любви, но понятия не имеют, о чем пишут. Как хорошо, что ты ненавидишь поэзию, Север... Мы не давали имена созвездиям, не пели в венках на солнечных полянах, не носили друг друга на руках, не делали тысячи тех глупостей, что творят влюбленные. За что я полюбил тебя? За «девку худосочную», за смерть Максима, за нарушенную присягу? За убитых твоими воинами товарищей? За взятую Гестию и за сделку с нелюдями – самую подлую на моей памяти сделку... За начищенные физиономии «гусаков», за страх Гая Арминия? Или – за пробужденную страсть и боль так и не понятой утраты? Все кончено! Все кончено. Кончено. Я так устал повторять эти слова, и если ты сейчас обманешь, я тебя убью.

Ха! Неправда, не выйдет. Сотню раз хотелось сделать это, навсегда перерубить нить, что крепче корабельных снастей, избавиться от рабства. Ты согнул меня, ткнул лицом в землю, из-за тебя виски покрыла седина – а я любил. Ты выкинул меня из своего дома, обзывал предателем, не верил и ничего не прощал – а я любил. Так за что?! За глоток воды связанному побежденному противнику, за хриплое «Лар!», за робость и нежность сильных ладоней на моем теле? За наслаждение, что не получить ни с кем другим? Да и кто они – эти другие – рядом с тобой? Ты начало и конец, Север, моя кровь, мое сердце. Может ли жить человек, если у него вырвали сердце? Я пробовал – не

выходит. Три года, будто приговоренный к пожизненной каторге на галерах, проклинал свои цепи и неволю... и так хочу вновь надеть ошейник. И пусть щелкнет кнут над головой – я улыбнусь в ответ. Гордость? Где она? Была ль когда-нибудь, если я полюбил тебя? За твердые слова: «Я не хочу надевать тебе ремень на бедра. Бери меня. Сейчас». За острое счастье обладания, объявленную нелюдям войну, вздернутый подбородок, желваки на скулах и такое дурное, такое гордое – «утрется!» Мы карвиры, а весь мир пусть утрется. Мир так и поступил, Север, но и мы тоже... А еще за твоего «мелкого», такого дорогого мне человека, что иной раз кажется – не будь Брена, не было б и нас с тобой. Ему можно сказать то, чего я никогда не скажу тебе, приласкать так, как мне хочется – мучительно хочется! – приласкать тебя. Но я никогда не мог этого сделать.

Проклятье. Иллариий вновь поднес к глазам письмо. Он не верил, да и как можно поверить, если собственными глазами видел ухмыляющегося красавчика на коленях карвира и скотские, украденные ласки – те, что не должны были достаться никому, кроме него самого? Собственными ушами слышал: «У него задница узкая, не то что у блядей некоторых». Дурак. Чего хотел, собственно? Будто не знал... ведь Север сам сказал, открыто и честно, что сделает с любовником, если узнает об измене. Союзник пригрозил убийством – и убил. Убивает не только сталь. Иной раз слово и поступок – такой мелкий и незначительный, подумаешь, привести в наш дом, в нашу постель другого! – убивают куда вернее. И можно будет истерзать себя виной – ты первый начал! Своими руками в ключья разорвал и счастье, и близость... а было ли оно, это счастье? Почти год из трех казалось – погнался за выдумкой, дал заманить себя в капкан, утопить в унижении, в дерьме... и Иллариий остервенело рвал нить, не желая сдаваться. Уничтожить, сломать! Не существовало никогда жара и муки сокровенного единства. Нельзя вспоминать! Нужно работать и жить – и не думать об этом! Но старое заклинание не помогало, даже напиток толком не мог. Лишь брал кубок – и вставали перед глазами пьяная ярость в любимых глазах, разбитая бутылка, смех чернявого командира когорты, разбитая жизнь... метался в четырех стенах, седлал ночами коня и носился по окрестностям Гестии – в тайной надежде свернуть шею. Не свернул, а пропасть росла, нить молчала зло, и однажды пришло отрезвление. Все кончено – по твоей вине.

Зачем было нужно любовное приключение в Перунии, если теперь даже лица не помнишь этого Гая Таллия? Чтобы доказать самому себе: я не раб Севера Астигата, проживу без него. Доказал?! Душный воздух спальни, чужой смех, ненужный, почти ненавистный, торопливые движения в темноте – не мог в глаза смотреть своей глупости – и расставание наутро. Кажется, Иллариий сказал тому человеку что-то грубое... вот и вся измена. И звериная тоска – лишь сильнее натянулась нить от попытки порвать... должно быть, именно тогда Север все понял – уже и слухи не потребовались. Риеры пути, негаснущий зов души и тела... распахнуть тяжелые двери в нашей спальне в Трефоле и увидеть. Просто увидеть, услышать любимый голос, пусть выкрикивающий ругательства. Страх – карвиру все известно и Илларию Каста не пустят в город, нелепый приказ выслать навстречу охрану... Север все знал, но пустил, и от унизости, мелочности собственного поведения дрожали пальцы. Хотелось отплатить за мучительное и абсолютно невыполнимое желание просить прощения и получить его. Пусть подойдет и обнимет – и все исчезнет. Север не простил и не обнял. А чего ж ты хотел? Разве сам смог простить?

И разве не убеждал себя потом, когда ярость публичного унижения прошла, что нужно сделать первый шаг? И разве не провалился в беспамятство, только поняв: опоздал, твой любимый счастлив с женой и детьми, он же так хотел детей!.. А ты не нужен, как, наверное, не нужен был никогда. И молчала нить мертво и страшно – как в Торнбладане, в тех снегах, где под ликованием победы таился яд смерти души. Кто его нашел тогда,

валяющегося на полу в собственном кабинете? Кто-то решился взломать дверь, протектора Лонги, бредившего двое суток, вытащили из небытия – а он думал: зачем? Жил лишь на злости, на нежелании прощать, на стремлении доказать – я могу. Без тебя я все смогу, ты лишь ошибка, и я исправлю ее. Но слово «поздно» сломало и этот стержень. Только вынырнув из багрового омута безумия, он понял, как был близок к Дому теней и что его спасло. И очнулся однажды от того, что нить ожила, зазвенела тихонько. Иллариий вслушивался в себя, а потом завыл сквозь зубы, потому что нутро рвала такая боль, перед которой ничто все раны. «Чары мира», – говорил Брендон, безжалостные, нерушимые, расплата за счастье. Но Даров не возвращают. Ты все понял, Север, – и что?.. На одной жалости нить петь не будет, да и не в характере керла Заречной испытывать жалость... Понял, что карвир твой подышает за тысячу риевов от тебя, подышает – и потому... не хотел моей смерти из выгоды, чтобы не разрушить союз? Нет! Зачем врешь? Только любовь держит нить, лишь она одна порождает ее и ею живет, но как же страшно поверить. Иллариий думал: он виноват стократ – в подлых сомнениях, в измене, в том, что сам даже не попытался соединить разорванное, Север сделал первый шаг. Протектор всегда знал, что в любимом больше силы, чем в нем самом, но даже мощь илгу не безгранична, никто в этом мире не может похвалиться всевластием – ни человек, ни Инсаар... Существо нелюдской расы, прожившее на свете двести пятьдесят лет, убил разрыв нити, убил семнадцатилетний мальчик, решивший жить как человек. Брендон жалел не о своем поступке, а о смерти, провел пять лет в молчании и беспрестанных кошмарах, а сам Иллариий едва не убил и себя, и Севера – а все почему? Почувяв нить в себе, он закрылся. Немыслимо. Закрылся, повинувшись первому порыву – мне не нужно твоих милостей! Ты вытер об меня ноги, лишил с трудом обретенной веры в собственную нужность любимым людям, лишил дома и разума, так что я не покорюсь. Обезумев, рвал и рвал драгоценную, такую слабую связь – и вновь очнулся на земле. Рот был полон крови, магия не желала сдаваться, но человек остервенел. Не будет больше ничего между нами! Я не желаю жить твоей силой, ты мне не нужен!

Комнатный раб решился сказать аристократу Касту: «Ты глуп, хозяин». Старого раба, перунийца Данно, служившего еще отцу, Иллариий привез с собой в Лонгу в бытность квестором. Данно готовился к смерти, восемьдесят лет не шутка – верно, оттого был откровенен. «Господин мой, ты ночами рвешь зубами покрывало и зовешь смерть. Господин мой, ты теряешь сознание дважды в день. Господин мой, ты, не помня себя, хватался за оружие, охрана отняла с трудом. Господин мой, ты безумен». Лучше сойти с ума, чем жить на привязи, думал безумец, и все начиналось с начала. Сколько он рвался так, принимая ласковые руки поддержки за цепи? Иллариий точно знал: одно письмо от Брена с короткой припиской – мой брат хочет тебя видеть! – заставило б его ползти в Трефолу на коленях. Но протектор больше полугода не читал свитков из Заречной, желая счастья любимому и его жене, но не желая ничего знать о том, как они счастливы. Двуличная скотина! Что Север говорил об Ари и зачем? Карвир ругал жену и так легко примирился с ней... дочь и два сына, мальчишки родились подряд – это ль не свидетельство страсти и близости? А ты просто вышвырнутая за ненадобностью рухлядь... он то принимался проклинать, то стыдился самого себя и вновь ничего не мог с собой поделать. Давно пора смириться – все кончено. Осталось дело их рук – союз Лонги, и он живет. Ради тысяч людей обязан жить и Иллариий Каст, какое ему дело до Севера Астигата? Из одурелых метаний его вывела лишь попытка переворота. Докатился, прозевал в собственной столице заговор! Лишь то, что протектор давно не мог спать по ночам, спасло ему жизнь – кинжал убийцы, подосланного стратегом Друзом, он перехватил в ладони от своего горла, переступил через труп и встал перед дверью, прислушиваясь к шорохам. Его уже убивали так – еще в Отце городов империи Риев-Де, по приказу родного дяди... Знакомая история! Он не боялся. Пусть будет, что будет – с его смертью все кончится, завершится бесплодная борьба с чарами мира, со своей

неизбывной, никому не нужною любовью... Стоял, утирая пот слабости со лба, и вдруг почувствовал, как натянулась нить, как держала его, питая силой – и больше не боролся. Позже протектор понял: в момент нападения стенка рухнула, и Север видел его глазами, как сам Иллариий временами ловил в своем сознании какие-то обрывки. Только он старался побыстрее от них избавиться, чтобы не было так больно. Дурак. Самовлюбленная мразь. Северу могла требоваться его помощь – это клятвопреступление, потому-то мир и уничтожает нарушающего союз Дара. Убивает медленно, по капле высасывая силу, отнимая все радости жизни – способность чувствовать вкус еды и питья, интерес ко всему на свете... и он давно уже полутруп. Вырезана половина души, а оставшаяся корчится в бессмысленной каждодневной муке. Об этом говорил Амплиссимус? Так он прожил сто лет? Неудивительно, что нелюдь рехнулся! Удивительно другое – что не прикончил себя сам. Но у Главного, как и у Брендона, смысл бытия и раскаленную нить отняла смерть любимого, а сам Иллариий и Север загнали себя в ловушку гордыни. Они звали своего врага «выродком без куска сердца»... теперь они сами выродки.

Дверь отворилась, и он встретил убийц. Даже не поднял оружия, но четыре тела рухнули на порог – протектор точно знал, что сам не смог бы выпить ни одного, карвир помог ему. Нить жила, звенела и пела, спасая его, а через двенадцать дней в Гестию примчался Цесар Риер – бывший командир его охраны, ныне хонор нагорья Меркат – с большим отрядом. Иллариий заявил подданному керла Заречной: «Я справлюсь сам». Захват дворца удалось предотвратить, но, сколько еще заговорщиков таится по углам и когда будет следующая попытка свергнуть его власть, он не знал. Цесар покачал головой: «Напиши о том карвиру, протектор, а меня не губи. Мне приказано помочь, и я не уеду из Предречной, пока ты не будешь в безопасности». Люди Цесара обшарили столицу и окрестности, им удалось вычислить гнездо заговора – стратег Друз всунул в магистрат Гестии своих сторонников, но после бросил их на произвол судьбы, когда понял, что задуманное не удалось. Вовремя подоспевшая помощь Заречной, доказательство крепости союза вынудили империю отступить, но Цесар передал ему слова Севера – стоит обсудить оборону Предречной и возможность ответного нападения. Обсуждать следовало с Цесаром, а сам Север остался у реки... Иллариий был уверен, что понял союзника правильно: я не желаю тебя видеть, но дело – прежде всего.

Цесар, разглядывая протектора, качал головой – не узнать просто. «Думал, я тебя, роммет Иллариий, за риер по силе отличу, а ты... не сочти за обиду, ты – раф. Пустой, как... не у каждого раф так мало силы». Илларию было не до обид. Проводив Цесара, он вошел в главный храм Быстроразящим – тот, чьи купола было видно из окон его дворца – и остановился возле огромного бронзового зеркала. Ритуальная полированная поверхность отразила высокого незнакомца с полуседыми длинными волосами. Он не обратил внимания, когда пряди отросли ниже лопаток и когда привычный цвет потерялся в серебре. Иллариий долго смотрел в чужое тонкое лицо, погасшие глаза и думал: «Я это заслужил». И бессилие на ложе тоже заслужил! И пустоту внутри, ничем не заполняемую, гулкую и бесконечную. Он решил не стричься, пусть проклятое серебро напоминает о собственной трусости и не позволит больше закрываться и рвать нить. А по утрам рассматривал собственные волосы, даже не стараясь проглотить комок в горле, и вспоминал, как отдернулся от ласковых рук, как воспринял радость Севера смотреть на длинные пряди, точно оскорбление, доказательство рабства. Вспоминал, как остервенело кромсал ножницами перед отъездом в Перунию, как думал: «Я тебе докажу!» И болезненное недоумение в глазах союзника при виде короткой стрижки, так быстро сменившееся яростью ... не вернешь назад, не изменишь ничего. Сам себя наказал – на всю оставшуюся жизнь. Остается только смириться.

До приезда Брендона он еще пытался лгать себе: смирился, живу без половины души, коротая отпущенный срок, ибо руки на себя наложить – трусость. Но белокурый умница, как всегда, все перевернул вверх дном, братья Астигаты – они такие... Созданы Матерью-Природой, чтобы распутывать узлы мироздания и тут же напутывать новые. Брен говорил о брате, о его жене и детях... Почему Иллариий воображал, что Север лгал ему, рассказывая об Ари? Что это за женщина, если Брендон – самый добрый и справедливый человек на свете – говорит о невестке в таком тоне? Даже не стараясь показать уважение и симпатию, в каждом слове неприязнь... Слушая рассказ о том, как Лиссу привезли в Трефолу, как Ари осталась в столице и стала керлой, Иллариий сжал подлокотники кресла и молча проклял себя. Хотел, чтобы Север принадлежал тебе одному? С ума сходил от ревности? Вот и получи! И какой бы ни была Ари – будь она благословенна и радостна! – эта женщина подарила любимому детей и, должно быть, тем спасла от безумия. Протектор не мог насмотреться на Брена, впитывал его вернувшиеся здоровье и силу и с ужасом думал: скоро брат Севера и Райн Рейгард уедут, и он опять останется один. Новое одиночество пугало сильнее старого, почти привычного... Что он будет делать в своем дворце, зачем ему вилла, зачем риры и шелка, если все бессмысленно? Он надеялся только на войну, ведь рано или поздно стратег Друз устанет слушать соглядатаев и нападет. Тогда тяжелая работа сражений даст иллюзию полноценного существования. Поскорее бы!

И теперь, глядя на письмо, где в каждом слове по три ошибки, он думал: попался. Брендон дал ему надежду – просто увидеть, рядом постоять хотя бы час... Убеждал: «Север непременно приедет на встречу, керл дал слово, он хочет тебя видеть, очень хочет!» Но карвир молчал, и Иллариий вновь перестал спать ночами, и вновь тьма отчаянья застила разум. Когда же он выучится доверять – на гран, на асс – верить себе и тому, с кем повязан навеки? Письмо в две строки: «Я буду в Мирасе в полдень двенадцатого дня...» Если не приедешь, Север, тебе больше не придется решать загадки и поить силой неверного карвира – мир меня, верно, наконец прикончит. Иллариий осторожно свернул пергамент, сунул за пояс и взял со стола новый. Он намеренно не говорил Брендону о важном, страхась испортить его радость, а теперь не знал, что с ним случится, если Север не явится в Мирас.

Стилос легко скользил по пергаменту, суммируя итог трехлетних раздумий и размышлений. «В будущем нас ждут новые войны за силу и новые потрясения. И будут гореть города, и появятся толпы голодных и потерявших близких от наводнений и чумы. Инсаар отступили лишь временно, их не удовлетворяет та сила, что люди отдают добровольно, но война обошлась нелюдям куда дороже, чем их врагам, Дароприносителям. Коконь-тьелы созревают медленно, еще медленней растут новорожденные Дарособиратели – лишь в тридцать-сорок лет Инсаар может пить, а илгу пьют с рождения, и как только в мужчине созревает семя, он становится по-настоящему опасен. Счастье Инсаар в том, что люди слепы и не знают о свойствах воронки в глубине своего естества, оттого Быстроразящие так ревностно хранят свои тайны. Наш долг перед родившимися сегодня – записать все, что мы знаем, иначе тайны умрут вместе с нами, и будущие поколения будут столь же беспомощны перед ненасытными серокожими чудовищами, как были мы. Таков закон времени, Брендон, все забывается. Мы убили сотни Ненасытных, еще десятки умерли из-за нарушенного равновесия, и сейчас противник уязвим. Инсаар страшатся начать новую войну, они тщательно избегают открытых стычек и берегут потомство, порожденное твоей силой, но наши дети и внуки испытают на себе их гнев. Мы заняты своими делами, войной и торговлей, рождениями и смертями – век человека короток, а успеть нужно так много! – и уже сами начали забывать уроки прошлого, а это грозит бедой будущему. В идеале мы должны постоянно отбирать илгу, учить тех, кто родится сегодня, ибо завтра они станут отвечать за нашу

победу. Миру мало силы, но знаешь, Брендон, мне все еще... я бы передушил всех Инсаар, если б мог. Уверен, твой брат сделал бы то же самое, но мы и нелюди повязаны зависимостью. Участь города Муссумы в Земле Тигра должна стать уроком – нельзя посягать на равновесие, иначе проклянешь свою гордыню! Но скажи мне, какое значение имеет равновесие для сотен убитых насильниками мальчишек и мужчин? Для десятков переживших нападение и непоправимо искалеченных?

Страшно писать такое, но тебе повезло, Брендон. Я видел тех, кто так и не оправился, кто тенью ходит по земле, выпитый досуха – и ничто уже не в состоянии помочь. Видел и сошедших с ума, они до сих пор в том кошмаре, что пережил ты. Да, нелюди отнимают жизнь и здоровье у куда меньшего числа людей, чем одна хорошая война. Но я человек и желаю, чтобы род людской остался на земле в одиночестве, а это невозможно. Так как же быть? Ничего нельзя забывать, а мы забываем. Я радовался твоей вернувшейся силе, но... – илгу все твари, верно! – думал о том, как поможет мощь обильного ammo нашим серокожим врагам. Все связано: сила кормит реки, лес и горы, питает людей, но питает и нелюдей, и рождаются новые тьелы... Инсаар наступят на горло нашим детям, заставят их склониться перед неизбежным, подставить зад, как сказал бы Север. И так будет до тех пор, пока какой-нибудь безумный не поймет, что значит воронка в его теле, и не поднимет новый бунт, как было с нами, как было с твоим прадедом... Ты спросишь, отчего я тогда давно бросил всякие попытки находить пьющих и учить их убивать серокожих? Не только договор с нелюдями не дает мне делать этого, хотя подобный способ диктует простая осторожность. Нельзя, чтобы знание о силе попадало в руки любого. Кто знает, как использует свою мощь тот, в ком нет понимания красоты мира? Есть множество сумасшедших, и некоторые из них хотят лишь власти, а некоторые – смерти всему живому. И я по сей день разрываюсь между опасностью породить новых врагов среди себе подобных и страхом, что наши дети будут беспомощны... Твоему брату, уверен, подобное в голову не придет, он всегда куда сильнее был связан с миром, в этом его счастье, а я не приемлю такого порядка. Не мир для нас, а мы – для мира. Пусть, но серая смерть бродит по лесам... ты сам едва не погиб, и – помни мое слово, ведь ты проживешь дольше меня! – Инсаар еще вернутся, и вернутся с войной. Мудрец из Абилы не станет причинять вред всему живому, но он не вечен, и кто знает, какими будут новые Старейшие и насколько сильна власть вождей Инсаар? Опыт войны показал: нет такого закона, что нелюди не попрали б в своем стремлении подчинить нас. И еще, Брендон, знай: если кто-то из детей Севера родился илгу, он проживет короткий век, ибо использование силы для убийства уродует наше тело и разум, мы не предназначены для такого слияния с миром, с его чарами. Мы, пьющие, просто ошибка Матери-Природы, пастухи людского стада, не будь нас, род людской жил бы в бесконечном рабстве у Инсаар, но мир бы получал куда больше Жертв. Потому я не хочу иметь сыновей, никогда их не хотел, а сейчас – стократ. Родись на свет ребенок с моей кровью, я б молился о том, чтобы он был раф-пустышкой, ибо не знал бы, как научить его выживать. Использовать и не использовать воронку пьющего для человека равно губительно. Если я проживу на свете еще сколько-то лет, то постараюсь найти ответ на свои вопросы. Вот только боюсь, что они не имеют решения, и не мы первые безуспешно бьемся над загадками мироздания. Я твердо знаю лишь одно: убей тебя тот нелюдь, что сбежал от нас, я, не задумываясь, начал бы новую войну.

Прости, Брендон, я не отправлю это письмо, оно будет лежать под десятью замками, рядом с моим завещанием. Каждый виток собственного бытия заставляет меня считать себя младенцем перед тысячей дорог, множеством путей и помнить о судьбе Амплиссимуса, что в стремлении предотвратить неизбежное спутал истину с вероятностью... Но одно для меня остается неизменным: ты и твой брат – моя семья,

мое все, и ничто не заставит меня причинить вам вред. Даже если Север не приедет в Мирас».

Год от основания Отца городов Риер-Де 879
Десятый год союза Лонги

Вилла Клеза

«Прости, Брендон, я не отправлю это письмо, оно будет лежать под десятью замками, рядом с моим завещанием. Каждый виток собственного бытия заставляет меня считать себя младенцем перед тысячей дорог, множеством путей и помнить о судьбе Амплиссимуса, что в стремлении предотвратить неизбежное спутал истину с вероятностью... Но одно для меня остается неизменным: ты и твой брат – моя семья, мое все, и ничто не заставит меня причинить вам вред. Даже если Север не приедет в Мирас».

Брендон Астигат, наместник союза Лонги прочел этот свиток через полтора года. Легионы союза покидали Трефолу, и оба карвира уходили воевать, а он оставался. Перед отъездом Иллариий не только заставил Севера написать и огласить завещание, но и принес в кабинет Брена запечатанный ящик с собственным. Протектор улыбался, а брат ворчал: «Смерть накличешь! Что за манера у имперцев так носиться с последней волей? Все равно – сколько пергаментов не испиши, а править станет тот, кто сумеет подчинить себе людей, показать власть, силу и правильные дела. Если при правителе народ богатеет и живет в безопасности, если торговля процветает, а солдаты удачно воюют и получают жалованье, сыновья мои и брат станут править союзом, даже если мы оба восстанем из мертвых, чтобы запретить это. И мы еще живы, что за дурь писать такие вещи?» Иллариий спорил: «Да-да, мой отец написал несколько фраз в помрачении ума, что привело к странным и невиданным делам – имперский аристократ Каст в один прекрасный вечер решил вызвать варвара на Ка-Инсаар, потому что родина бросила его подыхать». – «Не родина тебя бросила, – возражал Север, – а твой дядя-император». – «Неужели ты думать научился, союзник, – смеялся Иллариий. – Сам все и сказал! Тебе нужно, чтобы после твоей смерти братец Ари, келлит Естигий, пил Брендону и твоим детям кровь? Пусть народ знает нашу волю!»

Брен читал письмо протектора и в ужасе думал: пусть только оба карвира останутся живы, ему не вытянуть такой ответственности! До сих пор наместнику союза не приходило в голову, что его старший племянник, смеявшийся, когда отец и его карвир прощались с детьми, и просивший покатасть его «на большой лошадке», столкнется с призраком войны с нелюдьми. Рен родился илгу. Плохо это или хорошо? Иллариий, со свойственной ему дальновидностью, со способностью видеть то, что не очевидно для других, не знал ответа. Растет Рен, растет Стеф, но растут и те Инсаар, что сам Брен породил своей силой. А если протектор прав и если не сыновья, так внуки Севера должны будут драться за свободу людей? Немыслимо. Неужели такие войны станут привычными? А может, уже стали, и только темнота и безграмотность не дают людям проследить цепочку, тянущуюся с древнейших времен? Должен ли он учить Рена? И что это даст? В мальчишке нет и сотой доли силы отца – природа пошутила еще раз. А Стеф и вовсе добыча, как все аммо.

Закончив чтение, Брен сунул пергамент обратно в ящик, стараясь не смотреть на второй свиток, с завещанием, и помчался в детские покои. Спит Лисса в своем «цыплячем загончике», спит капризный непоседа Рен – наследник огромного состояния,

огромных территорий и серебряного венца, а вот Стефу не спится... Брен сел рядом с колыбелькой, посмотрел в детские глаза – серые теплые глаза аммо – и осторожно взял маленькую ладошку. Почему ты не спишь? Может быть, видишь то, чего уже не замечает разум взрослого, скованный условностями и привычками? Угрозу и гибель? Стефан Астигат улыбнулся дяде, потянул его за палец, и страхи чуть отступили. Илгу свойственно видеть везде угрозу и стремиться подчинить себе все и вся, а мир просто нужно любить, тогда он ответит тебе любовью. Инсаар же – часть мира, и им не нужна война. Но все-таки пусть карвиры быстрее вернуться, и Райн тоже. Брен поднял ребенка на руки, наслаждаясь теплотой маленького тельца, и подошел к окну. «Смотри, Стеф! Там, за реками и равнинами, на границе с Риер-Де грохочет война, льется кровь и умирают люди. Потому что имперский стратег хочет получить наши земли, а мы не хотим отдавать. Там твой отец, там его карвир, и мой любимый тоже там. Но я не боюсь, и ты тоже не бойся». Мальчик всматривался в ночную темень, и Брен остро пожалел лишь об одном – что Ланий, Инсаар с пушкой на голове, ни разу не пришел больше. Брат любимого честно ответил бы, грозит ли людям новая битва за силу. Утром того дня наместник написал Илларию, вкладывая в строчки всю свою веру в лучшее:

«Я не смог бы жить с грузом подобных мыслей. Нельзя вытравлять в себе веру, иначе ты проигрываешь, еще не вступая в бой».

Год от основания Отца городов Риер-Де 874 Шестой год союза Лонги

Заречная Лонга

«Я не смог бы жить с грузом подобных мыслей. Нельзя вытравлять в себе веру, иначе ты проигрываешь, еще не вступая в бой».

Обстановка в крепости Трибул к любви не располагала, и оттого уединиться хотелось еще сильнее. Лихорадка желания выжигала Брена изнутри, он многое знал о силе, но как, оказывается, плохо знал себя! Только сейчас он понял, как мало златоглазый добавил к его стремлению отдавать много лет назад, когда впервые пришел к шестнадцатилетнему мальчику – ученику Храма Трех Колонн. Морок был его собственным, Флорен лишь обострил зов сердца и плоти, угадывая все сокровенные желания, читая аммо, будто пергамент. А сейчас Брен с утра до ночи стыдился самого себя. Он ведь взрослый человек, не мальчик, коему не позволили пройти обряд и кому не дает покоя девственность! Но Райн быстро и довольно жестко отучил его стыдиться собственных порывов. Однажды утром он вошел к Брену и застал того за совершенно мальчишеским занятием. Такие вещи у лесных народов уже в четырнадцать почитались непозволительными, мужчине должно дарить свое семя любовнику или жене, но никак не собственным рукам. Резкий удар по запястью, искра гнева и обиды в темно-карих глазах, и Райн развернулся, чтобы уйти. Брен перехватил его за пояс и долго просил прощения – без слов, просто уткнувшись лицом в твердый живот. «Хочется, не молчи, – шептал ему друг, – или тебе плохо со мной?» – «Мне слишком много и часто хочется, – говорил брат керла, теснее прижимаясь к родному теплу. Но не добавил: – И я не могу подставить тебе задницу, потому что от одной мысли о проникновении у меня сводит внутренности». Райн не позволил ему долго просить прощения, рывком содрал и собственную одежду, и покрывало с любовника. Тяжелое, раскаленное тело придавило Брена к ложу, любимый завел ему руки за голову и долго целовал подставленное горло. Неожиданная властность доводила до иступления, и Брен с силой прижимался бедрами к паху Райна, вскрикивая при каждом жестком прикосновении губ. Потом друг скатился с него и долго смотрел в

глаза, а ладони гладили обнаженные колени. «Потерпи немного, зажмурься и дыши чаще», – попросил он, обхватывая плоть губами. Райн чутко уловил приближение разрядки, и, когда Брен в очередной раз вскинул бедра навстречу жаркому рту, влажный палец коснулся его входа, попытался раздвинуть мускулы. Тщетно! Сильный спазм, болезненный и неодолимый, подбросил Брена на ложе. «Нет! Не могу! Не надо!»

Он каждый день давал себе слово: «Вот придет ночь, и я пересилю себя», но как только темнота окутывала горные хребты Остериума, а на крепостных стенах зажигались огни, его начинал терзать страх. Что если после соития отвращение к любви вернется? Брен не мог отделаться от памяти о ласках Неутомимого, ласках, возносивших мальчишку на вершины блаженства, а после сбрасывавших на самое дно отчаянья и боли. Разве можно забыть о пробуждениях в луже собственной крови, о пронзающих тело судорогах и разрывающих нутро толчках огромной головки? Он понимал, что человеческая плоть не в состоянии причинить и сотой доли тех повреждений и мук, что приносит плоть Инсаар, что Райн любит его... но понимал лишь умом и вновь не мог совладать с собой. Стыд и позор – не отдать любимому всего себя, но Брена не оставляли воспоминания о собственноручно построенном шатре, о шкурах, что принес Ланий, и о том, как его ставили на колени на эти шкуры, а потом распинали, будто пришипленную острой щепкой бабочку. После он часто задавался вопросом: как могло Райну хватить терпения на все его тогдашние метания, ведь старший сын хонора Рейгарда никогда не отличался слишком большой сдержанностью, как и большинство лонгов. Райн просто старался помочь любовнику, ничем не выдавая злости или нетерпения, однажды даже предложил: «Возьми меня сам, поймешь, что мне хорошо, и самому станет легче». Но Брен не хотел этого, совершенно не хотел! В нем не было стремления торжествовать над телом любимого, напротив. Жажда покориться самому – вот что сводило его с ума. Райн тогда произнес целую речь, чем изрядно насмешил брата керла. «Посмотри на карвиров, – говорил десятник, – уж сколько люди спорили, кто кого поимел первым, помнишь?» Брен помнил. А заодно помнил и то, что союзники немало потешались над постоянными слухами и спорами об их постельных делах. Для него самого тайна брата и Иллария перестала быть тайной примерно через пару месяцев после конца войны с Быстроразящими. Видит Мать-Природа, он никогда не догадался бы об открывшемся ему самостоятельно, просто не вовремя заглянул в комнату, где союзники вроде бы должны были принимать важных посетителей, и услышал обрывок разговора. Север разлегся лицом вверх на мраморном столе, ноги брата были согнуты, а Илларий вцепился в голые колени так, словно хотел разорвать любовника надвое. Тогда еще консул почти шипел: «Почему ты каждый раз не говоришь, что больно?» – «Мне не больно, – смеялся брат, – давай еще». – «Но кровь же, Север!» – «У тебя тоже первый раз кровь была», – уже откровенно потешался брат. Но, несмотря на смех, оперся рукой о стол и придвинулся ближе к союзнику, явно стараясь добиться того, что смущало Иллария. «Вот как, – разозлился консул, – значит, ты мне позволил взять себя в качестве виры, да?» – «Ну, можешь и так считать, – Север крепче обхватил бедра Иллария коленями и продолжил, по-прежнему насмешливо растягивая слова: – Только плевать мне всегда было и на боль, и на кровь – я ничего такого не чувствую, когда ты во мне». Дальше Брен подслушивать не стал, тихонько отступил в галерею. Тайны ложа старшего брата всегда сбивали его с толку. Но кто бы мог подумать, что Север уступил свою победу на обряде! Уступил сопернику и злейшему врагу и ни разу, в самых жестоких спорах, не помянул об этом.

«Ну вот, – убеждал Райн, – погляди на союзников: разве можно понять, кто из них чаще ложится на живот? А ведь в паре всегда один становится «нижним» – на ложе, но не в жизни. Карвиры никогда не гнули один другого, не показывали на людях, кто кого берет ночами – значит, им это не важно. Вот и мне не важно! Бери меня, я хочу – очень, а там посмотрим». Как объяснить другу, что будущий наместник союза не желает взваливать на

себя еще одну ответственность? Пусть это малодушно, но такова его природа. На ложе он жаждал подчинения, покорности – именно Райну, никому другому, – и собственная трусость бесила неимоверно! Они попрощались с протектором и под первым проливным дождем двинулись к реке Лонга. На прощание Брен взял с Иллария слово, что как бы ни прошла его встреча с Севером, младший брат керла всегда останется близким человеком для протектора. «Ты нужен мне, Илларий Каст, нужен не меньше, чем брат. Благодаря вам обоим я живу на свете и не собираюсь об этом забывать. Пиши чаще!» В утро прощания глаза протектора были серыми, точно впитали в себя краски осеннего неба, но он обещал.

В пути брат керла и его охранник спали в одном походном шатре, прижимаясь друг к другу, и, еще не добравшись до Большой реки, Брен многое узнал о тайнах любви... или вспомнил. Однажды ночью он набрался храбрости и, чуть сдвинувшись на меховом ложе, обнял губами напряженную головку друга. Райн вскрикнул от неожиданности и вцепился ему в волосы, а Брен продолжал ласкать до тех пор, пока вязкая струя не ударила в небо. Чудесно! Он этого и хотел – попробовать на вкус. Но мало, мало! После Райн притянул его к себе, заставил лечь сверху, осторожно гладил сжатые ягодицы, а вход Брена болезненно пульсировал, не притронуться! По утрам у него знакомо ныло все тело – сила искала выход в полном удовлетворении, а он все еще боялся...

Наскоро осмотрев строительство нового моста у Глубокого брода, они проехали вверх по течению еще пять риеров и пересекли Лонгу по Скотному мосту, а за их спинами, на башне Диокта-Брендона ветер трепал два знамени – алое с золотом и зеленое с серебром. Дорога была отвратительной. «Это тебе не Предречная», – ругалась охрана, а Брен проклинал каждый риер пути, каждый дорожный камень... все ближе и ближе к дому, к огромной куче дел, а он так и не справился с собой. Наконец, когда до Трефолы осталось три дня по лесам, и даже дорога стала получше – сказывалась близость столицы, – он прямо посреди разговора повернулся к Райну и потребовал от него поклясться, что тот не бросит его, если и сегодня не получится. «Ну что несешь, ровно дите малое?» – возмутился друг, но с готовностью согласился оставить охрану у костров и уехать подальше. Брен, кусая губы, смотрел, как сын стратега ставит шатер, а потом, не выдержав, кинулся в лес и долго бродил между деревьев, вслушиваясь в силу – первозданную мощь родной земли. «В моей крови лишь половина от тебя, Вечный Лес, но ты дал мне жизнь и сам живешь в моей душе, так позволь поить тебя, умоляю!» Он едва не плакал – жажда отдавать становилась всепоглощающей. Потом вернулся к костру, молча вошел в шатер и выволок наружу несколько шкур. Райн лишь наблюдал за ним встревоженными теплыми глазами.

– Не нужно. Если не можешь – не нужно, хуже будет, – друг с трудом проталкивал слова сквозь зубы, но Брен все равно опустился в траву на колени и вцепился в завязки одежды любовника. Он не даст Райну спорить! Не даст больше беречь себя, точно деву перед свадьбой.

– Лес ответил мне. Я просил – и он ответил, – Брен обхватил пальцами плоть любимого и запрокинул голову к быстро темнеющему небу. – Это можно услышать лишь в Заречной, в имперской Лонге не та сила... не противься!

– Хорошо, – друг оторвал от себя его руки, – тогда не противься и ты.

Толчок опрокинул его на шкуры, и он выгнулся дугой, до рези в глазах всматриваясь в высокие кроны. Ласки были нетерпеливыми, он отдавался им полностью – вот жесткие пальцы принялись перекачивать и мять его соски, и точно иглы впивались в пах при каждом прикосновении. Когда Райн сжал его плоть, Брен сам потребовал не дать

ему кончить прежде времени. После первых же ласк губами и языком резко отстранился, понимая, что долго не выдержит – и рывком перевернулся на живот:

– Просто заставь меня... хоть силой... как угодно... я хочу, очень хочу! – он шептал, как безумный, соображая в секунды просветления, что пугает Райна. Голос любимого был сорванным, хриплым, но ладони ласково и уверенно прошли по спине.

– Силой? Чтоб твой братец потом радовался? Ну уж нет, не дождется!

Брен не понял, при чем тут Север, с чего брат должен радоваться тому, о чем никогда не узнает, но это было уже неважно. Райн коснулся губами тонкой кожи под волосами на затылке, зашептал горячо, и от каждого слова точно раскаленный молот бил в самую сердцевину существа.

– Ты самый красивый... нет таких больше, самый лучший... думать иначе не смей! Я тебя так буду любить, что ты про все забудешь. Нет боли, Брен, и не будет... Брен... родной мой.

Брен ждал привычной ласки пальцев, от которой прежде шарахался, но сегодня мучительная жажда свела его с ума, и ниже пояса все будто онемело. Его трясло так, что зубы лязгали, потому, наверное, он заорал на весь лес, когда вместо прикосновения руки ощутил на своих ягодицах любимые губы. Райн поставил его на колени, осторожно поддерживая под живот, и язык проник в сжавшееся отверстие. Брен вцепился в шкуры, потом, не выдержав, закусил собственный кулак, а дрожь растекалась по телу всевластными волнами в такт прикосновениям сзади. Чуть расслабившись, он толкнулся навстречу и, чувствуя, как раскрывается его нутро перед сокровенной лаской, почти приказал:

– Все! Ну же... Райн... сейчас.

«Но, если ты выбрал господина наслаждения своего, не пеняй после на его суровость на ложе», – писал Квинт Иварийский в «Риер Амориет». Мужчина, коему ты отдался во власть из любви, лучше знает, когда сделать тебя своим, и напрасны будут мольбы поторопиться. И так же напрасно будешь просить прекратить – после. И скажешь «спасибо», когда он возьмет тебя и изольется в анус семя, ибо в эту секунду вы будете ближе всего, и острее всего ты познаешь радость обладания его сердцем именно в тот миг, когда он восторжествует над твоим телом. Все читанное, давно выученное наизусть понял Брен в ту ночь. Руки любимого сжимали кожу до боли, и Райн, спохватываясь, просил простить и вновь забывался. Осторожно раздвинул сжатые стенки входа пальцем, потом заставил Брена приподнять ягодицы выше. Тот замер. Он не знал, было ли это больно или хорошо, не помнил, как кричал – лишь после искусанные губы и сорванный голос подсказали: орал, да еще как! А любовник ласкал неумоимо, проникая в самые потайные уголки, туда, где никто не касался, кроме Флорена... Наслаждение перекрыло боль, и Брен без сил рухнул на шкуры, стараясь хотя бы потереться о мех изнывающей от стремления освободиться плотью. Но Райн не разжал пальцев возле мошонки, лишь целовал неистово – застывшие от напряжения плечи, мокрую от пота шею. Внутри уже было два пальца, а спазм не возвращался, и Брен приподнялся рывком, силясь прикоснуться ягодицами к паху любовника.

– Брен... – стон, и следом глухое: – прости меня. Прости сразу!

Мука была острой, сильной. Больно! Брен зашелся криком, но Райн, войдя до половины, остановился, и ладони вновь скользили по телу, лаская, давая привыкнуть. А потом опять задвигался – медленно, по грану, по невыносимым мгновениям боли – и нахлынувшей тянущей сладости... и наконец можно ощутить плоть в себе полностью и сжать ягодицы. Может быть, станет чуть легче...

– Пожалуйста, родной мой... посмотри на меня, – страх в любимом голосе, и Райн распластывается сверху, будто ему самому больно – да, наверное, так и есть. И подчиняется любви и заботе трусливое тело, расслабляясь, впуская дальше. Брен поднял голову и увидел яркую звезду. Ночь вступила в свои права, ночь, когда он разрушил чары и сплел другие. Волна внутри тянула вдаль, и мир вокруг надрывался: *Дар, ты рожден, чтобы отдавать мне Дары, маленький аммо, и ты отдашь*. Брен изогнулся, дотягиваясь, впиваясь в любимый рот своим, и приподнялся на локтях, впуская в себя так глубоко, как только мог. Жгучее, горячее, безумное... боль или наслаждение? Нет границ, когда волна смывает разум, сминает волю, превращает человека в придаток лесов, гор и рек. Хриплый стон животной радости и ответный крик – любимого, того, с кем разделил счастье, того, кто сделал это счастье возможным... Брен еще шире развел ноги, и Райн понял и задвигался – вначале плавно, медленно, а после – короткими, жесткими толчками. Яркий свет перед глазами, собственные содрогания – и они тонут в волне, захлебываются, сразу же перестав бороться. Резкие сокращения мышц – наконец-то он ощущает естество любимого в себе так, как хотел! – и разжавшаяся ладонь Райна на собственной плоти. Шепот тысяч голосов: *вот теперь ты моя плоть и кровь, я ждал, когда ты вернешься, маленький аммо*. Семя, живой дар любви – так глубоко, как они оба хотели, и тут же точно мириады звезд вспыхивают перед глазами, и на животе липкие капли... И вот они лежат рядом на шкурах, и счастьем Брена нет предела, стоит лишь запрокинуть голову и...

Луна, безжалостная и бесстыжая, стояла высоко. Она все видела – как всегда. И видел Вечный Лес. Мою победу. Мою судьбу. Мою любовь. Нашу. Райн сел рывком, широкие плечи вздрагивали, и Брен провел ладонью по влажной спине – он хотел быть как можно ближе к любовнику, разделить каждый миг...

– Если хуже тебе сделал... отдай меня псам! – темноволосая голова утыкается ему в живот, и что-то влажное на коже. Пот? Слезы? – Брен... прости дурака. Мне так хотелось, чтобы тебе... а если нет, прогони, я ж сам не уйду.

Что такое ты говоришь, Райн? Разве ты не понял? Внутри сильно саднило, но Брен приподнялся на подламливающих локтях и, с трудом разжав стиснутые кулаки, в которых остались меховые ворсинки, прижал к себе любимого.

– Мне никогда так хорошо не было, – и ведь это лишь начало, кричал ликующий голос. – Верить?

Райн Рейгард поднял голову – он и впрямь плакал, на ресницах в лунном свете блестела влага, – а потом покаянно поцеловал Брена куда-то в плечо.

– Вот не знаю, можно ли верить Астигату? – ворчливая нотка сказала лучше любых уверений: верит! Как же хорошо.

– Ну, Астигаты тоже иногда правду говорят. А захочешь – еще раз проверишь. – И тихий смех был ему наградой.

Наутро Брену тяжело было сесть в седло, но он только улыбнулся. Тело ныло приятно и сладко, и хотелось еще – вот чуть подживет внутри, плоть любимого велика... но в столицу старшего брата он въедет верхом. Никто не увидит его таким, как видит Райн – в первую же ночь в бывшем деревянном, а ныне почти уже каменном граде, где они оба родились на свет.

«Как хорошо оказаться дома! Жду тебя, брат. Вот только налоги ждать не могут, а Скотный мост рассыпается на глазах. Так что прости, я сам обдеру твоих хоноров».

Год от основания Отца городов Риер-Де 874 Шестой год союза Лонги

Город Мирас

«Как хорошо оказаться дома! Жду тебя, брат. Вот только налоги ждать не могут, а Скотный мост рассыпается на глазах. Так что прости, я сам обдеру твоих хоноров».

Да уж, мелкому хорошо рассуждать на своей вилле деревянной – поезжай, дескать, и все будет... Что будет? Илларию не приедет? Или приедет, но обольет карвира презрением, станет цедить слова сквозь зубы? Братишка просто не понимает ни... да ничего он не понимает! Лар к Брену вообще относился по-особому, как ни к кому другому. Будь на месте брата любой человек, Север бы такого счастливца возненавидел, потому как сам никогда такой заботы и тепла от Лара не видал. И не говорил с ним Илларию часами, будто с самым близким, а с Бреном – пожалуйста! Они всегда понимали друг друга, его брат и его бывший любовник, в том-то и беда. Схожие люди, схожий нрав – таким вместе хорошо: не поссорятся. А сам Север чего когда о карвире знал? Илларию не делился, не нужно было, видно.

Стены Мираса маячили перед глазами – высокие, старые, желтые. Полдень миновал уже с час как, а керл Заречной все сидел на пожухлой траве и пялился на кладку. Даже гонцов вперед не выслал – вывести, приехал ли протектор... а тупицы-остеры и сами могли какой-нибудь сигнал вывесить, что гость пожаловал – вон синий облезлый «хвост» болтается на шесте, дескать, архонт Остериума здесь уже. Провалился бы этот архонт со своими риерами и завещанием, хотя мелкий все верно рассчитал, а его трусливый братец-керл сидит в трети риера от города и боится в него въехать. Охрана шепталась за спиной, видно, гадали, какой трюк Север Астигат еще выкинет, ехали-то до Мираса – будто ползли, так медленно. Если б не страх, Север оказался бы в городе еще утром, но при одной мысли, что Лара там не будет, начинало знакомо и страшно замирать сердце. У него давно были нелады с сердцем, а последний год так и вовсе. Вроде бьется, как положено, а потом – раз! – и замолчало. Временами ему хотелось, чтоб уж насовсем. Такие мысли – трусость и дурь, Север всегда знал, для чего он живет, для чего ему положено дышать и по земле ходить – пока хотя бы Рен не подрастет да брат окончательно не поправится. Отец сотни раз говорил: «Пока не добьешься желаемого, сдохнуть права не имеешь!» А консул Максим вторил: «Воин живет для победы». Только с кем воевать, если враг – в тебе самом?

Северу уже было безразлично, как и чем его Лар задел-обидел, это первое время ярость помогала – не прощу, не забуду! – а потом все потонуло в болоте. Тухлой воде, где

плавают обломки да обрывки... Он чего-то важного в Ларе не понимал и, видно, не поймет никогда, оттого и не будет им счастья.

Ветерок пошевелил синий «хвост» на шесте, в городе запела труба – час пополудни! А он сидит, кожаные штаны о траву протирает. Так посидит, пожалуй, да велит в обратный путь гнать – нечего ему здесь делать. Как вообще на посулы мелкого согласиться мог?! Ясно же, Иллариий не простит и не приедет! Раз уж поняв, что союзник больше нить рвать не намерен, – должен же он был понять! – не приехал и строчки Северу не написал. Проклятье, керлу просто стало неважно, что нить жрет его изнутри, высасывая силу, и когда натягивается, то хочется лечь и выть. Молчи. Молчи. Сам виноват. Как всегда. Но упрямая скотина, имперская бестия, мог бы и быстрее догадаться, что не стал бы карвир его кормить, если б не боялся за дурня проклятого, если б не любил так... Ну что сказать, и сам хорош! Мелкий говорил: «Нить драгоценна», а Север ничего слушать не желал, ему было плевать, сдохнет ли он или рехнется, как Амплиссимус, если связь порвать – и рвал, будто безумный. После, когда очухался, стал думать. Лар сроду ни вино пить толком не умел, ни забот таких запутанных, как в Трефоле, в Гестии нет, там все отлажено век назад... и близких у протектора Лонги не имеется – вот только Брен разве... так диво ли, что заболел. Лар же там один остался и – сволочина эдакая, мать его так растак! – не сдался. Значит – не хотел. Север старательно воображал себе, как Иллариий Каст тешится в Гестии с любовниками, как жизни радуется, бесился до помрачения ума, а однажды увидел. Среди бела дня, на Совете хоноров... и, растолкав людей, выскочил за дверь. Прижался к стене, отдышаться не мог, в голове все звенел дикий крик, и рот наполнился кровью. Он нарочно сплюнул на ладонь – крови не было! А тело выворачивало болью – не собственной, его любимого. Север забился в свои покои и сидел сиднем дня два, наверное, все старался услышать что-то, учуять, понять... жив ли Лар? Потом сообразил, что в нем самом силы, как в раф, так Илларию не поможешь. Соскреб себя с лежанки, пошел пить – пить людей вокруг себя, и нить ожила ненадолго. Как он был счастлив! Пусть даже Лар вновь потом закрылся, пусть рывками бешеными чуть Севера не прикончил – а жив и в здравом уме, раз так сопротивляется. Он всегда был таким – его Лар – и лучше в мире нет. За это и любил, так ведь? За гордость отчаянную, за норы поганый, как ни смешно, за то, что, когда с ним – будто на вершине мира. А одному ничего не нужно.

Почему он даже понять не попытался, зачем Лару тот мужик-аристократ понадобился? Знал же: карвир случайного блюда не любит, не для него оно, – так зачем? Почему, вернувшись в Трефолу, смотрел, будто... ну вот будто требовал: накажи меня. Накажи и прости. А Севера бесила эта манера новая – сделать гадость на ровном месте, а потом шептать виновато на ложе, тычась лицом в шею... Мог бы понять: Иллариий своей гордостью зря не поступится, зад кому попало не подставит... чуял же, протектор отнюдь от страсти не сгорал, когда с тем аристократом лег – так почему? Прав мелкий: вначале делаешь, потом думаешь и каешься. Что в двадцать лет, что без малого в тридцать – ничего не меняется в Севере Астигате. На кой надо было тащить этого – как там его? – Эйрика в главные покои, показывать, точно мальчишка: без тебя проживу, блядина. Знал же и тогда – не прожить, оттого так плохо и было. И как ты, правитель, посмел карвира своего из его же собственного дома гнать? Раз поклялся – у базилики Сарториска – нет ничего такого, что вы пополам бы не делили, и клятву не сдержал. Ну, вот и получил за это, как торгаши говорят, сполна, да по-крупному. Видел же, в отчаявшемся взгляде Лара видел, одного тот хочет: чтобы ты, дурак проклятый, подошел, и обнял его, и удержал – хоть насильно, – а там одумается. Для того Иллариий и в Трефолу вернулся, не издеваться же – он всегда выше был таких штучек. И теперь сидишь, думаешь... а солнце уже ко второй половине дня клонится, и тень на стены наползает.

Однажды он сидел почти так же в своих покоях в Трефоле, бросив нелюбимую жену – благо, Ари тоже не сказать, чтоб жить без него не могла. Сидел, с ума сходя от пустоты внутри себя, от того, что Лар от него таился – а ведь плохо ему, значит, так ненавидит! – и скользнула тень у окна. Он даже не обернулся. Если нелюдь убить его пришел – пусть. Помешать ему Север сейчас не сможет, чтобы пить чужую силу, нужны воля и желание, а их не было. Зачем ему для себя? Лару бы отдать, да тот не хочет.

– Илгу, – позвал Инсаар, и керл узнал голос, но прежде узнал бурлящую силу. И удивился вяло: никак сам Абилец в гости пожаловал? Быстроразящий приблизился осторожно, сел напротив человека и открылся, предлагая: пей. А Север молча на него пялился. Мелькнула дурацкая мысль: попросить нелюдя взять его в этот клуб тьмы, ноо, чтоб миг – и в Гестию! Увидеть, как там его сволочной любовничек живет, просто поглядеть, а то впору, как в старые времена, тайком в разведку ползать! Не поедешь же открыто, не пересилишь себя, да и Лар его видеть не желает.

– Могу научить, сам ноо откроешь. Твой прадед это умел, – Абилец покачал головой, а Север вдруг поймал себя на привычном жесте. А раньше не замечал – сидит и трет ладонью левую сторону груди, болит же. Ну точно как Амплиссимус делал, выродок без куска... Так приходит мудрость – когда начинаешь понимать и жалеть врагов?

– Только, чтобы пройти по нитям мира, нужно иметь много силы. Илгу, ты нарушаешь наш уговор. Отчего? Ты не желаешь нам зла, и народу своему зла не желаешь, так почему? – Абилец говорил спокойно и, чудо чудное, захотелось предложить ему танаме, напиться вместе, а потом уткнуться в серое плечо, и чтоб нелюдь его по голове погладил. Ха, одиночество еще не до такой дури довести может! У Севера Астигата никогда не было таких друзей, чтоб пойти и плакаться у них на плече. Он не показывал слабости Алеру, но тот сам все понимал, и становилось легче. Перед Ларом ему всегда хотелось казаться лучше, чем есть, Брена он и так вымотал, они оба вымотали – и отрезать бы себе язык за обвинение пустое, что, мол, Илларию мелкого опять довел! – а командир Первого Заречного легиона, бывший шиннард лигидийцев Верен, помер от старой раны, в боях с трезенами полученной, жаль. А теперь керл дошел до того, что перед Инсаар разрыдаться готов, только б чуть унялась эта мука бесконечная.

– А чего вам надо-то? – огрызнулся он, привычно сминая слабость. – Обряды проводим...

– Сколько раз в этом году объявлял ты Ка-Инсаар? – перебил нелюдь, не обозлившись. Да, это не Главный... Абилец и впрямь Старейший, так и веет от него силой – древней, могучей и на диво теплой. Странно, Инсаар, как и илгу, пугают обычно, а этот – ну точно аммо... Но нелюди отдающими не бывают – никогда.

– Дважды, – буркнул Север. Оправдываться нет смысла. Его воротило с обрядов – каждый раз напоминает о базилике Сарториска да о том, что навеки потерял.

Инсаар кивнул:

– Ты не принимаешь участия в обрядах и тем отвращаешь от них своих Дароприносителей. Видят они слабость твою и нежелание. А ведь слово ты дал, илгу с золотыми волосами, и карвир твой поклялся в том же, – вот зря нелюдь Лара помянул, зря! Север вскочил, взбесившись, и крутнулась в теле воронка. Сила Инсаар полилась внутрь, но нелюдь не закрылся, не шелохнулся даже. Видно, знал, что досуха человек его пить не станет, да и не сможет – сил сейчас нет.

– Хорош я буду на обряде, – прошипел Север. А, наплевать – все равно серокожий знает. – В мои годы мужчина сеет свое семя направо и налево, а у меня при виде задниц корчи делаются! Не хочу никого. Никого!

– Никого? – Инсаар повел в воздухе рукой. Мягкий свет. Тишина. Счастье.

Иллари! Нагое сильное тело выгнулось дугой, твердый живот подрагивает от возбуждения, и плоть напряжена. Вот с ленивой негой повернулся на бок, погладил ладонью бедро, потом рука сдвинулась... прикрыл глаза – а в них синева! Длинные пальцы на приподнятых ягодицах... видно: весь переполнен желанием до краев – и зовет, зовет, губы двигаются...

– Север, иди... иди же!

Он бросился вперед, себя не помня. Лар – здесь, с ним! И очнулся на полу – лицо залито слезами. Дурак. Дурак. Инсаар, тварь проклятая! И проклятая суть илгу, что не дает морочить долго... да наплевать, пусть морочит – хоть так увидеть, прикоснуться, и пусть потом стократ хуже будет, плевать... Сука же ты, нелюдь! Какая же тварь... Север зажал кулак зубами, чтоб не начать на коленях ползать, просить небывалого. Абилец встал, а даже злости настоящей не было, хоть за такое и убивают.

– Я бы дал тебе желаемое, илгу, но сам знаешь – морок исчезнет быстро. Но зачем тебе морок, если нить жива? Позови его, – Инсаар шагнул к окну – сейчас исчезнет, и останешься выть в пустых покоях. – И не взыщи: ты нарушаешь договор, и мы нарушим. Все, кто умрут в Заречной, наполняя силой наш народ и мир – по твоей вине окончат путь земной. Ты понял, илгу?

– Старейший! – будто удавка на горле, и говорить трудно. – Сколько раз на своем веку ты видел Дар равных?

– Четырежды, ваш – пятый, – быстро ответил Абилец, точно ждал вопроса. – Что еще ты хочешь знать? Неужели сам не понял: мы наводим морок из сокровенных желаний души и тела человека. Не будь карвира твоего в твоём разуме, крови и сердце, не побежал бы ты за призраком.

– А можно ли разорвать нить навсегда? – еще жила нелепая надежда: избавить от мучений и себя, и Лара, раз не быть им вместе. Инсаар покачал острой головой. Не виси его ноги в воздухе, как есть напомнил бы не то консула Максима, не то бабулю Иванну.

– Разорви союз, нить погибнет. Вместе с тобой. – Ночь темнела за окном. Вот оно – отчаянье. Я не пойду первым, и ты не пойдешь.

– Дважды это были человек и Инсаар, – Абилец говорил задумчиво, будто старый воин возле костра, вспоминающий прошедшие битвы, – один раз – два илгу, и раз – два сильнейших аммо. Я любил их обоих. Сила этой пары создала мир таким, каким мы знаем его сегодня, а я тогда был очень юн, оттого и вообразил, что все люди подобны им. Я давно знаю, как ошибался, но любовь к людскому роду живет во мне. Дар равных – общая страсть, одинаковая сила и желание, когда каждый рывок нити встречает ответный. Иначе невозможно.

– Из-за вас все, выродки серокожие, – буркнул Север. Утихшая было от силы нелюдя боль вновь брала свое, и он бездумно стиснул тунику на левой стороне груди. – Ладно, Абилец! Я не младенец и знаю, что сам виноват, сам же хотел... Иди! Ка-Инсаар объявлю завтра же, и пусть... другие радуются.

Нелюдь качнулся к нему по воздуху, на миг приложил шершавые теплые ладони к вискам – боль будто губкой стерло! Север взгляделся в черные омуты глаз. Мелькнула шальная мысль: если любовник прадеда был таким хоть иногда, то Райна можно понять... только нелюди все одинаковы – мягко стелят, да жестко спать.

– Глуп все же ты, илгу. Хочешь совет? Объяви обряд, пойдя туда, потяни нить – и сам увидишь, что будет...

– Иди, сказал! – ни за что! Чтоб потом на земле корчиться и драть ногтями морду? – Будет вам Ка-Инсаар, а прочее не твое дело...

Абилец исчез, не дослушав, а Север еще раз проклял его вдогонку – чтоб тебе нити мира спутать, серокожий! И без того тошно было, так пришел, поковырялся в незаживающем. Лучше б сказал, когда мелкий выздоровеет! Вечно все поздно понимаешь – нет бы просить Абильца сломать стенку, что в Брене... помогло б? Сам Север боялся так с мелким поступить, знал: решимости не хватит, вдруг выпьешь? А дурень Райн Рейгард не желал, ишь, обиделся, когда ткнули правдой. Брен и Райн со стороны себя не видели, но Север давно приметил, что брат от одного охранника и не шарахается. Прикосновения чужих людей ему противны, а к Райну льнет. Ну да – тянет его к десятнику, а тот не замечает. Хорош керл, будто не знал, что в такие дела лучше не лезть, но сил уже не было смотреть, как брат мается. Разделенная с любимым ночь многое сотворить может, смяли ж ему самому разум две ночки в шатре близ базилики Сарториска – вообразил, будто Лар его любит... как будто неясно – такие, как Иллариий, не способны попросту. Но Райн был прав: видать, сам Север тоже не способен, раз не решается поехать да в глаза карвиру глянуть. Что говорить о гордости, разве сам себя обманешь? Но только... прогонит его Лар, и больше вообще ничего не останется. Брен же любил сына Крейдона, Инсаар знают как и за что, но любил. У братишки глаза теплели и оживали, когда он глядел на Райна. И сам керл ошибся, предложив силой взять. Объяснить нужно было, растолковать: ласкай долго, пока просить не начнет, а после не уступай мольбам! Пусть, когда плоть в себе почует, запросит прекратить, а ты будь ласковее да настойчивей – и прорвавшееся семя снесет стену. Может быть, снесет. Просто все остальное уже пробовали, а защиту можно только ударом выбить. Если же Райн думал, что любому и всякому такое Север предложит, значит, не в отца сын пошел, ума нет. Да что поделывать, никогда не умел керл с людьми говорить и уже, видно, не научится. Да и зачем? С Илларием все равно никогда больше не заговорят.

Тогда и придумал писать учиться. Вот пройдут года, злость и унижение совсем улягутся, а с привязи все едино уж не сорваться, и напишет он карвиру сам, своей рукой – мелочь какую-нибудь. Про дела, про Друза того же... Может, Лар ему ответит – ну, хоть что-то получить, хоть немного... Чтобы в руках держать пергамент и знать: Лар его в ладонях грел. И ответил, не погнушавшись варваром... буквы эти косые, четкие... простил бы только. Дурь ревнивую, им жизни сломавшую.

– Керл! – командир охраны тронул его за плечо. – Два часа пополудни.

Труба, видно, пела уже, и теперь стояла тишина. Желтые стены перед глазами, желтая трава. Двум смертям не бывать, верно? Он въедет в город и все узнает. А если Лара там нет – просто сожжет Мирас к инсаарьей матери и...

Ну, сказал же, дураки ученые, остеры эти! Стоило керлу с охраной миновать ворота, как на шест рядом с синим «хвостом» архонта полезли еще два, и Север, прикрыв рукой глаза от солнца, смотрел на зелень и серебро рядом с алым и золотым. Протектор Предречной Лонги находится в городе Мирас, если тупицы остерийские ничего не путают. Но страх не отпускал до самой базилики Аристоника, где архонт им встречу назначил. Лишь когда он увидел белую тунику и знакомый рисунок на темном плаще да наручень аристократа, сердце забилося, ожило. Север не знал, как сполз с седла, как прошел к столам. Иллариий Каст сидел рядом с архонтом... Стратоном... а, плевать! Этот человек – его Лар? Напряженное тонкое лицо, губы в полоску, светлые... серебряные волосы убраны назад... и темная синева. Давай, скотина, дыши, бейся, гони кровь по жилам – карвир твой смотрит на тебя и... Керл остановился возле стола. Он не видел, как люди встали с лежанок, как кланялись, как архонт склонил лысую голову... ничего не видел и видеть не желал! И говорить не мог. Иллариий тоже встал. Мир разлетелся на куски и оставил их вдвоем.

– Ты уже знаешь? – Лар шепчет или орет? Неважно: я слышу! – Про Брендона знаешь?

– Нет... не... – и не договоришь, потому что незачем. Карвир улыбнулся, и натянулась нить, и ослепила вспышка силы, волна тепла и счастья... память Иллариия, память души и тела – о мелком. Страх, потом ярость, тьма, а дальше – ярчайший свет... что это? – Сила вернулась? Да?! Лар!

Карвир кивает, снова улыбается. Смеется. Синева, родная, невозможно близкая...

– Сядь! Он писал тебе? Да сядь же ты!

– Сам садись! – Через стол не дотянуться, но можно перепрыгнуть... Старикашка трясет лысой головой, лепечет что-то... Кто этот болван и что ему нужно?

– Север, позволь представить тебе архонта славного града Остериума. Стратон Митидиад ждал нас три дня, – поет, мать его! Певучесть не делась никуда, а что с его волосами? – Роммелет Стратон, мой карвир, Север Астигат счастлив видеть...

– Счастлив! – еще как счастлив! Повернись, Лар, ну повернись же! Два взрослых мужика не могут вцепиться друг в друга, точно мальчишки, у всех на виду, архонт не должен знать, что они три года не виделись и мирятся у него на глазах. Мирятся? Да?! Лар! Если не повернешься... пошел бы архонт со своими риерами подальше и стол, на котором еда и вино... прыжок один, и буду рядом. Повернулся! Густая волна ниже лопаток... не стригся... зарыться бы пальцами, прижать к лицу. Понять, почувствовать и поверить: Иллариий и правда здесь, рядом.

– Север... сядь, пожалуйста.

Хлоп на мраморную лежанку, а Иллариий выбрался из-за стола. Все сделаю, как попросишь, только подойди! Стоит близко – лишь руку протянуть, а страшно: вдруг

отдернется и уйдет? И что тогда? Нет, уселся рядом, не касается, не двигается. Молчит. Смотрит прямо в лицо... кажется или у него тонкая сетка морщин вокруг глаз? Только позволь – все забыть заставлю: и дурь свою, и твою обиду, и безумие. Никогда – ни на миг, ни на час не воображал себе, что есть и будет в мире кто-то лучше тебя. Веришь?

Верю.

Без слов, точно шелест ветра в сознании, а нить тянется и крепнет – драгоценная... Стоило лишь увидеть, почуять близость – и вернулась! Нет, они ее раньше вернули, когда перестали рваться и губить друг друга.

Они говорили о чем-то – обо всем сразу. О Брене – мелкий свел их, что может быть дороже? И как же хорошо, что мальчишка здоров и счастлив, ничем такую радость не оценишь! Потом Иллариий спросил, где он был два часа, раз обещал приехать в полдень? «Твоей рукой написано?... – и улыбка, измученная и светлая. – Говори: твоей?» – «Моей, верно». – «Спасибо, Север». – «За что?! За каракули и опоздание?» – «Ну, ты всегда опаздываешь, а письмо твое... – рука легла на пояс, – здесь, со мной». – «Я хотел, чтобы ты знал, Лар... – проклятуший старикашка тут, иначе б другое сказал... – чтоб ты знал, как встречи мне хотелось». Вот, сказал! А Иллариий не скривился, не превратился в Холодную Задницу. Молчит и улыбается. Они принимались говорить еще о чем-то, перескакивая от стратега Друза к налогам и мостам, от остерийских магистратов к дяде Кладью, и замолкали, казалось, на часы, и стены базилики плясали и прыгали вокруг. Слышать его, видеть, чувствовать – мысли, тепло... и так близко, и поет ошалевшая нить. Потом старикашка куда-то исчез, Север не понял – куда, а Иллариий удивленно посмотрел на опустевшее место архонта и сказал: «Должно, тот удалился на отдых, завтра в зале этой базилики нам встречаться перед свидетелями и гостями. И мы можем отдохнуть, вымыться, вот... да ты ж не ел ничего!» – «Так ты тоже...» И смешинка тает в разбушевавшемся море, темном до самого дна, полном густых теней страха и... страсти?

И вот они стоят посередине огромной купальни, и раб льет на руки воду. Попусту льет, они не замечают, что делают. А потом Иллариий передает ему полотенце, и ладонь касается запястья. Что-то дикое, всевластное с размаху шарахнуло прямо в живот, потом жар перекинулся выше, застучало сердце бешено, и сумасшедший зов рванул к себе... Поздно, не убежишь! Смотри на меня, смотри, не закрывай глаза, и я не закрою. Кровь шумит в ушах, и губы, любимые губы что-то шепчут:

– Здесь есть... одна спальня... там уже прибрали... видел... только... я спятил, наверное. Мне страшно!

– Мне тоже.

Я же тебя три года не касался, стой, не двигайся, иначе умрем оба – слишком велика тяга, слишком силен голод... осторожней, не хочу, чтоб плохо тебе было. Но Иллариий Каст родился без разума – слепая сила! Вжался бедрами в пах, и свет померк.

Как он оказался в маленькой комнатухе, сплошь заваленной коврами и тряпьем? Будто сознание терял... не как во время драк с нелюдями – от иссушения, не как в бою, от ран, а словно со зрением что-то стало, пылинки золотые в воздухе кружатся. И дышать тяжело, и колени дрожат – и Лар стоит напротив, вырез туники пальцами рвет. На скулах

румянец, а губы белые. Я всегда первый шаг делал и сейчас сделаю! Протянуть руку, коснуться тихонько подбородка... не отшатнулся, замер просто. И шепотом:

– Какой ты красивый стал, Север, – поет, мука моя...

– Ты лучше.

Так боялся спугнуть, что, кажется, целую вечность три движения делал, чтобы обнять – на плечи ладони положить, притянуть к себе, поддержать под спину. А Лар вдруг вывернулся, потянул расшитую тунику вверх – и прижался нагим телом. Севера затрясло тут же, потому что темные соски так вперед и торчали. Иллари еще раз извернулся, стал спиной, голову на плечо откинул... мягкие волосы – голой кожей чувствовать хочется, сил нет! И нить натянулась, точно канат – не порвешь, и страшно, страшно, потому что тянет она нечто огромное, чего раньше не было – или было? – и кружится золотой туман. Карвир обе его руки на грудь себе положил, и Север со стоном сжал тугие горошины, принялся терзать... нить говорила, чего любимый хочет – остро, сильно, чтоб больно стало...

– Я постарел, – глупый какой! Лар вот такой, как сейчас – глаза распахнуты, бисеринки пота на коже, прыгающие губы, сорванный голос, – краше всего, что Север видел.

– Неправду говоришь, – и потянуть губами серебряную прядь на виске – целовать, целовать... а тот прижался ягодицами, сильнее сжал ладони на пальцах, соски ласкающих. Почему он раньше кидался на Лара, будто зверь на добычу, никогда не вглядывался, какое чудо ему досталось, а сейчас хочется смотреть и говорить, говорить – и знать все, чего за три года не ведали друг о друге. Но вначале важное: – Иллари! Ты слышишь?

В ответ короткий стон, и еще теснее придвинулся. Но, если раздеться, едва ль они удержат эту силу, а нить тело наизнанку выворачивает, и странный гул все сильнее.

– Я так ждал тебя...

– А я опоздал. Прости! Как дурак, сидел два часа под стенами, думал: не окажется тебя здесь, сожгу все, как не было...

– Мирас нам пригодится еще, – смех молоточками бьет в виски, а Лар вновь извернулся, приподнял подбородок, стиснул пальцы. Глядит в глаза, точно пьет, а нить скручивает спираль... когда свернется в клубок, отступать будет поздно. – Это я – осел! Хотел сбежать от тебя, от себя. Я поклялся быть твоим, а ты – моим, разве можно было перечить, а я перечил. Нас обоих наказал.

– Наказал! Я подышал без тебя. – Запрокинутое лицо и струйка крови по губе – лизнуть языком, впитывая вкус. – Мы оба наказали... ты меня прости? Этот Эйрик... в жизни себе не забуду. Просто, Лар, не могу делить я тебя с другими, думал: не стану... но... а, мать твою имперскую! Вернись только, а? – и впрямь сейчас верил: только б рядом был, а так, ну, нужно ему... пусть. Хоть и неправда это, хоть и убить хочется при одной мысли, но Лар же, Лар! Ему что угодно позволишь.

– С кем делить? Ты не веришь мне?! Север! – и рывок, отчаянный, резкий. Не пущу! Вот так нужно было держать, когда из Перунии вернулся. Отхлестать по морде, как испокон веку за измену лупят, и запереть. – Нет и не было у меня никого! Слышишь! – кричит как резаный, бьется. – Только раз... я хотел нить порвать, доказать, что жить без тебя могу. Понял? Что ты мне не хозяин, а я тебе – не раб. Любимый мой, пойми... если сможешь, прости, я не смерти испугался из-за раны твоей – того, что не нужен, а завишу от тебя во всем, в ногах ползаю... Север...

Крепкие пальцы в волосах на затылке, тянут к себе знакомо... что несет такое, сумасшедший?

– Когда это ты ползал?

И твердый ответ:

– Всегда, – прямой взгляд – глаза в глаза. Ну, так увидишь ты сейчас, кто тут ползает. На полу ковер расписной, а хоть бы и навозная жижа была.

– Ты что? Встань! Немедленно встань!

Прижаться лицом к коленям, пальцы в замок сцепить. А он уже рядом, на ковре.

– Ну вот... в ногах поваляться не даешь... а тут мое место. Только вернись. Поедем отсюда в Трефолу, Лар? Поедем, прошу, – и замирает сердце, будто зная: откажет если, замрет навсегда.

– Я нужен тебе?

Только кивнуть и осталось, а он лишь губу прикусил.

– Да.

Иллариий молчал, пальцы терзали край повязки на бедрах, и Север торопливо продолжил:

– Я у тебя прощения вымаливать должен – и вымолю, только позволь. Плевать мне, с кем ты там и когда... может, я ослеп, но нить-то не соврет. Я тебе нужен, а уж ты мне... да чтоб ты провалился! Не умею я говорить, на ложе докажу, – Север торопливо принялся стягивать одежду, но, прежде чем разделся, Иллариий стоял перед ним нагой. Прижал ладонью плоть, захлебнулся стоном, а раскаленная спираль так и завертелась, мешая видеть. – Ну, давай же...

Лечь перед ним, ноги раздвинуть. Нить сама все скажет, хоть и страшно, что вырвется из-под печатей разума и воли и натворит... да чего она еще натворить-то может? И без того они в вечном рабстве друг у друга. Вот что такое Дар равных. Когда без второй половины своей весь мир пустыня, когда лишь вместе вы сильны и никто тут больше не выбирает свою судьбу, да и не хочется выбирать – дорога у них общая.

– Нет! Я хочу доказать... – и падает на колени рядом, прижимается всем телом, а ловкие пальцы уже обхватили плоть, сжали мягко, ласково... да знал Север, что на ложе Лар точно дикая большая кошка с когтями острыми. Хорошо как!

– Ты же не веришь, – вновь повернулся, глядит искоса из-за плеча, ягодицы поджались, напряглись. Север замотал головой. Еще вот только изогнись сильнее, повалю! И потом не остановишь. А Иллариий того и хочет, оперся на руки, приподнял задницу, и спираль принялась последние витки нарезать – жгучая мощь силы. Выдержат ли они?

– Лар, проклятье... я тоже хочу, чтоб взял ты меня.

Ах ты ж, бестия! Крутит задом, стонет глухо, хотя не касались его еще...

– Успеешь! Я поеду в Трефолу, но знай: ты больше никогда не обвинишь меня в измене. Раз случилось – и не повторится, а если услышу, как оскорбляешь... мое тело больше не получишь. И не говори потом про «блядь имперскую», сейчас сам убедишься – у меня три года никого не было. – Как будто у Севера кто-то был! Да спорить бессмысленно с ним сейчас, когда у него вот так из-под черных ресниц безумной синевой глаза горят. Низко, протяжно: – Только ты меня брать будешь, но так, как я хочу, – и почти жалобно: – поласкай еще немного...

Ну, сам просил! Север накрыл подрагивающее тело своим, зарылся лицом в волосы. Вот оно, наслаждение, плоть собственная от одного прикосновения к серебряной

мягкости в камень превратилась. Вечность буду ласкать эти пряди шелковые, все брошу ради тебя... Покрасневшая влажная кожа горела под его губами, а он оторваться не мог, так и целовал спину и плечи, шрамы от инсаарьих когтей... а после Иллариий притянул его руку ко рту, каждый палец губами сжимал осторожно, потом покусывать принялся – и голова кругом шла. Нить дорвалась до силы и давно что-то небывалое с ними сотворила, раз он стонет глухо и не замечает, а Лар так и вовсе оскалился – от желания с ума сошел, волчья это ухмылка... Приподнял зад, мышцы заиграли вновь, и Север выругался громко. Только Лар перестал его пальцы облизывать, толчком ввел оба сразу и почувал, как узкое нутро стиснуло, отпускать не желая. Жаркая, содрогающаяся в спазмах теснота... огненное месиво перед глазами. Попались. Сейчас сорвет. Он вздернул бедра карвира резко, вставил пальцы вновь – наслаждаясь узостью, находя нужное, – а тот выкрикнул:

– Веришь?

– Молчи! – и снова, и снова, подчиняя, заставляя подаваться навстречу и кричать.

– Я с тобой... каждый раз, как мальчик... будто впервые меня берут, понял?! Еще раз посмей блядью назвать, змея белобрысая, с процедурами спать станешь, лесной выкормыш... Люблю! Только тебя – знай. Запомни!..

Вход раскрылся под ласками остервенелыми, узкая гибкая спина вздрагивает, прогибаясь, бедра в стороны разведены – и бьется наслаждение под пальцами. Пора, больше время не потянуть – а хочется, век бы глядел вот на такого, век бы слушал. И страх взял за горло, а нить, казалось, намотала их на оси во весь опор несущейся колесницы.

– Лар, – он наклонился близко, выдохнул: – чуешь, чего делается?..

Тот кивнул и потянул ближе – к себе, в себя. А Север произнес, быстро и громко:

– Пусть чары убьют нас. Без тебя все равно не жил.

Лар вновь кивнул, вцепился в ковер, а Север провел языком по ждущему входу и соединил две спирали – в одну. Нутро тисками сжало член, но он не отступил, и огненное колесо рванулось вдаль. Золотая воронка втянула их обоих в себя, и заныли томительным, ненасытным желанием истерзанные соски – будто у него самого. И будто в него вошла истекающая соком плоть, и одновременно он сам плавными толчками растягивал любимого. Закачался перед глазами красный ковер, от чувства заполненности и одновременно обладания хотелось орать, да голос пропал. Понеслись рваные видения, каждое, как удар – вот он стоит на берегу Большой реки, и ветер уносит прощальные, горькие слова: «Что я наделал?!» Вот несется на черном жеребце по равнине, а вдали огни Гестии... и соленые капли на губах – не забыть. Вот поднимается по лестнице, устланной пурпуром, и тощий человечек в золотом венце Всеобщей Меры протягивает к нему трясущуюся руку. А рядом другой, знакомый и не знакомый, хоть Север поклялся бы, что никогда его не видел – шапка кудрей и хорошая такая улыбка... видения подарили целый мир... Нет! Просто соединили две половины разорванного. Нить жила и пела, и на миг прервался морок, дав возможность ощутить себя – в нем, ненаглядном, единственном. Жесткие удары плоти, и Иллариий насаживается сам, сжимая нутро... и серебряными змеями шелковые пряди по мокрым плечам. Север протянул руку, намотал на запястье, чуть дернул к себе, вложив всю нежность, все желание и страсть – и любимый забился в его руках, яростно лаская себя. Морок кружил и кружил, нить замкнула круг, сила,

торжествующая победу, вырвалась на свободу и распахнула тесные своды. Пей хоть небо! Всю землю. Мы – едины.

А потом он перебирал влажные пряди и твердил, как заведенный: «Только не бросай меня, ладно?» Лишь Лар один такое с ним творит, и пусть. Карвиру и так известно, что Север Астигат без него ничто, а остальное – пройдет. Вот, прошло уже...

– Хорошо, что не стрижешься ты. Я не говорил, не смел никогда, но не стригись больше, а? И мелкому нравится.

Иллорий кивнул, облизнув искусанные губы. Потерся скулой о руку, вздохнул – легко, свободно.

– А понравится твоему мелкому титул наместника союза Лонги, как думаешь?

Не понравится, а что остается делать? Север давно думал, что брата нужно ввести в Совет хоноров, по крайности, но болезнь мешала, Брен и без того на пределе сил человеческих. Но править от имени карвиров он заслуживает, как никто другой.

– Хорошо ты придумал, – протянул он. Приподнял карвира, устроил между разведенных коленей и принялся гладить поясницу – жадно, неутолимо. Вот же проклятье! И хочется, мочи нет терпеть, хочется еще раз – нить свернулась в животе жарким клубком и норовила выпрячься вновь, но еще больше хочется знать о Ларе все! Вопросов было так много, что Север просто не знал, с чего начать. Ткнул в первое попавшееся, хотя хотелось иное спросить:

– Как считаешь, когда нападет Друз?

Протектор на нем извертелся весь, вжимаясь пахом в пах, короткими поцелуями касаясь груди и горла, но ответил со смешком:

– Вот именно – когда! То, что нападет, сомнений нет, просто так столько риров на разведку и соглядатаев не тратят. И Брендон вновь останется один воевать в Трефоле с кучей остолопов и воров, – ну да, а еще келлиты, и Ари, и магистрат Гестии, и остеры... Но Брен – за неведомые деяния посланная им награда. Не заметил керл Заречной, как и когда братишка, коему нос утирал и на руках таскал, превратился в опору старшего брата – самую твердую на свете опору. А ведь мог потерять его, столько раз мог...

– Знаешь, Лар, мне до сих пор дико – мелкий-то вырос!

Карвир захохотал в голос и уткнулся лицом в грудь, а Север хлопнул его по горячей ложбинке между крепкими полушариями.

– Ну чего смеешься? Он как впервые на меня наорал да потом воспитывать взялся, я все думал: может, сплю? Мой сопливый младший братишка такие вещи говорит, что иные мудрецы не выдумают. Даже страшно стало...

– Почему страшно? Брендон умен, осторожен и куда более дальновиден, чем мы оба. Он ухитрился не поссориться с Данетом Ристаном – это ли не доказательство? Он свел нас и...

– Ну да, все так. Да только оторопь берет. Вот глядишь на него, когда он свои речи ведет, и думаешь: это мой мелкий, да? Не верится. Что он про Друза толковал?

– То, что обычно толкуют аммо: мы должны сохранять мир, война вредит торговле и людям... но я ему доказал, что без войны скоро будет не обойтись. Север, – Иллариий резко поднял голову, синева полыхнула тревожно, – с каким нелюдем ты разговаривал? Прости, что спрашиваю...

И сжался весь, будто ожидая удара или отказа грубого, но керл лишь засмеялся и притянул союзника к себе для поцелуя. Хорошо, что Иллариий сам такой вопрос задал! Смешно и странно, подсмотрев сокровенное в мыслях любовника, спрашивать потом... но раньше им никогда решимости не хватало, потому и устроили себе три года пытки.

– С Абильцем. А что за кудрявый малый ходил с тобой к дяде Кладию?

Иллариий фыркнул:

– Квинт Легий, более известный как... не хмурься, я знал, тебе ответ не понравится! Это давно было, еще в квестуре. А вспомнил потому, что Квинт мне в тот день сказал, что я не живу, хоть и дышу, и по земле хожу. Он говорил: «В тебе, Иллариий, спит большая сила, счастье и горе будет тому, кто ее разбудит...» Ты разбудил, Север. Ты счастлив? – карвир опустил глаза, точно виноват в чем, и другим голосом спросил: – А зачем приходил Абилец?

– Может, после про нелюдя? – желание требовало своего, и так хотелось доказать: я счастлив так, как мечтать не смел! Слова – лишь бледные тени дел, они с Ларом только потому сейчас вместе, что храбрости на поступки хватало. Иллариий, чувствуя дрожь бедер под собой, прижал руку к паху карвира, обхватил пальцами плоть, и Север понял, что кончит тотчас же. А хочет иного: чтоб Иллариий силу свою на нем показал, вошел так глубоко, как только сможет, семенем нутро наполнил... – Лар!

Проворные пальцы принялись ласкать пока еще сжатые мышцы медленными круговыми движениями, еще чуть – и никакое масло не нужно станет. Но карвир медлил – нарочно, а как же!

– Бестия имперская... пытаешь, да? Затем приходил, что мы обряды не соблюдаем так, как им нужно. Больше хочет... ну, серокожим всегда мало, хоть ничего, кроме Ка-Инсаар не делай...

– Он угрожал тебе? Нам? – в глазах союзника зажегся опасный огонек. Он вцепился в бедро Севера. – Ясно, почему он ко мне не пошел! Ненавижу...

– Ну, ты чего? – Север быстро прижал карвира к себе, дотронулся губами за ухом – Лару всегда такая ласка нравилась, потом поцеловал яростней, жарче. – Пусть они нас ненавидят! Мы их вынудили на мир пойти, а еще полезут, так...

– Твой сын...

– Наш, – перебил Север и засмеялся, – ничего своего, что на двоих бы не делилось, помнишь? – Иллариий глядел на него так, будто союзник на его глазах превратился не то в нелюдя, не то во что-то вовсе небывалое. – Ты боишься, да, Лар? Не ненавидишь, а боишься? И оттого...

– Да! – карвир со стоном втянул в себя воздух – спираль раскручивалась в их телах, притягивая две половины друг к другу. – Брендон Астигат-младший родился илгу, верно? Откуда я знаю? Ты думал об этом, когда он появился на свет, и жалел, что силы в нем меньше, чем в тебе. Меньше, чем во мне, Цесаре, Крейдоне... что он не сможет воевать с тварями – потом, когда они придут в себя, когда вырастет новое поколение.

– Не все нелюди – твари безумные, не все людям зла хотят. Они понимают, что не выживут без нас, – медленно проговорил Север, силясь передать свою уверенность. – И не желаю я думать сейчас ни о чем таком! Отымеешь ты меня или как?

– Узнаю Астигата, – прошипел союзник. Руки вплелись в пряди на затылке Севера и тянули к себе – почти остервенело. То, что нужно! – Получу желаемое сейчас, а после хоть трава не расти?

Керл подумал, что раньше на такой упрек точно взъярился бы. Но сейчас он знал, почему Иллариий говорит так резко – некоторые раны души не лечатся никогда. Для протектора Инсаар всегда были чем-то лишним в этом мире, трудно ему, ой трудно...

– А как же! – Север стиснул бедрами бока Иллариия, требуя своего, законного. – Мы люди, Лар, люди, потому и воевать должны по-людски, и защищаться тоже. Вспомни, как мы свернули шею Амплиссимусу? Разве чарами? Серокожие будут проигрывать – ведь нас все больше, и все умнее род людской. Рен слабее и тебя, и меня, но будет умнее стократ – и советники его, и полководцы будут умнее... А нелюди боятся железа, и остерийского огня, и много чего еще, что на свете придумано для нас – людей... и я получу желаемое – всегда, и ты получишь. Мы...

– ...карвиры, а весь мир пусть утрется? – союзник больше не пытался вывернуться, и Север заставил его вернуть руку туда, где была – к промежности, к налитой желанием плоти, а потом зашептал куда-то в шею:

– Да, мать твою имперскую, да! Да! И замолчи ж ты уже, я, когда тебя слушаю, обо всем забываю... а мне другое нужно... Давай, отдери меня, понял? И не жалея, не думай, что больно, от тебя и боль – счастье...

Темная воронка страсти и горячечной нежности смотрела на него из распахнутых глаз Иллариия Каста. Такова любовь илгу – подчинить и пить, а после отдать вытянутое, и, должно быть, в этом и есть смысл Дара равных... Пей меня, а я пью тебя, и все быстрее вертится спираль, и от нестерпимого натяжения нити хочется орать во весь голос. Рваные мысли в сознании будто выжали последние капли разума.

Зверя из меня делаешь, тварь бешеную, лишь с тобой я теряю себя – и не хочется возвращаться. Север, Север, ты для меня все, и никуда больше не отпущу, никому больше не отдам.

И хриплым шепотом – вслух:

– Мой! – быстрое движение, и Иллариий рывком приподнял его бедра, подsunул расписную подушку, встал на колени, заставив обхватить ногами талию. – Никому...

Рычит, точно кошка большая. Злая одинокая кошка, что нашла в лесу свое счастье, и хочет, и боится вцепиться когтями, но когда меркнет сознание, вместе с ним исчезает и

страх. Иллариий двинулся вперед, крупная головка растянула вход, заставив замереть на миг, впитывать и боль, и острую радость – принадлежать, унять лютый голод трех проклятых лет... Стереть их из памяти, из сердца, и жить, жить, зная: он больше не будет один, не будет темноты ночи и нестерпимого чувства потери. И пусть он уже однажды был уверен в этом и вновь потерял, но, когда Иллариий берет его – жестко, заполняя собой, заставляя сжиматься вокруг подрагивающей плоти, – страх исчезает. Его больше нет! Сцепились две воронки, в ярком вихре силы уже нет двоих – они едины, а нить звенит, звенит...

– Встань! – Иллариий вышел из него, заставив застонать нетерпеливо, дернул за плечи. – К стене встань...

Север поднялся, шатаясь, засмеялся – громко, ликующе – и распластался по беленой стенке покоев базилики Аристоника. Карвир подошел сзади, обнял за талию, потом принялся мять ягодицы, ткнулся в затылок лицом и тут же вновь взял его – глубже прежнего. Белая шершавая поверхность отдернулась, точно в стене ни камней, ни извести, – и сияло перед глазами солнце, сокращаясь в такт толчкам в его теле. Злые укусы на плечах, на горле, острая сладость... и рука Иллариия – на члене – сжимает, гладит все быстрее, быстрее...

Твой. Твой, сломай меня, а я сломаю тебя, и рухнут все преграды, и мы простим друг друга – по-настоящему, навсегда.

Они пили и пили и никак не могли насытиться. Лишь потом Север сообразил, как должно было быть плохо тем, кто оказался в тот момент рядом, но тогда ему было все равно. Он вывернул Иллариия наизнанку, а тот – его. В упоении соитием они понимали то, что вечно пряталось за словами и поступками: лишь общая страсть когда-то свела их, и только сейчас они учатся быть вместе. Нет и не было ничего общего у аристократа и варвара, вечных врагов и соперников. Это общее они должны строить – каждый день, каждый миг, – и, если отступить хоть немного, рухнешь в пропасть. Но нить крепка, и, когда наступил предел и оба вытянули все, что могли, пошла отдача. Север знал, что орал как резаный, подаваясь назад, помогая рывкам Иллариия – тот, даже кончив, не желал его отпускать, прижимался всем телом, но впервые не просил прощения... Они просто делали то, что хотели, и все тут, пусть такую любовь нельзя назвать человеческой.

А потом валялись на ковре и говорили – обо всем, что было и что будет, – и перебивали друг друга, требуя заткнуться и продолжить, и все никак не кончались вопросы и ответы... Но Север все же исхитрился и, когда Иллариий вздумал принести вина, перехватил его по дороге. Повалил спиной на мраморный стол, долго ласкал губами промежность и чресла, пока любовник не принялся осыпать его бранью: «Змея белобрысая, ты меня убить хочешь? Отплачу, вот только отпусти!»

Но Север не отпустил до тех пор, пока Иллариий не прекратил ругаться и не стал просить – низкими стонами, – и тогда, задрав ноги карвира себе на плечи, имел его так глубоко и сильно, что тот лишь вскрикивал и руки себе зубами рвал... а после встал с трудом, и семя по ногам текло. Вот так-то – мой и не денешься никуда. На рассвете – а спали они полчаса, кажется – Иллариий ему и отомстил, ха! Прижал к коврику, прошипев: «Ложись на живот!», и устроил ему ласки «по-императорски» – языком так глубоко проникал, что казалось, семя без прикосновения к члену брызнет... но карвир ему кончить не давал, сжал пальцы кольцом, а после поставил на колени и ну объезжать! Когда в дверь поскребся командир охраны керла Заречной, оба пили вино и смеялись, и Иллариий

рассказал ему легенду народа ривов¹¹, кою Север лишь мельком слышал еще в квестуре – легенду о Созидающем. И задним числом – ну, как всегда! – пожалел, что чуть не сцепился с Абильцем... какие ж они младенцы все еще! А что если о Брене, его братишке Брене, через века сложат такую же сказку? Где будет все: и предательство, и смерть, и война, и великая Любовь, – но не будет правды, потому как, кто ж ее знает, истину-то?

Ну, разве, кроме старикашки архонта Стратона Ме... – как бишь его? – что глядел на союзников с утра так, словно они дети неразумные, но все равно подписал завешание, нечего сказать, громко возгласив: «Союз Лонги крепок, как... – тут архонт сделал паузу и добавил: – как узы плоти, соединившие сих двух мужей», – ух, зараза остерийская!

Командир охраны доложил им с Ларом, что вся свита архонта судачила: негоже двум взрослым мужчинам предаваться страсти, когда ждут дела великие! Это какие-такие великие? Что может быть важнее Иллария – встрепанного, с горящими скулами и синяками на губах, с сияющими по-мальчишески глазами? Неужто риеры архонта? Нет! Северу говорить было лень, он едва не заснул на встрече, привалившись к союзнику плечом, и протектору пришлось отдуваться за двоих, но Лар справился. Он же умница... Еле поднялся, цепляясь за Севера, и сказал архонту: «Кроме уз плоти, у союза Лонги есть еще другие – узы братства в бою, что связали двенадцать легионов». Северу было смешно глядеть на вытянувшиеся рожи остеров и гостей, среди коих уж непременно затесались человечки Друза. Вот так вам! Но будущий наместник союза Брендон Астигат-старший прав: не остерам силу нужно показывать.

Сесть в седло было тяжеловато, но оба хотели быстрее убраться из Мираса – домой, в Трефолу! – и потому уехали, даже не позавтракав. Но через пару риеров собранная сила дала себя знать, и Северу никогда не было так хорошо и легко, как в то осеннее утро. А рядом улыбался Илларий. Помолчал-помолчал и выдал итог своих раздумий: «Через месяц начнется седьмой год, как заключили мы союз, карвир. Надо бы это как-то отметить, а? Мне без тебя плохо думалось, лишь сейчас в голову пришло, как лучше уесть теперь и остеров, и имперцев – введем свою монету, и пусть повернутся...»

«Брендон, поручаем тебе начать изъятие золота для переплавки. Новая монета будет называться риром Лонги. И еще: на аверсе и реверсе не должно быть наших изображений. Твой брат считает, что это слишком по-имперски, так что придумай что-нибудь...»

Год от основания Отца городов Риер-Де 879 Десятый год союза Лонги

Вилла Клеза

«Брендон, поручаем тебе начать изъятие золота для переплавки. Новая монета будет называться риром Лонги. И еще: на аверсе и реверсе не должно быть наших изображений. Твой брат считает, что это слишком по-имперски, так что придумай что-нибудь...»

Брен так ждал того мига, когда карвиры решат ввести свою монету, так намучился в попытках упорядочить денежные дела союза, что в утро встречи с братом и Илларием ни о чем, кроме нового золотого рира Лонги, и думать не мог. Он сидел в главном зале

¹¹ Легенду о Созидающем см. в Приложении.

дворца Трефолы рядом с Ари и племянниками, а мысли его витали вокруг эскизов монеты, нарисованных собственной рукой. Райн, правда, ворчал: без пояснений-де он бы не понял, что это за кусты изображены на пергаменте, и карвирам эти ветки определенно не понравятся. Но Брен заготовил целую речь в защиту своей идеи и раз десять принимался доказывать любимому: да, так еще никто не делал, но и союза, подобного Лонге, никогда не было, поэтому они все должны придумать сами! В конце концов Райн заявил: «Пойди проверь свои ветки на папаше моем, Цесаре Риере и керле Ари, увидишь, что они скажут!» Но к удивлению сына Крейдона, все трое долго рассматривали рисунки и умиленно улыбались. И командирам войска союза, и керле понравились незамысловатые изображения, напоминавшие лонгам о родных лесах, а имперцам – о согретых солнцем равнинах. Цесар предложил к двум переплетенным ветвям, миртовой и можжевелевой, добавить два скрещенных меча – дескать, мы дорожим миром народов наших, но меч у нас всегда наготове! Мысль была хороша, и Брен два вечера пытался придумать, как расположить на рисунке еще и мечи. Извел кучу пергаментов. На третий день Райн привел застенчивого парня, родом из Предречной, и пояснил: «Юноша сей разрисовывал стены храма в Трефоле, а раньше работал подмастерьем у рисовальщиков в Миариме. Прости меня, Брен, но сам ты так рисуешь, что карвиры точно не поймут, чего намалевал...» Брен пришел в восторг от рисунков новой монеты – эскизы, созданные застенчивым парнем по имени Марк, было не сравнить с его собственной мазней! – и, не в силах дожидаться, пока рисовальщик оставит их одних, тихонько подкрался к Райну сзади, обнял за талию, прижался губами к шее... до затылка он не доставал, разве что на цыпочки встать. Любовник сжал его руки, потом подтолкнул к двери и... словом, Марк дорисовывал в одиночестве.

А теперь он сидел рядом с невесткой и держал на коленях Стефа, а племянник все норовил утянуть в рот кожаный футляр со свитками. Если брату и Илларию понравится, можно будет тут же начать чеканку...

– Брен! – он не сразу понял, что Ари чуть не впервые назвала его по имени. И вообще невестка выглядела как-то странно. Она была очень хороша в свободном малинового цвета платье, с диадемой в пышных волосах, но полные губы то и дело кривились, а полуоткрытая грудь взволнованно вздымалась. В Трефоле часто ворчали, что керл позволяет жене одеваться, точно имперке, но Брену как раз нравилось. Настал тот час, когда женщины лесных народов могут носить шелка и драгоценности, пусть даже пока это доступно не всем. – Отдай мне ребенка! И Рена угомони...

Он пересадил Стефа на колени к матери – тот ни в какую не желал расставаться с вкусным футляром, и потому пришлось отдать свитки ему – и позвал старшего племянника, носившегося по залу. Ари уткнулась лицом в белокурую макушку сына и замерла, точно истукан. Лисса первая услышала в галерее шаги и звон оружия и кинулась к вошедшему отцу... Брен смотрел на брата и Илларию, и сердце пело – помирились! Карвиры держались друг с другом немного скованно, не было слышно привычных шуточных издевок, но зато и ссор не было. Север знакомил союзника с женой и детьми, но Ари так и не шевельнулась, хотя Иллорий говорил с ней, точно с императрицей. И тут брат керла неожиданно понял: невестка боится! Боится Илларию Каста. Впервые испугалась кого-то настолько, чтобы прекратить показывать свой норов.

Так с тех пор и повелось – чем лучше, уважительнее относился протектор к жене любовника, тем сильнее она его сторонилась. Не из ревности – из страха. Брен как-то слышал, как невестка говорила с хонорой Ани Риер – жена Цесара, добрее и ласковей которой среди женщин Трефолы было не найти, искренне дружила со стержовзой Ари Астигат. Керла твердила: «Он же мне вот так шею и свернет, лицом не дрогнув, ты

посмотри, какие у него глаза, ну точно изо льда...» – «Не свернет, зачем ему?» – удивлялась хонора, но Ари продолжала бояться сдержанного Иллария так, как никогда не боялась вспыльчивого и скорого на расправу мужа. И в день встречи стоило протектору сказать, что такую красавицу, как Лисса, просто жаль отдавать замуж в глухие южные леса, как Ари тут же согласно закивала, немало поразив и мужа, и деверя. И прикрикнула на дочь, когда та сказала отцу: «Но мне очень нравится вождь нойров, и он меня любит!»

Карвиры одобрили эскизы новой монеты, и Брену даже не пришлось ничего пояснять. Пока Север разглядывал рисунки Марка, Илларий улыбался брату керла – дескать, именно этого я и хотел, а ты придумал и сделал! «Лонга – не только союз двух правителей, но союз народов, выбравших свою судьбу, кто в окрестных державах может похвастаться подобным? И потому на монете нашей и на знаменах должны быть символы, понятные всем – можжевельник и мирт, вечная жизнь зеленого леса и плодородие богатых равнин. Брен, ты умница, другого я и не ждал». – «И мечи очень к месту», – буркнул Север, хлопнув брата по плечу, – ему тоже нравилось! Вечером союзники, перебивая друг друга, диктовали наместнику Лонги указ о замене денег и символов во всех легионах и магистратах союза. А потом Илларий сказал: «Твои дети хороши, карвир, но не кажется ли тебе... – протектор помолчал, будто собираясь с духом и, взяв Севера за руку, закончил твердо: – Лисса и Рен умны, но избалованы до крайности. Неужели сам не видишь? Перебивают взрослых, минуты на месте не постоят, не приучены к послушанию. Лишь младший – тихоня, но ведь ему и двух нет!» Брен испугался до дрожи, – сейчас будет ссора! – но брат лишь поднес руку союзника к губам и ответил: «Я воевал... мы воевали за то, чтоб дети никого не боялись, не думали о том, что они завтра жрать будут, да и будет ли вообще завтра или будущее загубит война?» – «Все так, – кивнул Илларий, – но, чтобы воевать за будущее, твои дети должны понимать: оно создается настоящим. Упорство и храбрость воспитываются годами, тебя воспитала нужда и война, а твой сын...» – «Наш сын», – перебил Север. «Отлично, если наш, то завтра Брендон Астигат-младший расстанется с матерью и няньками и перейдет под опеку воспитателей-воинов. Ты согласен?» – «Рано!» – «Не рано, – твердо возразил протектор, – исправить бы то, что ты натворил. Или желаешь, чтобы твой наследник был похож на твоего брата, не этого, – Илларий кивнул в сторону притихшего Брена, – а того, что я убил в Торнбладане?» – Ну нет, второго Марцела в своей семейке я точно не жажду. И так уж...» – «Ну, вот и хорошо, что ты согласен». – «Согласен-то согласен, да жаль, пойми, Лар! Для чего я на брюхе в разведке сопляком ползал? Чтобы мой сын то же самое делал? У керла Заречной будут полководцы, воины, советники...» – «Будут, если он сам будет правителем, а не капризной размазней, пришитой к отцовским штанам!.. Мужчин из мальчиков воспитывают лишения, это не я придумал, Север».

Брат молчал, думал. Не торопился, как прежде, обвинять любовника во всех грехах, да и Илларий говорил много сдержанней, и в каждом слове была ласка. Наконец Север встал и, потянув союзника за длинную прядку волос, засмеялся: «Не думал, что и детей по наукам надо растить, поди, кучу свитков про это имперцы настрочили...» – «Настрочили, – кивнул Илларий, – а ты пиши, Брен, пиши дальше...»

«Нашей волей, мы, керл Заречной Лонги и протектор Предречной, повелеваем, и с первого дня месяца дождей слова наши станут законом».

**Год от основания Отца городов Риер-Де 875
Седьмой год союза Лонги**

Трефола

«Нашей волей, мы, кэрл Заречной Лонги и протектор Предречной, повелеваем, и с первого дня месяца дождей слова наши станут законом».

В первый день месяца дождей Райн Рейгард нацепил на доспех новую бляху командира второй когорты Первого Заречного легиона. На бляхе красовались скрещенные ветви, мирт и можжевельник, и грозили врагам скрещенные же мечи – короткий гладий и спата, чуть длиннее... Первым Заречным командовал бывший квестор консула Каста – Гай Публий, но уже давно мало кто мог сказать, что воюет и служит лишь с теми, кто с ним одной крови. И, наверное, это было хорошо. Из шестисот воинов, оказавшихся под началом Райна, в Заречной родилось человек четыреста, остальные были из Предречной, и люди к такому порядку привыкли. Впрочем, многим и привыкать не требовалось, в войско союза пришла молодая поросль – те, что росли и меч учились держать, когда уже никакой речной границы в помине не было. Пятнадцати-семнадцатилетние парни знать не знали и не хотели помнить о былой вражде, обряды справляли вместе с товарищами, коих все реже звали «имперцами» и все чаще – «предречными». Женились на дочерях и сестрах пото пленцев с того берега Лонги и обожали своего командира, пусть даже аристократ Публий на лонге не говорил, знал лишь ругательства, зато пользовался ими отменно и к месту. В первый день месяца дождей Гай созвал своих командиров и поставил перед ними задачу: к весне молодняк должен сравняться с ветеранами, ибо война грядет нешуточная, стратег Друз и его закаленные в Кадмии и на перевалах Земли Тигра легионеры могут оказаться куда страшнее трезенов. «Вот и гоняйте юнцов, хоть розгами, хоть... палками в зад», – это Гай уже на лонге сказал. Райн, как и все, засмеялся, представив себе ужас молодняка перед учениями, но тут же вспомнил далекий зимний день обмена пленных. Вспомнил с тихой грустью – а ведь думал, что век будет имперцев за тот Ка-Инсаар ненавидеть. Их уцелело человек сто, тех, кого спас от насилия и смерти Холодное Сердце, а меняли их на пленников, взятых лонгами под стенами Гестии, откуда Север только что вывел войска.

Шесть лет, всего шесть лет прошло... Райн знал тех, кто места себе в новой жизни не нашел – все ругал имперцев и «ополоумевшего вождя» – и часто думал: он и сам не знал бы, куда ткнуться и что делать, если б Брена не отыскал тогда или если б его счастье белокурое не выжило после плена у Инсаар. А сейчас... вот кончится служба, зажгут вечерние огни, и он поедет во дворец – к Брену. Успокаивать. Вернувшись в Трефолу, тот закрутился в делах чуть не больше прежнего, но глаза у него временами были испуганными. В первый день месяца дождей он стал наместником карвиров и страшился титула, будто заразной хвори. «Я не могу, они сильные, а я слабый», – твердил Брен по ночам, уткнувшись носом в грудь Райну. «Неправда, просто они до власти охочи. Тебя люди любят, за защитой к тебе бегут, а союзников боятся и уважают». – «Ну да, а меня не будут бояться! Как я стану приказывать твоему отцу или Цесару?» – «Так отец и Цесар уйдут воевать, – смеялся Райн, – а магистратов ты согнешь, не сомневайся, да и сгибать-то зачем? Городские старшины тебе и так в рот смотрят, не будь тебя, они и торговать бы не смогли, союзники их налогами дурными удушили бы. Вон Иллариус до сих пор уличную торговлю ненавидит, хоть и показывал ты ему, сколько она дохода дает. И что? Аристократу все едино важнее, чтоб у него под окнами не орали. Но и он, и прочие воины понимают: не будь успешной торговли, не было б у них отменного железа на мечи и доспехи, не есть бы им мяса по два раза в день, не пить вино и танам в военных тарбах, щупая задницы уличных мальчишек и груди продажных девок... Потому ныне мой папаша тебя уважает и ставит высоко, понял?» И вдруг: «Райн! – ясное дело, Брен его и не слушал, раз вскинулся так на постели и глаза что плошки. – Райн, ты же тоже уйдешь?!»

«Ох, мука моя... уйду», – хотел сказать командир второй когорты, да промолчал по привычке. Никогда он не перестанет беречь друга от всего на свете – от беды, и горя, и мимолетного огорчения. Райн был уверен – война будет непременно и очень скоро, но вместо подтверждения солгал: может, стратег Друз еще не нападет, а союзники первыми нападать не станут. Ложью было и то и другое, в войске давно обсуждали речь карвиров перед воинами: ежели Друз не прекратит оружием бряцать, быть его заднице драной... А Друз не прекратит! Брен его опять как не услышал. Прижал колени к груди, глаза блестят нехорошо. «Скажу брату и Илларию, что сейчас нельзя воевать, у нас не хватит средств. Незаконная чеканка остановлена, и, пока рир Лонги не укрепится, нельзя затевать такие дорогие вещи, как война с Риер-Де». – «Не послушают они тебя, война не только расход, но и доход – удастся Друза сломать, так все торговые пути к югу от Предречной в руках союза будут, а это выгода прямая». – «Но, Райн! – и опять рядом лег, прижался горячим телом, затрясся как в лихорадке... зашептал на ухо сорвано, жарко: – Если б я не любил тебя так, кинулся бы в ноги брату, молил бы оставить тебя в Трефоле, в страже тоже толковые воины нужны. Но ты бы мне этого не простил, так, Райн?» Сын хонора Крейдона даже засмеялся. С Севером они больше не ругались. По приезду в столицу керл вызвал его и сказал: Райн Рейгард, конечно, осел безмозглый, но выбор брата Север уважает и считает верным. «Брену сильный мужик в любовниках нужен, не мямля влюбленная, убедился?» Хотелось керлу по морде вновь врезать, но тот был так счастлив своим примирением с карвиром, что рука не поднялась. Да и сам Райн по возвращении в Трефолу жил, как во сне, так что плюнул на гордость и попросил перевода в войска – Брен здоров, охрана ему больше не нужна, а сын верховного стратега хочет воевать. «Не ждал от тебя иного решения, хотя, правду сказать... – тут керл хмыкнул и выдал: – за Бреном многие увиваются, так что я б на твоём месте рядом сидел, понял? Не будь он мне родным братом, я б тоже засматривался...» – «Это потому, что илгу скоты жадные, – не сдержался Райн. – Верность караулить – глупее некуда». – «Дурь не неси, – оборвал Север, – Брен тебя, остолопа, ни на кого не сменяет, но ведь кто-то может и силой попробовать... брат мой тянет к себе, а люди всякие бывают... может, останешься при нем?» Сын Крейдона возмутился в ответ: «В постели здорового брата правителя милости себе искать? Еще не хватало!» – «Ладно, ладно», – засмеялся керл и отправил его к Гаю Публию в Первый легион. Тогда и понял сын Крейдона: не надо на подначки керловы внимание обращать, на дела смотреть нужно. Первый легион прочим не чета, его командир – третий в Заречной армии человек, сразу после самого керла да папаши, стратега верховного. Гай Публий привечал тех, кто честно служит, и через месяц сделал Райна командиром когорты. Выходит, Север Астигат обиды забыл и счел любовника брата человеком дельным? Похоже на то... и потому просьбы Брена оставить Райна в столице керл попросту слушать не станет. А Брен все свое твердил: «Ну, вот что этому Друзу нужно?! Договорились бы, решили миром, я бы сам послом поехал...» – «Ну нет, – не выдержал наконец Райн, – в том и соль, что Друзу Лонга нужна, обе Лонги – и Заречная, и Предречная, на меньшее не согласится». А еще имперец люто ненавидит Илларию Каста, считает его подлым предателем, замаравшим честь Риер-Де. Райн слышал, как союзники говорили о перехваченном письме стратега, в коем тот такими словами крыл протектора Лонги, что Север взъярился: он Друза самолично за яйца подвесит и костер под ним разведет, а после заставит ползать и ноги Илларию целовать. «Друз не будет ползать, – смеялся протектор, – да и не требуются мне его извинения, пусть только войска от границ отведет». А Райн керла понимал: сам бы и яйца, и язык, и пальцы оторвал тому, кто посмел бы так про Брена говорить, писать и думать.

«Так что, воробышек ты мой, не нужно Друзу ни... прости, ничего, кроме войны с нами, и мы станем воевать». Он прижал Брена к себе покрепче, принялся целовать, чтоб тот обо всем забыл, но Брен вырвался и сказал сердито: «Тогда обещай, что вернешься! Клянись – или я такое устрою, что никуда не поедешь... я ж не смогу без тебя, Райн!»

Командир когорты с совершенно серьезным видом поклялся Вечным Лесом и духами предков, что живым с войны вернется – ну а как же? Как он воробышка оставит? Да и потом, скоро война с трезенами подоспеет, слухи ходят: какой-то новый Ульрик объявился, мутит сородичей своих рогатых... словом, помирать некогда. Райн смеялся, Брен сердился, но, когда сын Крейдона с силой надавливая, огладил его поясницу да положил ладони на ягодицы, затих, сжался. И после застонал прерывисто, со страхом, неизбывным страхом и желанием. С Бреном на ложе было тяжело, но Райн ради наслаждения и покоя любимого человека не жалел усилий и часто думал: никому больше такого счастья не досталось.

Он сам изобрел способ, чтобы победить боязнь Брена перед соитием – знал ведь, и откуда ужас, нутро любовника сжимающий, и что в первый раз, в лесу под Трефолой, тот себя сломал, заставил, а так быть не должно. И начал с малого. Заявил Брену сразу по приезду – когда они с делами накопившимися чуть разобрались и смогли свободный вечер выкроить, – что брать его не станет, потому как не зажило еще... Друг твердил: «Ничего у меня не болит, я хочу», но серые глаза расширились от страха. И тогда Райн принялся его ласкать – медленно, не торопясь, с наслаждением чувствуя, как под руками перекачиваются появившиеся мускулы. Колени и бедра, что сжимали бока лошади в дальней дороге, чуть огрубели, требовались почти укусы, чтобы Брен под лаской начал дрожать... и ладони стали жестче, и плечи – крепче. Райн с ума сходил от удовольствия, но позволил любимому кончить без проникновения и сказал: «Ну вот, видишь? А теперь просто делай, что я велю...» – перевернул его на живот, потянулся за фиалом с маслом, приказав ему ласкать плоть собственную. Брен послушался, завел руку под себя и задвигался, приподняв ягодицы, а Райн влажные пальцы не сразу ввел, все гладил налитой приподнятый зад, стискивал мягко... а потом осторожно толкнувшись внутрь, нашел нужное и ласкал вот так... ничуть не хуже, даже лучше – вон как любимый вскрикивает, как у него нутро сжимается, а самому можно и потерпеть... Но тут требовалось иное, и, дождавшись, пока любовник начал двигаться навстречу его руке резкими рывками, уже не сдерживая стонов, а вход свободно пускал три пальца, поставил Брена на колени. Тот вскрикнуть не успел, как Райн прижался плотью своей ко входу распахнутому, только прижался, не надавил на талию, чтоб насадиться заставить... а любовник, почуяв член в себе, забился, задышал часто-часто... и задвигался! Сам, без принуждения, впуская дальше, глубже... но сердце у него так сильно стучало, что ребра под ладонью ходили ходуном. Райн почти силой уложил его на ложе – лицом вверх – и вновь стал ласкать, трогая губами соски, вбирая в рот напряженную плоть, подрагивающую от испуга и острого наслаждения, а потом Брен ноги ему на бедра поднял... Райн взял его – мягко, осторожно, и тот выгнулся дугой. Семя брызнуло в ладонь тугой струей, и от спазмов этих он кончил сам, плавно входя в жаркое, узкое, влажное... Брен бессильно и покорно распластался под ним, а потом сказал: «Когда ты после разрядки меня брал, даже лучше было, а не думал, что может быть лучше!»

Так он с тех пор и делал, пока любимый совсем бояться не перестал. Доверчиво ложился, отдаваясь на волю рук, губ и плоти, а после благодарил, не давая самому «спасибо» сказать. После каждого соития хотелось летать и прыгать, будто мальчишке, – силе, бурлящей в Брене, радовались все вокруг, а больше всего ее доставалось Райну. Чем он заслужил такое? Не пара он воробышку своему, просто случилось так... Однажды у него это вырвалось, так Брен с ним полчаса не разговаривал – дулся. Он так забавно губы надувал, что какая уж там ссора... только и хочется прижаться и, раздвинув языком, ворваться внутрь мятой пахнущего рта. «Это я тебя не стою, – горячо шептал потом друг, – никогда не говори так... пожалуйста!» Райн не мог устоять перед просьбой, но все равно думал: ничем он не заслужил свое чудо, разве что рядом был, да ведь сам хотел, так в чем же заслуга? Он много ниже брата керла, да не потому, что тот Астигат – а это род

правителей уж сто лет, просто... вот даже Иллариий постоянно твердит: Брендон-старший умнее его самого многократно, и как бы ни злился сын стратега на протектора в прошлом, все равно признавал – у аристократа Каста голова светлее, чем у всех, кого он на веку своем встречал. «И что, – возмущался Брен, – только оттого, что я знаю язык остеров и счетные науки, ты считаешь себя неровней мне? Да кто б я был без тебя и где, скажи? На погребальном костре уж лет пять как сгорел бы! Вот так, и не смей спорить!»

Райн с обреченным страхом думал: вот придет Брен в себя окончательно – и любовник ему станет не нужен. Иллариий-то с собой уйму аристократов притащил, да и другие постоянно в Трефолу ехали – благоухающие невиданными ароматами, завитые, остроумные... вот кто брата керла достоин! Как-то раз они из-за мужиков с наручнями на запястьях едва не разругались, но вечером того дня карвиры объявили Ка-Инсаар по случаю полного комплекта войск, и понял командир когорты Рейгард одну штуку. Ему тогда принесли в казарму записку. Сам-то он в тот вечер просто службу нес, оставшись вместо Гая – тот на обряд ушел, а Райну зачем? Брена на Ка-Инсаар калачом не заманить было, никто и не предлагал, помня о том, у кого в плену наместник побывал, а к другим мужчинам его не тянуло. Ну, ничего, кто-то же должен службу нести, пока другие долг Быстроразящим отдадут, он и нес. И тут мальчишка-новобранец – один глаз у парня косил страшно, оттого на обряды он и не ходил, чтоб не сгорать от стыда, когда его никто не выберет в пару – приволок пергамент. Райн читал и думал: «Аристократам ли понять, какая душа у Брена? Они ль полуживого от слабости видели, на руках носили, когда сам ходить не мог? И к ним ли побежал брат керла? А ведь мог кому угодно зад поставить – Ка-Инсаар не выбирает, сегодня такая ночь, что и многолетнему любовнику изменить не зазорно, и вообще... Нет, твой воробышек тебя выбрал, так-то». А после обряда он сам Брена проводит, посмотрит, как тот засыпает во дворце брата, а эти минуты дороже близости на ложе, потому как близость подлинная.

«Я ждал тебя весь день. Прости, если отвлекаю от службы, но Ка-Инсаар касается всех. Мы и так слишком долго отлынивали, мир может отнять свои Дары».

Год от основания Отца городов Риер-Де 879 Десятый год союза Лонги

Вилла Клеза

«Я ждал тебя весь день. Прости, если отвлекаю от службы, но Ка-Инсаар касается всех. Мы и так слишком долго отлынивали, мир может отнять свои Дары».

Ты Дар мне, Райн Рейгард, Дар, данный мне миром, и я не позволю глупой войне и темной чащобе забрать тебя. Вот сейчас встану и пойду искать, как искал в день Ка-Инсаар по случаю полного комплекта войск. Тогда он, выпроводив незваных гостей, что вели себя слишком вольно и тем рассердили Райна, пошел в детские покои. Ему хотелось успокоиться, унять свой страх: что если любимый никогда ему не поверит и уйдет, посчитав себя лишним? Как сделать, чтобы он не сомневался? Но дети сегодня не радовали, точно чуяли напряжение и дяди, и начинающегося обряда – за стенами, в военном лагере, высоко и ликующе пели трубы. Ка-Инсаар! Отдай лучшее миру, не жадничай, и мир ответит тебе...

Лисса помогала играющим братьям строить столбики из новых монет, потом вдруг сняла с себя ожерелье из голубых жемчужин – подарок Иллариия дочери союзника, – надела на Стефа, и тут же раздался негодующий крик. Девочка оттолкнула Рена от брата,

вскочила на ноги и закричала: «Не смей его обижать», обернувшись к Брену в поисках поддержки. Он сделал Рену замечание – должно быть, тому не понравилось, что сестра отдала ожерелье младшему, и он ударил Стефа... странный мальчик Рен... илгу. Через пять-семь лет придется решать: учить ли его пить? Брата керла чем дальше, тем сильнее беспокоил характер старшего племянника, но эти мысли он держал при себе. Север баловал детей безбожно – всех троих, но Рена больше, словно стараясь возместить что-то, и Брен догадывался что. Их отец, Великий Брендон, не возился с ними, не дарил подарков, всегда слишком многого требовал, вот брат и старается не быть на него похожим, и дети обожают отца! Все так, но Рену нельзя позволять слишком много, иначе даже воспитатели не помогут. К мальчику приставили опытного воспитателя, но он не справлялся и постоянно жаловался на воспитанника. Иллариус говорил, что, когда наследник подрастет, нужно будет нанять кого-нибудь из знаменитых философов, Север же пожимал плечами и спорил: карвир думает, что такая куча наук вместится в детскую голову? Зачем вообще так возиться с мальчишкой, все растут – и Рен вырастет. «Но Рен – не все, – резко возражал Иллариус. – Он наш наследник и должен быть выше всех и лучше всех». Ох... Брену казалось, что старший племянник просто нуждается в твердой руке и в том, чтобы его не дергали из стороны в сторону, ведь именно из-за этого мальчишка вымещал свои обиды на сестре и брате. Рен никогда ни на что не жаловался, но в злых серых глазах горело иступленное упрямство...

Лисса все еще выговаривала Рену за обиду, а вот Стеф протянул маленькую ручку и коснулся колена брата. Племянница постоянно спрашивала: «Дядя, почему Рен такой жестокий?» Девочка не чувствовала силы, а вот Стеф – наоборот. Он еще ничего не понимал, но пользовался данным ему Даром – и илгу Рен тоже чувствовал... вот уселся рядом с братом, поправил ожерелье – носи, мол, мне не надо. Может быть, в нем к отцовскому упрямству и доброта добавится? Север умел быть добрым и щедрым с теми, кого любил. Сможет ли его старший сын?

Брен еще немного посмотрел на детей и вышел, кивнув воспитателям. Он пойдет искать Райна! Просто потому, что хочет разделить с ним, именно с ним, свой Дар миру. Великий Квинт писал:

«Низостью становится страх потерять, не должно любовь им питать. Лишь крепостью веры можно связать, удержать...»

Год от основания Отца городов Риер-Де 875 Седьмой год союза Лонги

Трефола

«Низостью становится страх потерять, не должно любовь им питать. Лишь крепостью веры можно связать, удержать...»

Да, Брен боялся потерять Райна и потому, видно, и делал беспрестанные глупости. С возлюбленным он вновь становился мальчишкой, что в ночной тиши ждет шороха шагов того единственного, кто наполняет жизнь смыслом. Иногда его охватывал стыд – перед своим жаром и нетерпением, перед той жадностью, с какой он ласкал и не желал отпускать, страхом перед потерей. А Райна терзали собственные страхи. Должны ли они оба устыдиться этого? Должны! Сегодняшняя ночь нарочно создана для того, чтобы очиститься и начать сначала. И он загладит свою невольную вину, в чем бы ни был виноват, он постарается... Райна он никогда ни в чем не обвинял, но если тот захочет

предстать перед миром чистым, будто младенец... Хоть бы захотел! Уличные сказители называли Ка-Инсаар ночью прозрения и признания. Да будет так!

Утром к Брену пришли три аристократа, одного из которых, Авла Росция, он помнил еще со времени своего предательства. Авл, приятель протектора Лонги, привел к наместнику своих соотечественников, решивших поселиться в Трефоле. У тех оказались пустяковые вопросы, кои вполне мог решить магистрат, но они явились к брату керла... в любое другое время ему было бы все равно, но Райн задержался утром в его покоях и, видно, разозлился. Мужчины и прежде не давали Брену прохода, и неудивительно – их влекла сила обильного аммо, всех, а уж тех, в ком кипит нерастраченное семя, и подавно. И Авл, и его приятели сочиняли для него стихи и эпиграммы, заваливали его цветами, старались задержать подольше за беседой, он же пытался быть с ними приветлив – зачем ссориться по пустякам? Но сегодня они его разозлили, ведь их приход отнял у него Райна на полчаса раньше. Как объяснить этим людям, что они не нужны ему? Они и десятки других! Городской старшина твердил о красоте наместника и просил осмотреть мастерские чаще, чем это требовалось. Командиры Третьего Заречного и Шестого Предречного приглашали оценить лагерь и укрепления – что ему там делать? А хонор Ворф, владеющий землями за Веллгой, привез брату керла слитки золота, безумец! Брен на его глазах отдал золото карвирам, строго заметив: «Мне не нужны подарки!» Однако аристократы досаждали куда сильнее. Их навязчивые ухаживания расстраивали Райна, Брен понимал почему, и ему это не нравилось. Как любимый может думать, что он променяет его на кого-то из этих напыщенных людей? У них даже собственного запаха нет, все заменили благовония, и мысли Авла и его приятелей такие же... А еще раздражали лживые сказки, сочиняемые про него, хотя карвилов они и смешили. Сородичи Илларию с завитками на запястьях не могли любить брата керла просто так. Им требовалось возвысить его – возвысить ли? – до своего уровня, и потому многие объясняли братское отношение к нему протектора Лонги кровным родством: мол, мать Брена, имперская пленница, доводится Илларию не то теткой, не то двоюродной сестрой... большей глупости придумать нельзя, хотя это было все же лучше слухов о совсем не братском желании, которое Илларию якобы питал к нему. «Отчего ты так злишься, Брен? – спрашивал союзник брата. – Ты красив, твое тело словно создано для любви, а кроме того, умен, потому люди и выются вокруг тебя». Брен долго думал, как ответить на вопрос протектора, и наконец понял, что бесило его в ухаживаниях аристократов и глупых сплетнях. «Они любят не меня, а свое представление обо мне, – сказал он. – Такая любовь лжива насквозь, она ненастоящая! Я мог бы отдаться кому-то из них от любопытства или сочувствия, будь у меня склонность к такому, но им нужен не я, а некий “племянник Илларию Каста”, коего они себе выдумали...» Разве можно сравнить это отношение с тем, как относился к нему Райн?! Любимый видел его покрытым струпьями, полубезумным, больным, слабым и любил всегда только Брена Астигата, а не призрак или выдумку! Такое не измерить ничем, жизни не хватит, чтобы показать, как любит он сам... Илларию с ним согласился, сказав, что может отвадить от него ухажеров раз и навсегда, жаль, Брен не принял помощи... но не хотелось обижать людей просто так.

Райн же... не может быть, чтобы тот понимал все как-то иначе! Просто ему обидно и больно. Аристократы едва ль не вслух обсуждали: что нашел брат керла в простом командире когорты? Вам не понять, что нашел, никогда! Брен довольно грубо выставил их из своего кабинета и кинулся искать Райна, но тот уже уехал в лагерь. И вот теперь наместник союза Лонги торопился туда. Воздух остро пах весной, и даже вечная круговерть Трефолы стихла ненадолго – женщины и дети легли спать, а мужчины были на обряде. Пение труб и выкрики становились все слышнее, и что-то сильными спазмами сжималось внутри. Он никогда не справлял Ка-Инсаар так, как делают это все... хотя

девственность свою отдал Быстроразящему. Брен запрокинул голову к темному небу и сжал бока лошади.

– Ка мал йерт, – прошептал он одними губами слова на языке Флорена, – жертва принята.

Но сегодня не будет жгучей боли и ужаса, не будет мучительной страсти – чувство между ним и Райном легкое и светлое, как ручей в лесу, и нерушимое, будто скала. Он убедит Райна не сердиться... только бы тот ему поверил!

Его появление перепугало часовых, и он не сразу понял, отчего они так носятся вокруг. Ну да, конечно! Север и Иллариус перестарались, внушая людям, что наместник Лонги – их правая рука, и даже голова, во время их отсутствия, и теперь бедолаги восприняли его приезд, будто б к ним на ночь глядя пожаловали карвиры. Он заверил воинов, что приехал по частному делу, но его сопровождали до самых палаток Первого Заречного, где Брен вогнал в столбняк новобранца с косящими глазами... Справившись с изумлением, воин закрыл, наконец, рот и позвал Райна. Замерев и стараясь не спугнуть теплую волну внутри себя, Брен смотрел на возлюбленного своего. Высокий, широкоплечий, темные кольца волос на плечах... вот раскрылись крупные губы и выдохнули:

– Брен! Случилось что?

Он счастливо засмеялся, кинулся навстречу Райну и обхватил его запястья, нимало не стыдясь часовых.

– А разве ты оглох на оба уха, Райн Рейгард, и не слышишь труб? Сегодня Ка-Инсаар, если я ничего не путаю.

На командира когорты было смешно смотреть, и Брен рассмеялся бы, если б от близости Райна жар в его крови не стал нестерпимым.

– Ну да, – медленно кивнул сын Крейдона. – Обряд большой, орут как резанные... Кажется, брата твоего отсюда слышать! Но что случилось-то? Зачем ты приехал?

– А ты не рад меня видеть?

Райн наконец отпустил воинов. Те ушли, но глаза у них были совершенно дикими, завтра по городу поползет очередная сплетня. И пусть! Брен будет счастлив, если станут говорить: брат керла так тоскует по любовнику, что даже не постыдился в казармы приехать, на шею вешается, стыд позабыв. Это же правда! Любимый переминался с ноги на ногу, с тревогой заглядывая в глаза, и Брен порывисто прижался к нему.

– Воробышек, да что такое? Ты горячий весь... плохо тебе?! Ну, что молчишь?

Брен не дал больше задавать вопросов – дотянулся до твердых губ, накрыл их своими. Да, рядом с Райном он и впрямь невысок, все его братья куда выше... По словам Иллариуса он не вырос из-за иссушения. Может быть. Но Брен и не хотел быть выше, ему нравилось смотреть на любимого вот так – задрав голову, нравилось гордиться тем, что Райн такой высокий и сильный.

– На Ка-Инсаар никому не должно быть плохо, – он вновь счастливо рассмеялся. – У тебя здесь есть место, где можно... словом, уединиться? – Райн свел темные брови. Он все еще не понимал или просто не верил, и брат керла прошептал ему в ухо: – Сегодня обряд. Каждый Дароприноситец должен отдать свое... и я хочу быть твоим. Ка-Инсаар, Райн!

Через миг его подхватили на руки, и от прикосновения к спине и бедрам волна жара захлестнула с головой. Он немного пришел в себя в небольшой клетушке с забранной частой решеткой окном, когда командир когорты опустил его на узкое ложе. Сам Райн присел перед ним, коснулся колена:

– Ты же не справляешь обрядов ... а у меня служба и... я намеренно вызвался, ну что мне на Ка-Инсаар без тебя делать?

Брен принялся ласкать пальцами густые темные пряди, наслаждаясь каждым прикосновением. Вот она – жизнь человека! Хорошо сделанное дело, весенняя ночь за окном, запах земли и травы и любимый, желанный рядом...

– Ничего с твоей службой за несколько минут не делается, – звонко засмеялся он, откинувшись на покрывало. – Я для того и приехал, чтоб у тебя поменьше времени отнять, – и повторил твердо: – Ка-Инсаар!

Распахнутые глаза, где во тьме радужки бродили горячие тени, были близко-близко, и брат керла со стоном развел колени, стараясь прижаться сильнее.

– Несколько минут? Плохого ж ты обо мне мнения! – Райн тоже смеялся. Проворные руки быстро стащили с Брена штаны и сапоги. Чувствуя голой кожей жесткость ласкающих его ладоней, он придвинулся еще ближе к краю ложа и принялся бесстыдно тереться пахом о бедра Райна. Когда же губы сомкнулись на его плоти, волна вырвалась из-под власти разума, и сила подняла его над землей, над миром. Он едва видел окружающее – беленые стены, низкий потолок, решетку на окне... потому что сила звала его к этим ненасытным рукам, каждым прикосновением заставлявшим его забывать себя, к огромным глазам, из которых смотрела любовь – несомненная, разделенная, дарившая ему весь мир...

– Ка-Инсаар! – любовник почти рычал, когда, поддерживая Брена под ягодицы, вошел в него мягким толчком. Мироздание опрокинулось, точно вышвырнув их обоих на берег моря из объятий качающихся теплых волн, слабая, пока неяркая искра между телами заставила обоих вздрогнуть, и Райн даже чуть отстранился, но Брен лишь упрямо подался вперед, чувствуя, как подчинившая его себе плоть упирается в нечто сокровенное и открытое сейчас – и Райну, и миру... им двоим! Вначале он двигался сам, а Райн лишь удерживал его, застыв, вслушиваясь в свое тело и распростертое перед ним тело любовника... Брен не боялся, не хотел ждать, он знал – чары мира овладели ими, отступить поздно – и потому крикнул:

– Ка-Инсаар! Это... нить... Райн... нить!

Тот распластался на нем, вжимаясь в покрытые бисеринками пота грудь и живот, замер на мгновение – а искра все росла и росла, набухала, как сама суть естества Брена. Раскаленная точка в его теле... в ней живет не только наслаждение, но способность приносить Дары. *Пей меня, пей...* Он не помнил себя под жесткими толчками, нутро сжималось так, что стало больно, и он вцепился в любимого с дикой животной силой,

стараясь принять в себя еще глубже. И вот искра превратилась в тонкую звенящую нить... Она крепла и росла, соединяя их навсегда, но нить питает только любовь... *Да! Я люблю тебя. Только тебя на всем свете, Райн, и только тебе хочу дать то, что не возьмут с меня леса, поля и реки...* Любимый приподнялся, обхватил его лицо ладонями, заглядывая в глаза, касаясь быстрыми поцелуями припухших губ. Райн не двигался, но сильный спазм плоти выгнул тело Брена дугой. Он настолько хотел и был так возбужден, что помогать себе руками не потребовалось. Семя созрело, дождалось своего часа... и он кончил с громким криком, забрызгав живот, так сжав член любимого, что тот кончил тоже, заполнив его горячим семенем – с силой сжимая плечи, терзая губы...

– Ка-Инсаар... чудо какое, – прошептал Брен, едва вздохнув после соития. А Райн обнимал его и гладил по растрепанным волосам. Потом сказал глухо:

– Кель Хисб! Со мной прежде не было такого, никогда. Ну, обряд и обряд, а ты... верно, чудо! Ты – чудо, Брен!

Брат керла замотал головой и возразил: «Это чары мира, мы любим друг друга, только и всего. Но это так много!» Райн укутал его в покрывало и наотрез отказался отпускать в город ночью, когда обряд и полно пьяных. И охрану он ему не даст. «Почему?» Да просто потому, что хочет видеть Брена спящим, когда вернется: «Вот и спи». Брат керла, прежде чем отпустить любовника к воинам и обязанностям, перехватил его руку, прижал к лицу, прямо к горячей от удовольствия и легкого стыда скуле. Он хотел попросить прощения за утренних посетителей, но Райн ему не дал. «Ну, дурак я, ревную, все боюсь: уйдешь с каким-нибудь таким... расфуфыренным, но ты внимания не обращай, если тебе нравится с ними говорить...» – «Не нравится, – строго перебил Брен, – они мне мешают. И никогда не смей думать...» – «Не думаю я, воробышек, спи». Райн Рейгард ушел, а Брен Астигат еще с час лежал без сна, вслушиваясь в затихающие вопли и звуки труб и в свое тело, где нить оставила свой след...

Наутро косой парень принес ему молока и хлеба – завтрак легионера – и передал слова любимого: ночью в лагере была драка. Ну да, все как всегда, напившись на обряде, лонги и «предречные» взялись перевоевывать не то битву за Гестию, не то бой у бродов, а может, и до времен Диокта и Райна Астигата добрались. Словом, убитых нет, но тех, кого запереть нужно, набралось прилично, потому командир когорты не может проводить брата керла. Драка – ерунда, думал Брен, воины всегда дерутся, даже если родились на одной земле и никогда не воевали между собой. Главное, что обошлось без смертей, и ни Инсаар, ни чары мира никого не покарают... Косой парень помог ему сесть в седло. Новобранец глядел такими несчастными глазами, что Брен, полный силой и радостью до краев, немедленно ощутил потребность поделиться. Теперь он может это делать – отдавать, отдавать щедро, как и положено... Он коснулся волос парня обеими ладонями – а тот улыбнулся во весь рот и поклонился.

Брен ехал по улицам, глядя, как стройные ряды палаток, между которыми бродили невыспавшиеся легионеры, постепенно сменились обычными улицами. Вот начало улицы Зеленой дружины, теперь она тянется через всю Трефолу, а ведь при отце здесь даже полей вспаханных не было. Вот Купеческая, вымощенная камнем лучше, чем в Гестии, по ней уходят караваны во все страны мира – в Риер-Де, в Предречную, в Остериум, в Абилу. Вот Лигидийская, где долго стояли шатры отважного племени; улица Ткачей – целый городок с мастерскими и складами; улицы Пекарей и Лудильщиков, поворот в Абильскую факторию; улица погибших в войне с Инсаар, здесь тогда полыхал самый большой пожар, люди до сих пор зовут ее Черной, хотя давно на месте пепелища стоят каменные и деревянные дома и нет никакой беды. Площадь перед храмом Быстроразящих – уже три

таких же построили, но этот самый старый, его даже пожар пощадил. Площадь Великой Лонги и строящаяся арка – карвиры до сих пор не решили, как ее назвать и чему посвятить. Огромный город, двести с лишним тысяч человек! Трефола... деревянная колыбель Брена Астигата, «лоханка»... не верилось. Они шли вперед, не поднимая головы, падая и ошибаясь, и не заметили, как взобрались так высоко. В тысячах дел, в сотнях боев создавалось будущее – и оно создано, но пока такое хрупкое. Нужно беречь. И они сберегут.

Севера и Илларию он застал в столовых покоях. Союзники были увлечены перепалкой и даже не заметили, что Брен явился в городской одежде и грязных сапогах. Он сел напротив брата, поздоровался, но тот лишь сердито кивнул. И тут наместник заметил разбросанные по столу и лежанкам свитки. В один из пергаментов и ткнул пальцем керл Заречной:

– Этому проходимцу в мою столицу не будет ходу до конца времен! Так ему и напиши, а нет, я сам напишу, – брат ругнулся, но Брен заметил, что спор доставляет тому удовольствие – в уголках губ пряталась улыбка, да и Илларию с трудом сдерживал смех. Оба – уставшие после бессонной ночи, но задорные искры в серых и темно-голубых глазах, бьющая через край сила... сразу видно, карвиры отлично справили Ка-Инсаар. И еще – они неуловимо похожи, хотя что может разниться более, чем золотые пряди брата на кожаной тунике и серебряно-русые Илларию – на шелковой домашней рубахе? Но сходство несомненно – неугомонные, властные, свет союза, их общий талисман...

– Вот сам и напиши, – пропел Илларию. – И тем, скажем так, собьешь впечатление. Думаю, Квинт оценит твоё внимание к его стихам...

Не выдержав, протектор захохотал, да так, что вынужден был бросить ложку и нож. Брат засмеялся тоже, отрезал себе кусок мяса и вновь принял сердитый вид, проворчав:

– Нет, он еще и гогочет... Развел писак, и дела ему нет... Братишка, да ты только взгляни! Голову оторвать Квинту вашему...

– Мать его! – нежно вставил Илларию, опять засмеявшись. Чему они так радуются? Ведь радуются же, несмотря на видимость ссоры! И как же здорово вновь слышать эти перепалки, в которых теперь нет и следа злости, нет желания унижить и подчинить... Больше полугода после примирения карвиры разговаривали друг с другом так, будто боялись разбить нечто хрупкое, а теперь, видно, уверены: другой не примет подначки всерьез, не порвется связь...

Север ткнул рукой в самый длинный пергамент, валяющийся на лежанке рядом с Илларием.

– Брендон, ради Матери-Природы, прочти вслух! Никогда не смогу сполна насладиться...

– Только попробуй! – брат бросил прибор и толкнул карвира локтем в бок. – Убить мало...

Под смех протектора и фыркание Севера, Брен прочел – на всякий случай, про себя! – написанное. Это были стихи Квинта Иварийского – и чудесные! Наверное, из Гестии утром приехал гонец и привез такой подарок. Вирши были совершенно незнакомы, и брат керла тут же зачитался. В новой поэме, что звалась «Луна и Солнце», речь шла о возлюбленном некоего героя – отменно вежливым, утонченным юном муже, покорителе бесчисленных врагов, своей добротой и кротостью, а также невиданной образованностью поражающем воображение всех, кто его видит. Брен потряс головой, когда наткнулся на строки:

«И волосы его сияют златом, он ликом светел, как сама Любовь. Уста его лишь мирру извергают, и счастлив каждый, видевший его. Я говорил с ним много и о многом, так слушайте, сограждане мои: лишь жалкое невежество способно о варварстве пространно рассуждать, узрев героя моего черты...»

– О ком он пишет? – удивленно спросил Брен. Союзники смотрели на него с тем выражением, что бывает у людей, решивших подшутить и с предвкушением ожидающих развязки каверзы.

– Чтоб я сдох!.. Меня родной брат не узнает, видал? – Север ткнулся лицом в ладони, плечи его дрожали от смеха. Иллариий встал и склонился над ним, пропев с фальшивым участием:

– Значит, Квинт, со свойственным поэтам умением заглянуть в сердца людей, увидел в тебе больше, чем даже Брен... признаюсь, я тоже ничего подобного в тебе не наблюдаю. Утонченность и образованность? Стремление к возвышенному? И вот, мне больше всего понравилось: «неземная кротость»! Это творение, любезные братья Астигаты, нужно зачитать наследникам Ульрика, а заодно Друзу, ну и своим не мешает. Пусть проникнутся кротостью керла Севера... ой!

Брат рывком усадил Иллариия рядом с собой, с силой сжал его плечи:

– Я тебе сейчас покажу «неземную кротость»! И стремление к этому самому... возвышенному, – брат продолжал смеяться, зарывшись пальцами в серебряные пряди на затылке протектора.

– Ты мне уже показал – на обряде, – пропел Иллариий прямо в губы карвиру. – Меня, знаешь ли, временами твои... возвышенные... не дергай за волосы!.. стремления... ох, Брен, но это же невыносимо!

Союзники продолжали хохотать, а брат керла, чтобы не чувствовать себя полным дураком, отыскал на полу титульный свиток. Так и есть! Перед ним была поэма, о которой Квинт Иварийский говорил всего четыре года назад – а, казалось, прошли века. Он обещал Илларию, что напишет о союзе Лонги, расскажет обо всем, что видел собственными глазами. Но Севера Квинт не видел, тот уехал в снега Торнбладана прямо перед приездом знаменитого поэта. Зато поэт встречался с Бреном, и они подолгу беседовали...

– Он тебя описал, – Иллариий на миг вывернулся из хватки и повернулся к Брену. – Решил, что раз младший Астигат доброго нрава и образован, как мало кто из имперских юношей, то и старший таков же! Нет, я не могу перестать, Север!.. Это слишком смешно.

– Нету в Квинте твоём никакой гениальности, – заявил брат, торжествующе хмыкнув, – иначе сообразил бы, что стратег не может быть кротким, по крайности. Даже Максим не был, а уж добрее воина я не встречал...

– Не суди опрометчиво, – Иллариий погладил указательным пальцем небритую скулу союзника. – Квинт хотел подать союз Лонги в выгодном свете, и ему это удалось, несмотря на твоё недовольство.

Север промолчал, он будто и не слышал, замерев под ласковыми прикосновениями, но все же Брену, как и прежде, казалось: Квинту Легию лучше не попадаться на глаза керлу Заречной.

– Кстати, а где ты был? – Иллариий весело смотрел на Брена, а Север вновь не отозвался. Из этого можно было сделать вывод: брату известно, где и с кем он провел ночь, а значит, за ним по-прежнему есть тайный присмотр. Это не сердило, просто брат никогда не перестанет за него бояться...

– На Ка-Инсаар, – ответил Брен, стараясь говорить невозмутимо, но, не сдержавшись, улыбнулся – уж больно ошеломленным выглядел Иллариий. Вот, он им хоть немного отплатил! А когда утих смех, союзники огорошили его следующей новостью: через месяц в Заречную прибудет Данет Ристан.

Вольноотпущенник императора Кладия просил тайной встречи с союзниками и Бренденом Астигатом, на что последний никак не рассчитывал. Зачем он понадобился Данету? Все торговые дела можно было обсудить в письмах. Хотя, правду говоря, посмотреть на знаменитого красавца, державшего в своих руках нити управления империей, было любопытно – и это еще слабо сказано! Брен думал, что успел узнать Ристана хотя бы немного. Остер частенько поражал его ум и воображение дельными советами и парадоксами, с ним было легко договариваться, ибо Данет внимал разумным доводам и не мелочился. Брен многое почерпнул от него и часто доказывал брату и протектору: вот уж давать советы, как союзу лучше наладить торговлю, Ристана ничто не заставляет, он делает это бескорыстно. Брену казалось – карвиры просто предубеждены против бывшего раба и потому не способны поверить ничему хорошему, что, впрочем, не мешало им строго соблюдать обязательство договора и поехать на встречу. А еще наместнику Лонги хотелось, чтобы Данета увидел Райн – они так часто говорили о Ристане, должно быть, сыну Крейдона тоже любопытно...

Перед отъездом на встречу новобранцы принесли присягу союзу, и Брен со странным чувством смотрел на выстроившиеся в идеальном порядке легионы. Он стоял между Севером и Илларием на балюстраде Оружейной башни, выстроенной из камня – вместо старой, сгоревшей при пожаре, – а воины приветствовали их. Пятнадцать легионов и вспомогательные войска! Всего лишь три державы могли похвастаться настолько сильной армией – Риер-Де, Абила и Лонга, им и делить мир между собой. Но мир не хотел войны, Брен знал это, и у него болело в груди от понимания неизбежности бойни и от невозможности ее предотвратить. Оставалось думать, как карвиры и Райн: союз готов к дележу территорий, и это важнее всего. Они уехали ночью и через несколько дней встретились с Данетом, которого, кроме высланной союзниками охраны, сопровождало двадцать дюжих кадмийцев. Ходили слухи, будто Ристан отдается каждому воину своей охраны, но Брен не верил – ни на секунду! Стоит ли слушать всяческие сплетни? Вот взять хотя бы историю, рассказанную Райном для потехи в дороге. Косоглазый

новобранец, что прислуживал Брену в ночь Ка-Инсаар в казармах, утверждал всем и каждому: наместник вылечил его! Просто коснулся его лица ладонями, и вот теперь он не косит, да и любовника себе нашел – чудо! Так что теперь вся Трефола судачила: Брендон Астигат-старший умеет исцелять прикосновениями. «Так-так, – заинтересовался Иллариий, – а ты сам видел излечившегося?» – «Видел, конечно, – ответил командир когорты. – Парень и впрямь стал меньше косить и любовника себе завел, точно, а то все жался – его ж дразнили». Брен пожал плечами и засмеялся, но Север и Иллариий даже не улыбнулись, и ему показалось, что те приняли рассказ всерьез. Если байкам верят даже правители, то все рассказы о Ристане нужно делить на десять!

Но все сплетни и басни не передали и десятой доли красоты вольноотпущенника. Брен предполагал, что Данету, должно быть, около тридцати, но выглядел тот куда моложе, и на него можно было смотреть часами. Смутное впечатление младшего брата отлично передал Север: «На изваяние какое-то похож. В Гестии есть такие статуи, что можно целый день пялиться, но на ложе остера – увольте!» Иллариий задумчиво кивнул и прибавил: «Данету не хватает мужественности... – но тут же поправился: – внешне не хватает, но посмотри, как он двигается! С таким не приведи Мать-Природа схлестнуться на кинжалах». – «Да, но в бою на мечах, тем более со щитом, он не продержится и минуты», – поддакнул Север. Брен, решив осадить карвиров, припечатал: «Ристану не нужно потрясать оружием, он добивается желаемого стилосом и речами». К его удивлению, союзники согласились, и Иллариий добавил: «Точно, как ты сам, Брендон. Только не вздумай спать с первым встречным, это не доводит до добра. И Ристана не доведет, ибо вертеть любовниками можно лишь до определенного предела», – а Данет вертел. Он привез на встречу свитки, в коих были расписаны некоторые планы их врагов – имперских стратегов и Сената, – и попросил взамен об услуге. У Брена перехватило дыхание. Согласись карвиры, и тайный торговый союз между вольноотпущенником и Лонгой стал бы союзом долгосрочным и куда более серьезным. Одно дело – просто совместно наживаться на поставках, и совсем другое – помогать посадить на трон Кладия нового императора... Ристан задумал рискованное дело, и карвиры говорили: «Остер сейчас просит нашей помощи, но нам без него будет стократ труднее».

Они четверо расположились за огромным столом, заставленным вином и закусками, а Райн Рейгард стоял у Брена за спиной. Человек, сидящий напротив, был сдержан и краток. Темные волосы с рыжим отливом, чистые глаза, что постоянно меняли цвет, безупречные черты – недаром с тех пор, как Данет Ристан разделил ложе с императором, в Риер-Де поменялись даже изображения Любви. Но язык вольноотпущенника не знал ни любви, ни справедливости. Он говорил о скором падении империи, о жестокой драке за власть и земли, что разгорится вскоре, да что там – уже идет! И о необходимых мерах, кои нужно предпринять немедленно...

«Думай, с кем ты говоришь, Ристан, – процедил Иллариий. – Куда б не занесла меня судьба, какую дорогу я бы не выбрал – когда-то я принес присягу Риер-Де и своему дяде. И не собираюсь становиться клятвопреступником и предателем, кем бы меня там не объявлял Сенат». Север молчал, но Брен видел – ему речи остера не по вкусу. Однако видел и другое: необъяснимая неприязнь, кою питали к Ристану карвиры, была вполне взаимной – бывший раб их тоже не терпел. Брен заметил, каким отстраненно вежливым стало лицо Данета, но твердость речи вольноотпущенника не изменилась. «Потому и пришел я сюда, – продолжил он, – к тебе, Иллариий Каст, и тебе, Север Астигат, ибо верному сыну народа ривов любовь к отчизне диктует защитить Риер-Де от скверны, а твой союзник навсегда обеспечит оборону рубежей. Некогда грозный лев издыхает у нас на глазах, вы сами это знаете...» – «Знаем, – перебил Север, – говори свои условия».

Иллариий сжал губы, но кивнул. Что ж, лучше честная неприязнь и вынужденный союз, чем лживые сладкие речи...

Потом брат и Иллариий вышли, оставив их вдвоем, и Райн сел в кресло рядом. О чем думал любимый? Как хорошо, что они обо всем на свете говорят прямо! Брат кресла улыбнулся первым, он не видел необходимости скрывать – сотрудничество с Данетом для него всегда было приятным. Ристан улыбнулся в ответ, даже глаза чуть потеплели и стали зелеными, точно молодая листва. «Ты в точности такой, как я думал», – тихо сказал Данет на остерийском, но Брен ответил ему на языке ривов – не хотел иметь тайн от Райна. Они проговорили пару часов – обо всем и ни о чем; и наместник уверился в первоначальном впечатлении: Данет Ристан великолепен, будто клинок лучшей стали, и так же опасен. Безумно хотелось спросить, не чувствует ли остер воронки в своем теле, но за такой вопрос союзники оторвали бы ему голову – и были бы правы! Но Данет что-то знал о силе, о мощи илгу, таящейся в его сути – он умел придерживать пьющую спираль... Так странно! Брен хорошо знал этот прием, выученный всеми, кто воевал с Инсаар: не дать силе вырваться на волю и жрать все живое, пока в том не будет крайней нужды. Будь прокляты война и политика, не дающие говорить о самом важном! Вместо этого он спросил о том, о чем хотел писать в следующем письме: «Твои перекупщики, роммет Данет, вновь завышают пошлины на железо и зерно, вели им прекратить». Ристан возразил было, что цены растут и людям нужна выгода от торговли, но наместник Лонги оборвал его: «Плати им из собственного кармана, твоя доля вполне это позволяет». Остер склонил голову и усмехнулся карминовыми губами: «Ты удивительный человек, роммет Брендон, ты не похож ни на кого из тех, кто встречался мне на пути. От твоих слов становится тепло, даже если ты произнесешь проклятье... ответь на один вопрос: как человек, как все человечество может избежать пустоты – самого страшного, что есть в мире?» Брен мог бы сказать, что видел вещи куда страшнее пустоты, но, подумав, понял, что вольноотпущенник прав – ненависть и разрушение оставляют после себя ничто, иссушенность, пустыню, которую невероятно трудно наполнить жизнью. «Я не знаю, Данет, – негромко ответил он, – а если бы знал, то стал бы богом. Для себя я все решаю просто: люби мир, люби его Дары и не жадничай сам». Ристан вдруг дернулся всем телом и ответил еще тише: «Не всем подходит твой совет, Брендон, но я его запомню». Остер уехал вечером. Они с Райном проводили его, а через три месяца, когда война с Риер-Де уже началась, Данет прислал письмо.

«Ты мне не друг, не родич, но позволь писать тебе, будто так и есть. Я понял, о чем ты говорил – есть некая суть любви, и осознание ее делает человека счастливым, какие б беды ни обрушились на него».

Год от основания Отца городов Риер-Де 879 Десятый год союза Лонги

Вилла Клеза

«Ты мне не друг, не родич, но позволь писать тебе, будто так и есть. Я понял, о чем ты говорил – есть некая суть любви, осознание ее делает человека счастливым, какие б беды ни обрушились на него».

Суть любви – между войной и миром, между долгом и желанием, болью и счастьем. Сердцевина ее – всегда на острие ножа. Пройти по пути, что тоньше волоса, и не упасть – немыслимо сложно, а некоторым и не нужно. Но падаешь ты прямо в объятия пустоты, жадной и голодной, что ждет любого, кто опустил руки и перестал бороться.

Простые слова и понятия, а доходили целую жизнь. Брендону Астигату-старшему скоро тридцать лет, но он по-прежнему ждет от Вечного Леса подсказки.

Брен сбросил с себя одеяло, оттолкнул в сторону свитки и, сбежав с крыльца, понесся по дорожке к воротам и дальше – к темной чащобе. Райн приехал всего на пару месяцев, очень скоро помощник командира Первого легиона вернется на границу с Кадмией, где сейчас затишье, но вскоре война вновь подаст голос. Два года бойни, а будет еще... империя не желала сдаваться, издыхающий лев рычал грозно, но союзу Лонги удавалось противостоять врагам. Противников много, но нет меж ними единства, даже в самом сосредоточии власти Риер-Де – императорском дворце – таится измена. И отдых так короток! После Брен вновь останется один с племянниками, а Рен и Стеф пока не помощники, и от Рена неприятностей больше, чем радости. Останется, и каждый день будет тосковать, хотя забота об оружии, снаряжении и продовольствии для воюющих легионов и о нуждах мирных жителей, землепашцев и ремесленников, что придают войне смысл, не оставляют места для тоски. Но по ночам он никогда не засыпает сразу, хотя устает смертельно – тихо сидит на ложе, вслушиваясь в слабый звон нити.

Он почувствовал любимого прежде, чем увидел. Хотел было сказать, что уходить на пару часов, не предупредив – свинство со стороны командира Рейгарда, но радость смяла все намерения. «Ходил проверить волчьи ямы вместе со сторожами, в Клезе должно быть безопасно», – весело оправдывался Райн. Потом прижал Брена к себе, и тело приняло теплый поток – это был старый ритуал, понятный лишь им двоим. Райн хотел дать любовнику как можно больше и придерживал в себе силу, а Брен лишь радовался. Аммо труднее на войне, чем раф и илгу, пусть не забывает, как нужно защищаться, а на ложе он все вернет любимому сторицей. В нем много силы! Они поднялись по ступенькам, и Райн осуждающе покачал головой: «Что это ты пишешь протектору? Просишь, чтоб Лиссу привезли в Трефолу?» – «Да, а что дурного? Пусть девочка поживет с родней, и муж ее тоже пусть здесь живет», – ответил Брен, предвкушая, что будет после того, как Райн приведет себя в порядок. «Девочка! Вот потому ты и маешься с племянниками. Все детьми их считаешь, они поседеют, а ты все будешь их нянькать!» – голос Райна стал сердитым, и Брен даже обиделся. Застрял так надолго и еще поучает! «Девочка Лисса – давно сама мать, своим кудахтаньем ты унизишь ее мужа, ведь Иллариус уж точно непременно согласится позвать твою племянницу в столицу. Трясется над детьми союзника сверх меры, будто сам Север мало их разбаловал! Не дело это – навязывать нойру патлатому волю жениной родни, хотя лучше б, конечно, Лиссу отдали за лонга или уж за «предречного», жила бы ближе». – «Я просто хочу знать, как она там, не обижают ли ее, «нойр патлатый» мне не племянник...» – «Ну, не злись, Брен», – засмеялся Райн и повлек его в дом.

Они остановились на старой большой лестнице, по которой, должно быть, еще старый Вильдан Астигат навстречу поднимался с новой наложницей, и вдохнули запах древесины и свежей хвои. Скоро будет дождь, дерево всегда так пахнет перед дождем... Райн обнял его за талию, пресекая все сердитые попытки вырваться. Прикосновения стали жадными, и вот широкая ладонь огладила поясницу:

– Как не целовать такие губы, вот скажи? Надуйся еще, ну же, Брен!